

36  
СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА,

802-11  
ЖУРНАЛЬ 214

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Евдеемъ Булгаринымъ.

ЧАСТЬ СТО ШЕСТНАДЦАТАЯ.

№ 21-24

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1827

1827.

116

**ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,**

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Октября 27 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ и Кавалеръ  
Продіонъ Вятринскій.*

**СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.**

1827. № XXI.

**I.  
ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.**

**I.  
Посѣтители Висбаденскихъ теплицъ.  
(Окончаніе.)**

Смяшеніе, происшедшее въ лодкѣ, неописанно. Все кричали, плакали, перебѣгали; ни кто не слушалъ, ни кто не видѣлъ, что происходишь вокругъ него. Общій испугъ оковалъ и шѣхъ немногихъ, которые еще имѣли сначала присущіе духа, чтобы помышлять о спасеніи.

„God damm, господа! помогните мнѣ, я не могу больше держашь его одинъ!“ закричала вдругъ громкій голосъ посреди общей сумятицы.

Это былъ Англійскій офицеръ. Онъ споялъ на колѣнахъ въ маленькой своей лодкѣ, одною рукою цвѣляся за борть большой ладьи, а другою схвативъ за ворошь безчувственного Ательберша, держалъ его, головою повернувъ въ воду, почпи съ нечеловѣческой силой.



Тогда бросились къ нему гребцы, ле слишкомъ ошпорожно распалквивая прочихъ, и черезъ минушу Адельберштъ, съ кошораго ручьями бѣжала вода, лежалъ распросшерпый вдоль лодки, со всѣми признаками смерши. Спаситель его, не ожидая приглашенія, вспрыгнулъ въ слѣдъ за нимъ. Между шѣмъ, какъ онъ его выпаскивалъ, выпало у него изъ рукъ весло и уже далеко прыгало по разыгравшимся волнамъ Рейна; почему Англійскому офицеру и невозможно было оставашься долѣе въ своей маленькой лодчкѣ.

Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ въ Адельберштѣ спали открывашь признаки возвращающейея жизни, и воепоргъ, объявпий всѣмъ, былъ почти еполь же сумашпощепъ, какъ и прелпий испугъ онъ случившагося бѣдешвіа. Громкія, восклицанія радости пробудили Мальвину изъ ея безчувственности; ея первый взглядъ упалъ на блѣднаго, недвижимаго Альберта; она вспрепенулась, съ отчаянїемъ, близкимъ къ сумашествїю, продралась между всѣхъ обступившихъ его для поданія помощи, бросилась подлѣ него на колапа, положила на нихъ поникшую его голову, согрѣвала окочевшїа руки его у груди своей, умоляла его, въ самыхъ отчаянныхъ, душу раздирающихъ

выраженїяхъ, какія лишь только нѣжнѣйшїа чувства любящей женщины внушїшь могутъ, чпобъ онъ хоть однажды еще, только однажды взглянулъ на нее, называла его самыми спраспными именами, какія когда либо избобрѣшала любовь; и когда наконецъ открылъ онъ глаза, когда она увидѣла, чшо онъ узнаепъ ее; шп съ радоспнымъ, пронзительнымъ крикомъ бросилась на грудь его, и крѣпко прижавшїе къ ней, близка была, опъ чрезмѣрнаго воепорга, во вшпрой разъ упаспъ въ обморокъ.

Между шѣмъ, какъ сіе происходило предъ глазами всего, почти оцѣпенѣлаго опъ изумленія общеспва, гребцы, усугубленными силами, съ невѣрояпною скороспїю домчались до берега и причалили къ небольшой Эльфельдской пристани.

„Какъ вы теперь себя чувспвуепе?“ спросилъ Англїйскїй офицеръ, кошорый во все время не спускалъ глазъ съ Мальвины и Адельберта: „я думаю, чшо вамъ эшо кунапье не сдѣлаепъ большаго вреда, если сію же минушу перемѣните плашье“ — прибавилъ онъ, помогая спасенному имъ подняшься на ноги. Пошомъ обратился онъ съ необыкновенною усмѣшкою къ Мальвинѣ: „г-жа Райнерпстаузенъ“ — еказалъ онъ, учшиво поклонившїеся: „вопъ вашъ альбомъ; мнѣ

удалось и его спасли; онъ правда мокръ, какъ и почтенный вашъ сожигель, но впрочемъ невредимъ. Предоставьте молодого человека еще разъ моему попеченію, я живу вонъ въ эпошь домъ, пойду съ нимъ шуда и поспараюсь, чпобъ онъ, обсушась, явился оянь къ обществу.“ Тушь взявъ онъ Адельберша за руку, помогъ ему съ большою оспорожностью выйдти изъ лады и повель его, какъ соннаго, въ показанный прежде домъ.

„Вошь шо-шо счастье въ слѣдъ за бѣдою!“ начала г-жа Шшейфельсъ, какъ скоро всѣ дамы собрались въ особой, фигурно и пышно убранной горницѣ шракшира подь вывѣскою розы, и осшались однѣ, чпобъ нѣсколько оправившя ошь менуга. „Но эпошь Англійскій офицеръ вѣдъ преславный малый! посмотри, Мальвина, шы сама на себя не похожа!“ проговорила она съ одного духу.“ Душа моя! шы шакъ мокра, какъ будно сама купалась въ Рейнь, и какъ зибнешь, какъ дрожишь! Да, эшо было очень мило со стороны молодого Райнершгаузена, чшо онъ — посмотри, Боже мой! посмотри: швой прелесшная новая блуза вся измяпа и перепорчена, а шюпка Ишальянская шляпка — ее негодяи гребцы всю замюпшали ногами — нѣшь, вышвшняго дня я въ цѣ-

лый вѣкъ не забуду! — ай, ай! прекрасные швои марабу, на чшо они спали похожи? — Ахъ, душа моя, сколько я слезь пролила, когда шы передь молодымъ человекомъ спала на колѣни и благодарила его; ужъ правда, чшо было за чшо и поблагодарить — но, Господи Боже мой! на чшо я сама похожа? весь подоль захлюшала у своего новаго плашья — ошчего бы эшо? Да, много бываетъ горя на свѣш! Подумай, если бѣ Рейнершгаузенъ ушонулъ, погнавшисъ за швоимъ альбомомъ! Эпошь Англійскій офицеръ явился будно съ неба — я право и не знаю, ошкуда — какъ разъ былъ онъ шущ! Но, Мальвинушка, ошчего эшо назваль онъ шебя г-жею Райнершгаузенъ, какъ будно шакъ и должно бышь? И чшо онъ еще говорилъ о сожигель? Ты, я чаю, въ шюскъ пропустила мимо ушей!“

Всѣ дамы собрались въ кружокъ, чпобы послушашь отвѣна на вопросъ, кошорый всѣхъ ихъ занималь внушренно; но имъ не удалось ничего услышашь. Мрачная и погруженная въ глубокую задумчивосшь Мальвина, сидѣла безгласно и много прошло времени, пока она успѣла сколько нибудь придши въ себя. И шакъ дамамъ ничего не оставалось болѣе, какъ приводить въ порядокъ, сколько позволяли обстоятельштва,

свѣй шуалеть, болѣе или менѣе пострадавшій ошъ сумяшницы въ лодкѣ. И о Мальвинѣ, дѣйствительнаго весьма промокнутой, приложили всевозможное попеченіе, и она примѣшно спала оправляясь, какъ скоро почувствовала себя въ сухой одеждѣ; въ ней проявилась прежняя величавость, копорая невольнаго ошклоняла всякій неумѣстный вопросъ. Хотя все еще въ примѣшномъ волненіи, но она первая пошла, нешвердыми шагами, въ объединенную залу, гдѣ должно было собраться все общество.

Посреди сей залы уже споялъ Адельбертъ, наряженный порядочно въ спашской одеждѣ, заимствованной имъ у Англійскаго офицера, копорый находился шунъ же, въ полномъ блестящемъ своемъ мундирѣ. Кроме того, что на лицѣ перваго изъ нихъ еще замѣшна была блѣдность, казалось, что исчезли и слѣды приключившагося несчастья. Нѣмъ и угрюмъ споялъ Баронъ у окна, особаго ошъ другихъ, и мрачнымъ испускающимъ взоромъ смозрѣлъ на племянника; между прочими мужчинами видна была шже кака-шо принужденность.

Увидя Адельберта, Мальвина бросилась въ его объашія, въ копорыя и ошъ заключилъ ее съ умиленіемъ и любовью; шеперь только слезы облегчили стѣсненное сердце

ея; она плакала на его груди, не обращая вниманія на то, что все общество ихъ обшунило. Наконецъ ошерла она слезы и съ благородною осанкою, взявъ руку Адельберта, спала говоришь громко и вразумительно:

„Теперь намъ невозможно, милый Адельбертъ, сохранять долѣе шайну, копорая послана была для насъ условіемъ нашего счастья. Вся здѣсь присутствующіе засвидѣтельствуютъ, что мы, для исполненія своей обязанности, дѣлали все, что было въ нашихъ силахъ. Но коварный случай преждевременно поднялъ завѣсу, подъ копорую мы скрывали себя; и можно ли думать о наружныхъ отношеніяхъ, когда едва не повергла я сама въ погубель шого, кто мнѣ дороже всѣхъ въ мѣрѣ? Теперь однако надобно подумать и о другихъ; прошу же себя, милый Адельбертъ, предешавъ меня обществу, какъ супругу, уже почти цѣлый годъ шебѣ принадлежащую, и помощи выпросить у дяюшки прошеніе племянницъ, копорая, въ своемъ спрогомъ инкогнишо, могла надѣлать разныхъ глупостей, но шеперь въ нихъ ошъ души раскаиваешся.“

При сихъ словахъ, съ невыразимую пріяшностью, прошѣснилась она, обруку съ Адельбертомъ, сквозь обшунившаго ихъ

кружка присущивующихъ, кошорые полько что начали было свои поздравленія, и поспѣшила къ Барону, кошорый все еще споялъ неподвижно у окна. „Дядюшка, милый дядюшка!“ говорила она ласкаясь къ нему: „не огорчайшесь такою внезапностью! мы располагали гораздо лучшимъ образомъ открыть вамъ шайну, но этого не случилось. Повѣрьте, что я посвящу всю жизнь свою на успокоеніе и утѣшеніе ваше, взгляните ласковѣе на вашего Адельберта и его Мальвину.“

— „Гжа Райнершгаузень, я поздравляю васъ! вопшь все, что при такой нечаянности могу вамъ сказать; дальвѣйшія объясненія, какія могутъ потребоваться, побережемъ до минуты, болѣе покойной.“ Таковъ былъ отвѣтъ Барона, говорившаго холодно, но съ достоинствомъ.“

„Дядюшка, любезнѣйшій дядюшка!“ воскликнула, умоляя, Адельбертъ: „неужели не удостоише меня благосклоннаго взгляда!“ При сихъ словахъ онъ хотѣлъ взять руку Барона, но сей отдернулъ ее съ досадою. „Обманщикъ!“ пробормоталъ онъ шакъ, что могъ услышать только племянникъ его.

„Нѣтъ, этого имени я не заслуживаю!“ вскричалъ Адельбертъ и багровая краска выступила на лицѣ его: „Нѣтъ, дядюшка,

никогда умышленно я васъ не обманывалъ, не смотря на то, что обстоятельство принуждали меня скрыть предъ вами на некошорое время союзъ съ женщиною, кошорая, по всѣмъ отношеніямъ, не недостойна называться племянницею вашею. Что я убѣждалъ отъ Мальвины въ обществѣ, къ тому принуждала меня любовь; могъ ли бы я иначе скрывать это чувство, споль сильно владѣющее мною? Что вы и многіе изъ сего круга, это умышленное отдаленіе отъ такого существа, кошорое было любимо всѣми, считали доказательствомъ ашипалити моей, въ томъ я не виноватъ; но въ моихъ погдашнихъ обстоятельствахъ, это было очень кшатши, и признаюсь, что я не спарался разрушить такого общаго мнѣнія; однако не спарался и подкрѣплялъ его чѣмъ-либо умышленно. Кто можетъ меня уличить, чтообъ я когда-либо позволилъ себѣ какое нибудь шочно дурное слово о Мальвинѣ?“ сказалъ онъ, возвыся голосъ и окинувъ быспрымъ взоромъ присущивующихъ. „Нѣтъ, никогда! я спарался только избѣгать всякаго сближенія съ нею при свидѣтеляхъ, жилъ только для васъ, любезный дядюшка, а когда позволялъ случай, для моей скрышной, но Божескими и челоувѣческими законами освященной любви. Та-

кимъ образомъ думали мы дождаться мгновенія, въ которое позволено бы намъ было, сбросишь завѣсу тайны. Вы, г. Маіоръ,“ продолжалъ онъ, обращаясь къ Англійскому офицеру: „вы открыли и огласили ее, но вы спасишель моей жизни, и первымъ доказательствомъ своей благодарности спавляю я то, что не намѣренъ спрашивать васъ, какимъ образомъ вы сдѣлали это открытіе.“

— „Мало по малу — я готовъ ко всякому оповѣщу; но и мнѣ надобно кое въ чемъ объясниться.“ Такъ оповѣчалъ Маіоръ, съ вѣжливою уклонкою.

Адельбершъ обратился опять къ Барону. „Повѣрьте мнѣ, почтеннѣйшій и горячо любимый мною дядюшка, что при всей скрытности, относително единственной моей тайны, изліянія сердечной моей къ вамъ преданности были всегда искренни; источникомъ ихъ была душа моя, пресполненная глубочайшей къ вамъ благодарности. И если бѣ вы, съ этого мгновенія, отвергли меня опъ своего сердца, если бѣ взоръ вашъ, теперь опъ меня опвращенный, никогда, съ привычною вамъ доброшою, не обратился на сына вашего единственнаго брата, и тогда, пока я дышу, буду почиташъ васъ впорымъ опцемъ своимъ, благо-

шворипелемъ безпомощной моей юности, которому я всемъ, всемъ обязанъ. Возьмите, ахъ, возьмите все назадъ, всѣ благодарнія ваши“ — вскричалъ Адельбершъ съ блиспающими глазами, въ большомъ душевномъ движеніи: „только не лишайте меня шой увѣренности, что я не могу казашъ низкимъ въ глазахъ вашихъ; пусть опвращишся навсегда опъ меня сердце ваше, но позвольте надѣяться, что это будетъ не изъ презрѣнія.“

Всѣ присутствующіе пришли въ удивленіе опъ словъ Адельберша, ни одинъ звукъ не перервалъ словъ его, и теперь, когда онъ кончилъ, всѣ молчали и обратили взоры свои на Барона, который все еще стоялъ угрюмо и въ негодованіи, хотя и не могъ совершенно подавить проявляющагося смягченія на лицѣ своемъ.

„Вы удостоили по крайней мѣрѣ, выслушать моего Адельберша“ — сказала Мальвина: „надѣюсь, что не откажете въ шомъ и мнѣ.“

— „Только не здѣсь, изберише къ шому удобнѣйшее время, г-жа Райнершгаузенъ“ — оповѣчалъ Баронъ.

„Здѣсь, въ эшу минушу, самую для шого удобную; здѣсь предъ сими свидѣтелями, какъ моего поведенія во все проживаніе въ

Висбаденъ, такъ и происшедшій сего упрямъ я требую того, какъ должной справедливости, какою обязаны вы мнѣ и самому себѣ. Молва о женщинѣ, кошорую вы сами признаете въ правѣ носить ваше имя, не должна переходить, искаженная, изъ устъ въ уста. И меня, какъ моего Адельберша, могли бы обвинить въ своекорысномъ предательствѣ. Мое сердце порывается высказать всю правду; что я желала и дѣлала, но не должно быть прикрито робкою ложью — я къ тому не способна. Такъ, любезный дядюшка, признаюсь вамъ, мой мужъ сказалъ мнѣ, что вы не желаете называть племянницею вашею чужеземку: по сему-то, не безъ умысла, старалась я, при первомъ знакомствѣ нашемъ привлечь васъ ласкою и оплечить передъ всѣми; мнѣ хотѣлось васъ задобрить, хотѣлось испреступить предубѣжденіе ваше къ иноземкамъ, я была готова даже, прежде, нежели васъ узнала, приноровиться къ причудамъ предполагаемаго спранныго шаричка, внушить ему заранѣе мысль, что я готова дѣтски ему поклониться, способна дѣлать и забавлять его старость. Я не нашла ни причуды, ни спранныости, я нашла въ васъ, любезнѣйшій дядюшка, чего никогда не ожидала, и сердце мое приблизилось къ вамъ несравненно

слабѣе, нежели предполагала холодная разсудительность; съ тѣхъ поръ исчезъ умыселъ, я поступала, какъ не могла поступать иначе, уважая и любя васъ за самаго любезнѣйшаго изъ моихъ родственниковъ. Такова была, шакова шеперь, и шакова навсегда оспанешся моя къ вамъ преданность, хотя бъ вы насъ и опвергли; я, вмѣстѣ съ моимъ Адельбершомъ, буду дѣтски любить и уважать васъ, какъ бы ни огорчало меня то, что вы не хотите видѣть доказательствъ того на самомъ дѣлѣ. Теперь пойдемъ, Адельбершъ, предоспавимъ благородному сердцу дядюшки говорить за насъ дѣла. Осправимся назадъ въ Висбаденъ; исподнимъ шолько напередъ долгъ нашъ изъявленіемъ искреннѣйшей благодарности шому, кто спасъ шебя отъ гибели.“

Съ сими словами обратилась она къ Маіору, но сей спалъ опешупать назадъ, по мѣрѣ того, какъ она къ нему приближалась.

„Милостивая государыня!“ сказалъ онъ: „и я долженъ кое въ чемъ объяснитьсь, какъ упомянулъ уже прежде. То, что я выплещилъ изъ воды супруга вашего, не заслуживаетъ благодарности; это вознаграждается само собою и такимъ образомъ, что можете быть, и вамъ не совсѣмъ пріятно



будешь. Я попрошу васъ, г-на Райнертсгаузена и Барона, на нѣсколько минушь для переговоров; но, если позволите, послѣ объѣда, попому, что хозяйка уже два раза совывала сюда голову и я боюсь, что просыпнеть кушанье.“

— „Такъ ты въ самомъ дѣлѣ за-мужемъ, Мальвинушка“ — проговорила шутъ г-жа Шшейнфельсъ, кошорая полько что опомнилась отъ изумленія, кошорымъ до сихъ поръ была окована.

„Я почно за-мужемъ и прошу васъ, пожелашъ мнѣ добра!“ отвѣчала Мальвина, обнимая ее.

— „Боже мой! Боже мой!“ вскричала г-жа Шшейнфельсъ: „и какъ нарочно при объявленіи о швоей свадьбѣ надобно было закушашъ себя въ эпошь негодный вашнй капошь. Однако, душа моя, шеперь полько пришло мнѣ въ голову, что скажешъ мужъ мой, когда узнаешъ?“

„Ничего не скажешъ“ — возразилъ Адельбертъ, цѣлуя руку ея: „попому что онъ самъ былъ при нашей свадьбѣ.“

— „И все это сдѣлалось безъ моего вѣдома, не дали мнѣ и приданого справить, какъ водится, будшо не было меня и на свѣшъ!“ воскликнула г-жа Шшейнфельсъ въ огорченіи.

„Я уже была за-мужемъ, когда вы, въ прошедшемъ году, такъ благосклонно приняли меня въ своемъ домѣ“ — отвѣчала Мальвина и спаралась успокоить ее своими ласками.“

— „Нѣшъ, ужъ это слишкомъ!“ про-должала со слезами на глазахъ г-жа Шшейнфельсъ: „сыграшъ со мною шакую комедію! я бы никогда не ожидала отъ себя этого! — Конечно!“ примолвила, рыдая, добрая женщина и упала на шею къ Мальвинѣ: „и я можешъ бышъ, не хорошо дѣлаю, что браню тебя, душенька; шеперь вѣрно не такъ-шо было весело, когда ты рѣшилась на шакой важный шагъ — при томъ, кто можешъ поручишъся за свое сердце?“

„Я нашель Мальвину въ Парижѣ“ — началъ опять Адельбертъ: „у отца ея, хотя во многомъ несходнаго съ обыкновенными людьми въ свѣшъ, но всемъ сердцемъ къ ней привазианнаго. Я нашель ее, окруженную избранными, самымъ образованнымъ обществомъ всехъ націй. Не мнѣ выхваляшъ ее, попому, что уже она моя, и все здѣсь ее знаюшъ. Что я не чувствовалъ къ ней сильную, непреодолимую спрасть, это весьма естественно; но не умью сказашъ, какимъ образомъ удалось мнѣ привлечь къ себѣ это прелестное сердце. Мы снади оди-

наково чувствовашъ и при шѣхъ же чувстввахъ останемся на вѣкъ, чшобъ ни случилось съ нами“ — прибавилъ онъ съ блистающимъ взоромъ. „Моя возлюбленная съ большою швердостію вопрошивалась на мѣренію моему просить благословенія на союзъ нашъ у ея родителей: съ пѣкошораго времени онъ очень прихварывалъ, она составляла для него все, и ей не хотѣлось огорчать больнаго старца предположеніемъ разлуки. Часто изъявлялъ онъ желаніе, чшобъ Мальвина, ранѣе двадцати чешырехъ лѣтъ не выходила за мужъ, но никогда не допускалъ онъ шой мысли, чшобъ она считала себя обязанною исполнить его желаніе, зная, чшо было бы несправедливо связывать шакимъ образомъ ея волю. Однако Мальвина поклялась въ душѣ своей, не отдавать ни кому руки своей до срока, положеннаго ошцемъ ея; она призналась мнѣ въ шомъ со свойшвенною ей ошкровенноштію и оставалась шверда въ своемъ намѣреніи, не шмошря на все, чшо ни говорилъ я противъ шого. Ей было шогда двадцать два года; и шакъ еще два года должно мнѣ было прожить въ мучительномъ ожиданіи, прежде, нежели я могъ назвать ее своею; но я имѣлъ ошраду жить близъ нея и забывалъ шоску свою.“

— „Г-жа Райнершгаузенъ, въ прошедшемъ году, по собственному признанію супруга ея, была двадцати двухъ лѣтъ; прошу всѣхъ прислушашъ это!“ воскликнулъ вдругъ самымъ громкимъ голосомъ Маіоръ. Всѣхъ взоры съ изумленіемъ къ нему обратились, но какъ онъ ничего не присовокупилъ, шо Адельбершъ спалъ продолжашъ свой расказъ.

„Болѣзнь Барона Вальборна внезапно усилилась. Онъ всегда былъ ко мнѣ благоклоненъ и позволялъ мнѣ раздѣлять заботы его дочери при болѣзненномъ одрѣ его. Двѣ мучительныя ночи провели мы, не ошходя ошъ него; пошомъ положили его во гробъ. О, какъ много взаимная горестъ шособшвовала къ укрѣпленію союза нашего! Мальвина, не плачь! я не ошпаивлюсь долѣе на эшихъ дняхъ печали. Мы послали эшафешу въ Галловерь, къ Барону Шшейнфельсу, единшвенному другу юности усопшаго, который сдѣлалъ его опекуномъ ошротшвой своей дочери и исполнителемъ пошлѣдней своей воли. Ранѣе, нежели мы ожидали, прѣхалъ онъ за Мальвиною, кошорой, согласно желанію родителей ея, надлежало перейти въ его домъ. Съ перваго взгляда шакъ много внушилъ онъ намъ довѣренношши, чшо мы рѣшились ошкрыть ему свою

любовь. Распечатали духовную, и хотя въ ней также давалъ покойный свой опеческій совѣтъ, чтобы Мальвина не заключала узъ брака до двадцати четьрехъ лѣтъ, однако пущь не было ошнюдь ничего, ея къ шому непремѣнно обязывающаго. Спрашная любовь моя покорила наконецъ всю ея нерѣшимость въ этомъ отношеніи, но пущь воспротивился моимъ желаніямъ г. Шпейнфельсъ. По причинамъ, на кошорыхъ, какъ онъ увѣрялъ, основано наше же благо, но кошорыхъ до положеннаго срока не могъ онъ намъ открьшь, насманвалъ онъ даже, чтобы мы соблюдали строго вшайнѣ самую любовь свою, пока наконецъ двадцать четьвершій годъ Мальвины не разрушишь все прешпешивіа къ нашему соединенію.

„Мальвина согласилась охотно на предложеніе своего опекуна; пошомъ уговорили и меня; я ушѣшался надеждою, что могу сопущешшовать ей въ Германію и живучи близъ нея, или въ часныхъ свиданіяхъ съ нею, сокращающъ время, споль шягосшное и споль въ глазахъ моихъ продолжштельное. Вдругъ получилъ я приказаніе дядюшки, чтобы, объездивъ уже въ шо время Англію, Францію и Ишалію, посшранешшовалъ я еще по Швеціи и Норвегіи, и занялся шочнѣшшимъ изученіемъ шамощнаго усшройшства

жельзныхъ заводовъ. Какъ возмушилось тогда мое воображеніе! цѣлый годъ провести въ разлукѣ съ возлюбленною, въ шакон опщдаленности, можешь бышь, не получа ни разу о ней извѣстіа? Уже я видѣлъ Мальвину въ кругу людей незнакомыхъ, удвляющшхся ей, любящшхъ ее, распавляющшхъ сънш оболщченія, кошорыми я, жалкій, могъ бышь совсѣмъ изгнать изъ ея памяти. Томпшелныя мученія неизмѣримой любви, пламенная ревность, пагубныя заботы, все подавляло меня, все вело къ разрушенію жизни моею, приближало меня къ сумасшествовію. Тогда наконецъ умилосшвилась надъ нами г. Шпейнфельсъ; по его распоряженіамъ усшропщлась свадьба наша: священникъ при одномъ чужештранномъ посольствѣ обвѣщчалъ насъ шайно. Мы должны были покляшться, никому не открьвашъ своего брака, никому безъ исключенія, и по совершеніи двадцатшчетьрехлѣтняго возраста Мальвины, повшоршшь снова вѣчаніе. Прямо отъ алшаря увезъ ее г. Шпейнфельсъ въ Ганноверъ, увѣривъ меня напередъ, что никакая власть на землѣ не похшпшшь у меня моей новобрачнон, и давъ мнѣ шакимъ образомъ силѣ и мужешство сносшшь разлуку. Здоровье мое незамедлшо отъ шого поправшлось и спу-

спя корошкое время, былъ уже и въ состоянїи исполнить волю моего дядюшки.“

— „Прощу всѣхъ присутствующихъ прислушаться и быть свидѣтелями“ вскричалъ опять Англійскій офицеръ — „что г. Райнершгаузенъ, какъ онъ самъ признался, назадъ шому годъ женился, въ Парижѣ, на дѣвицѣ Мальвинѣ Вальборнъ.“

„Государь мой!“ сказалъ шущъ Баронъ довольно вспльчиво, вы выпасили племянника моего изъ Рейна, и это конечно спомнѣ благодарности, но за всѣмъ шѣмъ не могу я не замѣшить, что вы слишкомъ уже смѣло пользуетесь принятымъ Англичанами обычаемъ, здѣсь въ Германїи спраннычашь.“

— „Ужъ я и прежде докладывалъ,“ — сказалъ покойно Маїоръ: „что хозяйка сюда заглядывала; за пяшь минушь передъ симъ заглянула она снова. Послѣ обѣда гошовъ я ко всякому объясненїю, а шеперь пора къ столу, — иначе не подадушъ намъ ни одного порядочнаго блюда.“

„Желаетъ шы еще говорить, что нибудь, Адельбертъ?“ спросилъ Баронъ, весьма смягчивъ свой голосъ.

— „Ничего болѣе, любезнѣйшїй дядюшка!“ отвѣчалъ шощъ. „О шомъ, что Мальвина уговорила нарочно для меня добрую г-жу Шшейфельсъ прїѣхать сюда въ Вис-

баденъ, кажешся, не спомнѣ и упоминашь. Теперь пойдѣмъ, Мальвина,“ прибавилъ онъ: „намъ обоимъ нуженъ покой и ошдохновенїе.“

„Г-жа Райнершгаузенъ!“ сказалъ Баронъ съ какою-шо приличною важностїю: „я желалъ бы, чшобъ ваши силы позволили вамъ и Адельбершту побышь съ нами еще часа два. Можешъ бышь, шо необыкновенное впечатлѣнїе, какое сдѣлали на всѣхъ насъ прикаюченїа сегоднїшняго ушра, смягчїшся нѣсколько, если вы не пошчасъ насъ ошавите.“

Эши немногїа слова, хоща довольно еще сухо произнесеннїа, побудили молодую чешу ошашься. Къ великому удовольствїю Англїйскаго офицера, подали вскорѣ и обѣдашь, но за столомъ бесѣда была самая скучная. Едва немногїе, и шо не сводя глазъ съ шарелки своей, рѣшалась проговорить нѣсколько словъ сосѣду, шакимъ голосомъ, какъ будшо бы въ ближайей комнашѣ находился какой-нибудь шяжко больной. Несносная принужденность засшупала мѣсно веселосши, всегда господшвовавшей въ шломъ кругу, и пошому поднїались изъ за стола часомъ рапѣ обыкновеннаго.

„Неугодно ли шеперь новобрачнымъ и г. Барону Райнершгаузену идиши со мною въ особую комнашу?“ сказалъ швердо и

шторжесшвенно Маюръ. „Г-жа Шшейфельсъ можешъ намъ соушеспиващъ, если изводишь.“

— „Г. Маюръ!“ возразилъ Баронъ: „Случай хотъяль, чшобъ наши семейспвенныя обешояшельства получили родъ огласки, кошорая въ другое время конечно все необыкновенна. Чшо вы предполагаеше сказащъ, въроящю шакже имбешъ связь съ предыдущимъ, почему я жедаль бы выслуцащъ шакъ названное вами объясненіе здъсь же, въ кругу друзей нашихъ. Я большой врагъ всѣхъ околичностей, кошорыя только приводящъ въ недоумбіе и въ подозрвія. Поступай чесшно и не спрашисъ никого— шакково было всегда присловье моего дома.“

„На эшо я согласенъ!“ вскричала Англичанинъ: „пусъ эшо общество будетъ сосшавлять родъ собранія присяжныхъ, въ кошоромъ всѣ присуществующіе будутъ членами, кромъ прикосновенныхъ лицъ. Надъяюсь, чшо найду справедливыхъ судей. Не угодно ли же садисъ въ кружокъ?“

— „Ахъ, Боже мой Господи! эшо чшопш спрашисое— шочно будшо въ судейской Палатѣ въ Кобленцѣ!“ бормошала про себя г-жа Шшейфельсъ и садясъ на показанное ей мѣсто, красцвела и блъднела въ шоскашвомъ ожиданіи.

Между шѣмъ вынулъ Маюръ изъ бумажника запечашанный пакетъ и показывая его Мальвинѣ, спросилъ, узнаешъ ли она печашъ и надпись.

„Эшо печашъ съ нашимъ гербомъ, кошорую всегда упошреблялъ башюшка; ахъ, и рука его же!“ вскричала Мальвина и слезы навернулись на глазахъ ея.

Офицеръ, не обращая на шо вниманіе, взялъ у нея бумагу и спашъ показывашъ каждому въ кружкѣ, чшобъ видѣли цѣлосщъ печаша; пошомъ ошдалъ ее Барону и просилъ, распечашавъ, прочишашъ вслухъ.

Баронъ спашъ чишашъ. Въ началѣ былъ присшупъ, какой дѣлаешся въ каждомъ особомъ приложеніи къ духовной. Далѣ прочишашъ онъ слѣдующее:

„Въ полномъ разумѣ и по здоровомъ размышленіи, нахожу я нужнымъ распорядисъся, чшобъ содержаніе сего особаго присовокупленія къ моей духовной, и даже сущеспивованіе онаго, оставались неизвѣсшными моей возлюбленной единственной дочери, Мальвинѣ Окшавіи Вальборнъ, до шого дня, въ кошорый совершисъ ей двадцашъ чешыре года ошъ роду. Если же, вопреки чашшо изьявленному передъ нею моему родишельскому совѣшу, еще предъ испеченіемъ сего времени вступишь она въ бракъ, шо

необходимость объявить ей сіе завѣщаніе ошкроется сама собою.

„Буде дочь моя непреодолимо увлечется сердцемъ своимъ ко вступленію въ бракъ прежде помянутаго срока, шо надѣюсь, что счастье любви замѣнишь ей съ избыткомъ шу пошерю, кошорой надлежитъ мнѣ подвергнуть ее въ семь случаевъ, по долгу благодарности. Но дабы она ни съ какой стороны не имѣла корыстолюбивыхъ видовъ ири выборъ себя супруга, шо да покроешь печашь неизвѣстности сіе послѣднее мое распоряженіе.

„Годъ спустя по рожденіи моей дочери, въ погдашнемъ жилищѣ моемъ въ Лондонѣ случился ночью сильный пожаръ, кошорый привелъ въ опасность жизнь, нынѣ въ Бозѣ почивающей, возлюбленнѣйшей супруги моей Антони, урожденной Майнбергъ, съ кошорою имѣлъ я нѣкошорое время пребываніе въ Англїи. Дитя спасено было нянькою, но машь его навѣрное погибла бы самою мучительною смерщю, если бѣ не вырвала ее изъ пламени, съ большимъ присутствїемъ духа и очевидною собешвенною опасностїю, молодой Англїйскїй офицеръ, мнѣ въ шо время вовсе неизвѣстный. Уже черезъ день узналъ я въ немъ сына моего дальняго родственника, кошорого роди-

тели давно скончались; но какъ я объ его существованїи, шакъ и онъ обо мнѣ вовсе дошоль не вѣдали. Онъ назывался Эдмундъ Вальборнъ. Священною клятвою поклялся я шогда въ самомъ себя, его со временемъ, сколько въ силахъ моихъ сосшоашь будешь, за благороднѣй сей послушокъ, вознаградишь, и именно, буде позволяшь обстоятельство, рукою моей дочери, кошорой спасъ онъ машь. Я считаю несправедливошню препашествовашь кому либо идши жизненнымъ путемъ, имъ самимъ для себя избраннымъ; почему и не ошановилъ его ошправленїа, чрезъ нѣсколько дней послѣ пожара, въ Остш-Индїю, куда назначень былъ его полкъ, въ службѣ Остш-Индской компанїи сосшоавшїй. Съ шой поры никогда не писалъ онъ ко мнѣ, вопреки своему обѣщанїю, и я вовсе потерялъ его изъ виду, но сіе не спимаешь съ меня обязанности, бышь ему благодарнымъ и полезнымъ.

„Буде Эдмундъ Вальборнъ, въ печенїе двадцати шрехъ лѣшъ, шо есть со времени ошѣзда его въ Остш-Индїю до двадцатичетрехлѣшняго возраста моей дочери, не возвращишся назадъ въ Англїю, шо я долженъ считаешь его умершимъ или гдѣ-либо основавшимъ свое пребыванїе; почему на сей случай, сіе мое послѣднее завѣщанїе не

можешь быть исполнено. Но на шотъ случай, буде онъ прежде исшеченія того времени возвратиши; кладу я запечатанный списокъ съ сего завѣщанія, вмѣстѣ съ открышою онаго копіею, въ архивъ Оспъ-Индской компаніи, которая и вручишь ему то и другое при его возвращеніи въ Англію. Другая, съ сею совершенно сходная копія, находиши въ рукахъ Барона Эрнеста Шшейнфельса въ Ганноверѣ, которому извѣстно содержаніе оной, и который обѣщаль мнѣ, объ ономъ объявивъ моей дочери не ранѣе мною назначеннаго къ тому срока.

„И такъ я желаю, чтобы Эдмундъ Вальборнъ, въ случаѣ возвращенія его въ Европу, прежде совершившихся двадцать чепырехъ лѣтъ моей дочери, явился къ ней и просилъ руки ея.

„Буде Мальвина Оксавія Вальборнъ не согласиши на предложеніе Эдмунда Вальборна, то съ того самаго дня вступаешь онъ въ полное владѣніе моего помѣстья Вальншешъ, въ Ганноверскомъ Государствѣ лежащаго, со всѣми къ оному принадлежащими правами и доходами.

„Буде же Эдмундъ Вальборнъ не найдешь въ моей дочери качествъ, какихъ желаешь для своей супруги, то симъ обязывается Мальвина Оксавія Вальборнъ, запла-

тишь ему десять тысячъ шалеровъ, а сама останешся владѣлицею помѣстья Вальншешъ. Таковую же сумму можешь Эдмундъ Вальборнъ отъ нея требовать, буде онъ возвратиши въ Европу женатый, однако предъ исшеченіемъ назначеннаго мною срока.

„Если, прошивъ моего ожиданія, дочь моя прежде помянутаго срока выйдешь замужъ, а Эдмундъ явиши къ ней не женатый, то съ того же дня равнымъ образомъ вступаешь онъ во владѣніе помѣстья Вальншешъ, которое и надлежишь передать ему тогда же, какъ по праву ему слѣдующую собственность.“

Въ заключеніи сего спранныаго документа находилась подпись самаго Барона Вальборна и узаконеннаго числа свидѣтелей.

Глубокая тишина царствовала въ залѣ, когда Баронъ дочиталъ. Терзаемая тысячею горесныхъ воспоминаній, сидѣла блѣдная, какъ смерть, Мальвина, склоняся головою на грудь Адельберна, который, для ея поддержанія, споялъ предъ нею на кольцахъ, заключа ея крѣпко въ своихъ объятіяхъ. Одинъ Майоръ, при общемъ смущеніи, выдерживалъ свой характеръ, и въ это время разбиралъ и показывалъ Барону, одну за другою, множество бумагъ и документовъ, въ доказательство того, что онъ еще не

женать, и что онъ пошъ самый, за кого себя выдавалъ.

„Что жъ изъ всего этого должно выйти, г. Маіоръ?“ спросилъ Баронъ.

— „Какой вопросъ?“ возразилъ пошъ: „кажется я представилъ вамъ всѣ доказательства правъ своихъ. Помѣстье принадлежишь мнѣ.“

„Возможно ли? неужли вы рѣшились?“ воскликнула пошъ, увлеченная своимъ просподушемъ г-жа Шшейфельсъ. „Вы были Ангеломъ хранилищемъ моей милой Мальвины, такъ вѣрно не вздумаете лишить ее большой части ея имѣнія? Вы вѣрно будете великодушны?“

— „Будь прежде справедливъ, а потомъ великодушень, говоряшь у насъ въ Англии“ — сказалъ ничѣмъ неколебимый Маіоръ. „Къ своему ближнему всего больше должно бышь справедливымъ, а я самъ къ себѣ всего ближе, почему и беру смѣлоснъ спросишь у васъ, не угодно ли сдѣлать мнѣ порученій къ г. Шшейфельсу. Въ эту же ночь отправлиюсь я въ Ганноверъ; мнѣ хочется скорѣе привести въ порядокъ свои дѣла.“

Всѣ присутствующіе посмошрѣли съ явнымъ негодованіемъ на сего спранныаго челоуѣка, кошораго, безъ шого мрачное лице,

сдѣлалось еще опшврашительнѣе при семь замѣчаніи.

„У васъ въ Германіи много комедій“ — прибавилъ онъ и неприяшнюю улыбною осклабилосъ при пошъ лице его: „я прочишала ихъ нѣсколько помовъ для упражненія въ языкъ. Обыкновенно въ пяшомъ дѣйствіи являеишь Англичанинъ, которій бросаеишь много денегъ людамъ, чшобъ сдѣлать ихъ счастливыми; но такъ у васъ на театрѣ, а въ Англии всякій беретъ, что ему слѣдуеишь.“

Между шѣмъ Баронъ перелисшывалъ поданные ему докуменшы. „Вы уже годъ и чешыре мѣсяца въ Англии, г. Маіоръ“ вскричала онъ вдругъ.

„Точно такъ“ — было опшвѣшомъ.

— „Сшало бышь, не выполнили вы условія, посвашашься за дѣвицу Вальборнъ?“ сказалъ Баронъ съ возрастающимъ жаромъ.

„Служба и нѣкоторыя другія обстоятельства принудили меня промѣшкашь въ Англии.“

— „Но вы могли писашь.“

„Я желалъ прежде видѣшь даму, о кошорой идешь рѣчь.“

— „Вы не исполнили условій, предписанныхъ вамъ волею Барона Вальборна“ — говорилъ Баронъ сердитымъ голосомъ и со



сверкающими глазами: „по этому должны вы довольствоваться десятью тысячами палеровъ.“

„Еще цѣлый годъ былъ у меня впереди; что эта дама за-мужемъ, узналъ я только вчера вечеромъ, когда прохаживалась она въ саду со своимъ мужемъ. Солдаты не любящъ долго увиваться за молодой дамою. Одного года слишкомъ довольно, чтобы приобрести любовь — такъ я думалъ, и въ этомъ намереніи пріѣхалъ сюда.“

— „За всѣмъ шѣмъ ваши права подвержены большому сомнѣнію“ — возразилъ Баронъ, строго смотря на него; вы совсѣмъ не такъ легко дойдете до цѣли своей, какъ въроянно предполагали; возьмите деньги — можно нѣсколько прибавить...“

„О, не дѣлайте условій, не дѣлайте привязокъ и напаяжекъ, когда рѣчь идетъ объ исполненіи воли моего башюшки!“ воскликнула Мальвина, собравъ все свои силы. „Уже я и такъ поступила вопреки желанію, изъявленному имъ при жизни. Хотя я не раскаяваюсь въ томъ, но не потерплю, чтобы не исполнили буквально по смерти отца моего, того, что было ему угодно приказать. Возьмите“ — продолжала она, вставъ, и съ большимъ достоинствомъ обратясь къ Маіору: „возьмите, что вамъ

принадлежитъ, что принадлежало бы вамъ вполне и тогда, если бы вы ранѣ сюда пріѣхали. Больше, несравненно больше того, что могу дать, получила я отъ васъ въ это утро. Этого я никогда не забуду. Извольте вѣхашъ къ моему почтенному опекуну; завтра же пошлю ему согласіе на все ваши требованія.“

Маіоръ поклонился и поспѣшно ушелъ.

„Мальвина, вы очень пошоропились и напрасно такъ много пожертвовали,“ сказалъ Баронъ довольно спрогимъ голосомъ.

„Пусть такъ!“ отвѣчала Мальвина: „я не могла бы пользоваться непринадлежащимъ мнѣ, и увѣрена, что Адельбертъ шѣмъ не менѣе любитъ меня будешь. Мы теперь бѣдны, милый Адельбертъ, или по крайней мѣрѣ близки къ совершенной бѣдности. Признаюсь, что я уже не въ шѣхъ дѣлалъ и не имѣю такихъ романическихъ мыслей, что бы шому радоваться, и любовь въ хижинѣ никогда не принадлежала къ моимъ идеаламъ. Но думаю“ — продолжала она, положивъ руку на плечо своего супруга и съ удивленіемъ смотря на него: „думая, что до крайности мы никогда не доведемъ себя; ты будешь работашъ, а я постараюсь сдѣлаться бережливою и хорошею хозяйкою. Трапашъ много денегъ ешь одна только

дурная привычка, ошь кошорой я постараясь ошешашь. Говоряшь шакже, что бядные люди имбюшь свои удовольствія, кошорыхь богашые не знающь. Посмопримь же, что шупшь ешь справедливаго: не перай толькo бодрости, и ко мнѣ имѣй довѣріе.“

— „Нѣтъ, ужь это слишкомъ! Развѣ думаете вы, что я камень?“ вскричал Баронъ. — Все присутствующіе спали дышашь свободнѣе, когда онъ при этомъ заключилъ Мальвину въ свои объятія и началъ называть ее доброю, милою, прекрасною племянницею, радостью и ушѣшеніемъ его близкой спарости.

„По крайней мѣрѣ два мѣсяца хопѣль я переждашь: не хошѣлось мнѣ бышь однимъ изъ шѣхъ шарыхъ дураковъ, кошорыхъ высшавляющь при концѣ каждой пошлой Французской комедіи!“ сказала Баронъ съ особеннымъ, ему свойственнымъ простодушіемъ, послѣ шого, какъ ушшла первая буря чувствъ и перемежились поздравленія, кошорыми со всѣхъ споронь осыпали его и молодую чешу. „Ну что жь? я все шакі довольно времени выдерживалъ свой характеръ. Однако пора домой, завшра прошу всѣхъ ко мнѣ на балъ, кошорый даю въ честь своей племянницы, а послѣ завшра ошправляемьса всѣ въ Мекленбургъ, гдѣ моя

миленькая племянница должна все посташь вверхъ дномъ.“

„Ну, Мальвинушка, душа моя!“ лепешала г-жа Шшейнфельсъ, когда собрались къ ошѣвзду: „какъ я рада, какъ я рада, что все шакъ хорошо кончилось; завшра я дамъ тебѣ надѣшь мою новую шляпку; сего дня толькo мнѣ прислала ее Моро; вѣдь надобно же тебѣ показашься въ чель нибудь порядочномъ.“

„Еще одного объясненія, какъ называеть вашъ почтенный родшвенникъ, желалъ бы я ошь васъ“ — сказала Баронъ, когда онъ съль съ Мальвиною и Адельбергомъ въ карешу: „Вы уже были за-мужемъ: „что-жь значила эша спрошivenessь съ мнимо-ласкаемыми поклонниками вашими и безпрешпанная ихъ мѣна?“

— „Любезный дядюшка!“ ошвѣчала Мальвина. „Мнѣ нужна была маска, чтобъ лучше скрышь мою шайну; можешь бышь, я избрала не самую лучшую, но другой не пришло мнѣ въ голову. А что касается до безпрешпанной мѣны моихъ, шакъ называемыхъ любимцевъ, по неужли мнѣ должно было до шѣхъ поръ держашь одного, пока не вздумалось бы моему ревнивому супругу вызвашь его на дуэль?...“

## Степени возраста женщины.

*Повесть Гейнриха Цшокке.*

Покойный отец мой учился в \* \* \* \* \*скомъ Университетѣ. Тамъ узы нѣжнѣйшаго дружества соединили его съ молодымъ, опличныхъ доскопикствъ челоукомъ, по имени Вальдерномъ. По окончаніи курса, оставляя сіе святилище наукъ, въ минушу разлуки, съ полными спаканамн пунишу въ рукахъ, и съ полными слезъ глазами, они каялись взаимною вѣчною вѣрносцію и дали другъ другу обѣщаніе, какова бы ни была будущая судьба ихъ, всякой годъ — если шолько совершенная невозможность не воспреняпшшвуешъ шому, видѣться хоня однажды.

Много даешся подобныхъ обѣщаній, много заключается между молодыми людьми союзовъ дружбы, любви и вѣрносци въ часы веселія, за спаканомъ пуниша или вина; но первое упоеніе исчезаетъ, люди приходятъ въ себя, зрѣють съ лѣтнами, увлекающся тысячами новыхъ обшояпшельствъ, съ улыбкою помышляють о мечшахъ юношци и скоро вовсе забываютъ объ нихъ. Времена перемѣняющся, а съ ними и люди.

Не такъ однако же мыслили и поступали отецъ мой и молодой Вальдернъ. Они сохранили обѣщаніе вѣрносци, сдержали данное другъ другу слово. Первое упоеніе прошло, но сердца ихъ бились также горячо, какъ и прежде. Пуни, избранные ими на поприщѣ жизни, были совершенно различны, но души ихъ всегда были въ согласіи, всегда спремилась одна къ другой. Оба они женились, но любовь супружеская не испребила изъ памяти ихъ нѣжной любви брашской. Каждый годъ однажды видѣлись они непременно, хоня и жили другъ ошъ друга въ разсподіи шрехъ супокъ ѣзды. И даже въ позднія лѣтна, когда занятія по службѣ и заботы семейныя занимали все ихъ время, всегда находили они возможность удѣлять двѣ, шри недѣли для посѣщенія одинъ другаго.

Посѣщенія сіи, въ первые годы дѣлали они почти всегда попеременно, но въ послѣдствіи ввелось въ обыкновеніе, чшобы отецъ мой ѣздилъ ежегодно къ Вальдерну и госшилъ у своего друга. Ошъ чего эшо произошло, я не знаю. Но Вальдернъ сдѣлался богашъ, и ошъ полученнаго наслѣдства и по женишбѣ, жилъ всегда въ шполциѣ, имѣлъ, какъ Дирекшоръ Каммеръ-Коллегіи, много дѣла — можешъ бышь, эшо его удер-

живало. Напрошивъ, отецъ мой былъ не больше, какъ лѣсничій, жилъ въ деревнѣ; домъ его не имѣлъ довольно помѣщенія для гостей, привыкшихъ къ удобствамъ жизни. Можешь быть, также и для отца моего пріятнѣе было однажды въ годъ взглянуть на песпрошу и разнообразіе столичной жизни, нежели Директору Каммеръ-Коллегіи на наши лѣсосѣки и разсадники. Но какъ бы то ни было, подъ конецъ, какъ я уже сказалъ, отецъ мой каждое лѣто посѣщала своего друга.

Мнѣ было лѣтъ десять, какъ однажды мать моя нарядила меня съ ногъ до головы въ новое платье, а отецъ примолвилъ: „Ну, Густавъ! на эпомъ разъ я возьму тебя съ собою въ столицу. Братъ Вальдеръ давно уже хотѣлъ тебя видѣть.“

Можно представишь себѣ мое удовольствіе! И мамушка собиралась ѣхать съ нами. Цѣлые три мѣсяца радовались мы своей поѣздкѣ и приглаголювались къ ней. Я былъ только одинъ сынъ, оставшійся въ живыхъ у моихъ родителей. Дѣтскія ожиданія мои чудесъ столицы, забавляли ихъ какъ нельзя болѣе.

И въ самомъ дѣлѣ мнѣ много было кое чего посморгнѣть и послушать въ столицѣ. Каждый день что нибудь новое и все казалось мнѣ какимъ-то волшебствомъ. Директоръ Вальдеръ былъ весьма пріятный человекъ, но у него была единственная дочь, моихъ же лѣтъ, по имени Августина, которая казалась мнѣ еще гораздо пріятнѣе, нежели онъ. Она безпрестанно прыгала и вилась вокругъ меня, какъ легкое привидѣніе, и первый вопросъ, который она мнѣ сдѣлала, былъ: „Густавъ, видѣлъ ли ты новую мою куклу?“ Съ симъ словомъ схватила она меня за рукавъ и пошатила съ собою: я долженъ былъ удивляться куклѣ, ея платьямъ, кошорыхъ было по крайней мѣрѣ до дюжины, чтобы меняше каждый день, ея постели, сполу и спульямъ. Но уже на другой день Августина забыла о своей куклѣ, и мѣсто ея въ маленькомъ сердечкѣ своемъ очистила мнѣ. И признаюся, Августина сдѣлалась и моею куклою. Ей нравились мои свѣтлые курчавые волосы, мои голубые глаза, мнѣ она нравилась вся. Она учила меня шанцовашъ, я училъ ее воевашъ въ саду и спрѣдлѣшъ изъ палокъ, какъ будно изъ ружья. Однимъ словомъ, съ утра до ночи мы были неразлучны, всегда въ разговорахъ или въ игрѣ между собою.

„Не правда ли, братья!“ — сказала однажды за ужином Вальдернъ олицу моему: — „у насъ съ тобой пренригожя дѣшки!“ — При эшомъ словѣ я бросилъ быспрый взглядъ на Августину, пошому, что мнѣ никогда еще не приходило въ голову посмотришь, пригожа ли она. И въ самомъ дѣлѣ, ея темнокашшановые доконы, между кошорыми извивалась просшая розовая лешшочка, нѣжный окладъ лица ея, черные быспрые, лукавые глазки, огненные губки, привлекашельная живость всѣхъ движеній, — все показалось мнѣ шенерь весьма пригожимъ.

„Папенька!“ вскричала Августина, сдѣлавъ какое-шо спранное, какъ бы недовольное личико: „кабы у меня были шакя прекрасныя золонныя кудри и голубыя глаза, какъ у Гусшавы, шо я конечно была бы гораздо пригожѣ!“

„Послушай, братья!“ продолжалъ Вальдернъ, не обращая вниманія на маленькое шщеславіе своей дочери. „Дружбу нашу должны наследовашь и наши дѣши и внуки! Изъ эшихъ выйдешь славная пара. Кто не скажешь, что они рождены другъ для друга?“

Ощецъ мой улыбаясь кивнулъ головою и поднялъ свой спаканъ. Вальдернъ сдѣлалъ шо же: они спукнулись и выпили. Я не понималъ хорошенъко, что разумѣлъ Дирекшоръ

подъ своимъ наследшвомъ, но Августина объяснила мнѣ эшо своимъ вопросомъ олицу:

„Не правда ли, папенька! шы хочешь, чтобы Гусшавъ былъ моимъ мужемъ? О! какъ эшо славно! Какъ же я буду любить его! О, сдѣлай эшо, папенька, сдѣлай поскорѣ! Гусшавъ! шы шакже радуешься эшому?“

По всему столу раздался хохощъ, кошорый долго не прекращался.

На другой день играли мы вмѣшть. Въ саду находилась небольшая бесѣдка, обросшая виноградомъ; передъ входомъ въ нее стояли двѣ молодыя акаціи — въ шогдашнее время еще рѣдкошль въ Германіи. Тушь же стояла просшая, зеленою краскою покрышая скамейка. Купленныя Августиною два одовянныя колечка, одно съ краснымъ, а другое съ зеленымъ спекляшшкомъ, мы размѣняли другъ другу; а чтобы они по величинѣ своей, не свалились у насъ съ пальцевъ, обвила она ихъ внизу черною лешшочкою.

Но къ чему описывашь всѣ дѣшекія забавы? Довольно сказашь, что при недѣли въ столицѣ пролешли для меня какъ сонъ. И когда дѣло дошло до разлуки, шо плачу и жалобамъ, между мною и Августиною, не было конца. Мы бросились другъ къ другу на

пгею, крѣпко обнялись рученками, заливались слезами, вопили и просили, чѣмъ насъ не разлучали. Родители наши смѣялись, утѣшили насъ, и наконецъ должны были разнять насъ безъ усилій, давъ слово, что вскорѣ доставятъ намъ случай снова увидѣться.

Не такъ-то скоро однако жъ удалось мнѣ опять побывать въ столицѣ. Между тѣмъ дома было для меня все пусто и мертво. Я бродилъ повся голову, скучный и грустный, какъ бы оставленный людьми, и часто плакалъ пошхоньку объ Августинѣ. И даже, когда я переспала уже печалился, и опять мало по малу привыкъ къ мирному родительскому дому, къ мирной деревнѣ нашей, къ мирнымъ полямъ и лѣсамъ — на что впрочемъ не много нужно было времени — мнѣ все казалось, какъ будто мнѣ чего-то не достаешь, какъ будто я не на своемъ мѣстѣ.

Тѣмъ пріятнѣе была для меня послѣдовавшая въ скоромъ времени переменна. Опещь мой опдалъ меня въ одномъ изъ сосѣдственныхъ городковъ въ училище: я былъ поручень спарому его знакомому, Рекшору училища, умному, честному, глубокой учено-

сти чловѣку, у котораго я и жилъ въ домѣ. Добрая мапушка моя горько плакала, опправляя меня. Собственными руками своими уложила она мой чемоданъ, и наполнила его до нельзя бѣльемъ и плашьемъ. При всемъ томъ я нашелъ мѣстечко, чѣмъ за-сунуть между рубашками оловянное обручальное кольцо Августины. Мапушка замѣтила это и обернула его изъ предосторожности въ лоскутокъ бумажки.

Ученая жизнь у Рекшора сначала не совсѣмъ понравилась мнѣ; но вскорѣ я привыкъ, и тѣмъ болѣе полюбилъ шумное сообщество школьных моихъ со товарищей. Бодро принялся я за сложеніе, умноженіе, склоненіе, спряженіе, изложеніе и пр. и время мое лѣзло. Городъ, въ которомъ я жилъ, находился только въ трехъ миляхъ отъ моей родины, и потому я довольно часто имѣлъ случай посѣщать опещескій домъ свой. И всякій разъ было для меня шорже-ственнымъ праздникомъ, когда я могъ хотя одинъ день провести въ кругу своихъ родителей.

Рекшоръ мой, какъ я уже сказалъ, былъ чловѣкъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ правилъ. Я любилъ его, какъ вшораго опца. Онъ съ своею ученостію казался мнѣ существомъ высшаго рода. Съ гражданами город-

ка нашего, онъ не имѣлъ большого знакомства и жилъ всегда или въ обществѣ великихъ мужей древности, или съ юными своими питомцами. „Пошому что“ — говорилъ онъ: „въ шѣхъ нахожу я совершеннѣйшее, вы носите въ сердцахъ своихъ зародышъ совершенства. Знаю, что многіе изъ васъ обманушь меня въ моихъ ожиданіяхъ: но чрезъ нѣкоторыхъ надѣюсь еще дѣйствовать на міръ сей и тогда, когда кровь моя засыпнеть и дыханіе прекратится.“

Наконецъ прошелъ я чрезъ преддверіе Грамматики и всунулъ въ святилище мудрой древности. Какъ восхищали меня *Гомеръ* и *Курцій*, и болѣе всѣхъ еще *Плутархъ*! Сердце мое сжималось грустію, когда я сравнивалъ великихъ мужей вѣковъ прошедшихъ, съ своими современниками. Я читалъ, переводилъ, сочинялъ и былъ счастливъ, какъ и всякой юноша, посвятившій себя наукамъ.

О поѣздкѣ въ столицу некогда было и думать. Хотя отецъ мой по старой привычкѣ продолжалъ ѣздить туда ежегодно, но мнѣ и въ мысль не приходило просить его, взявъ меня съ собою. Маленькую подругу свою забылъ я число на число, и оловянное кольцо ея навѣрное бы потерялъ, если бы не положилъ его въ коробку вмѣ-

стивъ съ другими бездѣлюшками, до которыхъ иногда по нѣскольку дѣшъ не допрогивался. Ваканшіе дни проводилъ я обыкновенно съ нѣсколькими изъ добрыхъ товарищей у моихъ родителей или дѣлалъ небольшія поѣздки къ ихъ родственникамъ.

Такъ проходилъ одинъ годъ за другимъ. Когда мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, Ректоръ призналъ меня годнымъ для Университета, и отецъ мой отправилъ меня туда. Это былъ горькій для меня день. Грустно было мнѣ оставить почтеннаго старца, который образованіемъ ума моего положилъ основаніе внутреннему моему благополучію; но еще грустнѣе удалиться отъ дражайшихъ родителей, отъ которыхъ долженъ былъ жить въ разстояніи четырнадцати миль. Теперь все, что я, какъ дитя, имѣлъ и любилъ, сдѣлалось для меня несравненно драгоценнѣе. Я посѣпилъ еще разъ все мѣста, свидѣтели дѣтскихъ забавъ моихъ, и укладываясь въ день отъѣзда, не оставилъ пересмотрѣвъ давно уже забытую мною коробочку съ разными бездѣлицами. Я выбралъ все изъ нее и многое, какъ памятникъ минувшаго дѣтства моего, положилъ въ чемоданъ вмѣстѣ съ *Гомеромъ* и *Горациемъ*. Оловянное кольцо *Августины* было въ томъ числѣ.

Хотя я и самъ уже писалъ стихи, въ кошорыхъ *стыдливая луна* и *пламенная любовь до гроба* играли всегда главную роль, и въ кошорыхъ *блаженство* и *совершенство*, *сердечный* и *великослезный* и *лобезный*, встрѣчались почти на каждой строчкѣ, но кольцо маленькой сполничной невѣсны моей не сдѣлало на меня большаго впечатлѣнія. Я совсѣмъ не вспоминалъ объ ней и искалъ лучше какихъ нибудь прелестныхъ глазокъ молодой дѣвушки изъ моихъ знакомыхъ, къ кошорымъ бы можно было по справедливости примѣнить пару Пешарковыхъ сонешовъ; впрочемъ и это дѣлалъ всегда со спрахомъ и шрепешомъ. И скажу опкровенно, что изъ нѣсколькихъ десяшковъ глазокъ, встрѣпившихся мнѣ въ это время, шо быспрыхъ и пламенныхъ, шо спрасныхъ и шомныхъ, ни одиѣ не произвели во мнѣ настоящаго впечатлѣнія. И при всемъ шомъ роаясь по волѣ опца моего въ Пандекшахъ и Иншпрукціяхъ, въ сисемахъ Физиокрашовъ и Экономисшовъ, я всегда шомился желаніемъ чего-шо другаго; зналъ, что это шакое, но не находилъ ни гдѣ. Иногда приходило мнѣ на мысль зашавишь себя насильно влюбишься въ шу или въ другую красавицу. Я пробовалъ это,

но пламень сердца моего шлился обыкновенно не долѣе двухъ недѣль.

Въ три года пребыванія моего въ Университетѣ, получилъ я достоинство Доктора Правъ. Мнѣ совѣшовали искашь мѣста Профессора и читашъ частныя лекціи; но опецъ мой, какъ Лѣсничій, не зналъ другой почешившей службы въ Государствѣ, какъ по лѣсной части, и пошому просилъ уже о мѣстѣ для меня и чрезъ вліяніе Директора Вальдерна, и былъ сдѣланъ помощникомъ лѣсничаго въ одномъ Провинціальномъ городѣ.

Прежде, нежели опсправился я къ мѣсту своего назначенія, хошѣлось мнѣ пошѣпшишь своихъ родителей, съ кошорыми впрочемъ и во время пребыванія моего въ Университетѣ видался я покрайней мѣрѣ дважды въ годъ. Опецъ мой писалъ ко мнѣ, чтошобъ я поспѣшилъ въ столицу, гдѣ онъ съ матушкою будешъ ожидать меня у спараго друга своего Вальдерна, кошораго мнѣ должно было поблагодарить за мѣсто и рекомендовашься въ дальнѣйшее его покровительштво.

Я поспѣшилъ шуа. Дорогою думалъ я иногда объ Августинѣ, но всегда какъ-шо не охотно; какъ будшо бы спыдился дѣшскихъ своихъ шалостей. Правда, мнѣ прихо-



дило въ голову и то, что она конечно уже выросла велика и вѣроятно весьма пригожа, но мысль, что родилели не забыли прежнихъ намѣреній своихъ, и не спросясь нашего согласія, непременно хопяшъ свессти насъ, была для меня нестерпима. Самое свиданіе наше у Вальдерна казалось мнѣ не безъ умысла, и я далъ себѣ клятву, что изъ этого не выйдешь ничего.

И я не пресупилъ клятвы своей, хопя и совершенно прошивъ воли.

Послѣ первыхъ дружескихъ объятій со шариками въ домъ Вальдерна, осмошрѣвшись въ комнашъ, я увидѣлъ, что шущъ была еще одна особа, кошорой надобно было поклониться — дѣвушка въ полномъ цвѣшъ красопы своей, милая, съ черными пламенными глазами, на кошорые, какъ на полуденное солнце, не лзя было смошрѣшь, не подвергаясь опасности ослѣпнуть. Ахъ! я и шакъ уже былъ слѣпъ! Я могъ замѣшшь шолько, что прелесшное личико красавицы покрылось нѣжнымъ румянцемъ въ то мгновение, когда она привѣшествовала меня поклономъ. Какъ я ошвѣчалъ на это, истинно не знаю. Мнѣ казалось все какимъ-то очарованіемъ; я бы желалъ бышь за тысячу миль ошъ этого мѣша, чшобъ спокойно размыслишь, спюю ли я шого, чшобъ

находишья вблизи этого созданія и при всемъ шомъ ни за какое блаженство въ свѣшъ не хопѣлъ бы ошавишь его ни на мннушу.

Къ счастью новыя объятія и распросы родилелей моихъ и ихъ друзей, извлекали меня изъ мучительнаго моего положенія. Мнѣ надобно было ошвѣчать и я мало по малу пришелъ въ себя. Между шѣмъ г. Вальдернъ обратился къ прелесшной незнакомкѣ и сказалъ: Посмошри, Августина, гошовъ ли ужинъ? — Боже мой! думалъ я самъ въ себя, шакъ это Августина? Я не имѣлъ духа предшавишь себѣ, что эша прелесшная была нѣкогда маленькою подругою моею. Такая мысль казалась мнѣ швашопаншствомъ.

Мы пошли къ ужину. Вальдернъ взялъ подъ руку мою машушку, отецъ мой г-жу Вальдернъ; мнѣ ошалась Августина. Трещца какъ листъ, предложилъ я ей руку; скорѣе она могла бы предложить мнѣ свою: но истинъ я имѣлъ нужду въ хорошей подпорѣ.

„Боже мой! какъ вы выросли! Я бы ни какъ не узнала васъ!“ сказала она.

— „И я... и я...“ — пробормошала я запинаясь. — „Ахъ! зачѣмъ мы не шакже малы, какъ прежде!“ — присовокупилъ я какимъ-то плачевнымъ голосомъ, и въ шу

же минушу опомнился, что не могъ сказать ничего глупѣе этого. Какая девятнадцатилѣтняя дѣвушка захочешь бышь опять ребенкомъ!

„Вы бы этого желали? для чего же?“ спросила она у меня какъ бы съ удивленіемъ.

— „Тогда я былъ шакъ щасливъ, ахъ! шакъ щасливъ, что никогда не смѣю и помыслишь бышь опять шакъ щасливымъ!“ — Это прошепталъ я какъ бы однимъ вздохомъ, и положилъ лѣвую свою руку на ея руку, лежавшую на моей правой. Августина не ошвѣчала мнѣ ничего. Вѣроятно сказала я опять какую нибудь глупость. Мнѣ смѣшно было спать.

За ужиномъ было довольно весело: разговоръ живъ и занимателенъ. Мало по малу я привыкъ смотрѣть на Августину; могъ даже давать ей довольно разсудительные ошвѣты. Но ѣсть не могъ я ничего, сколько ни принуждалъ себя.

Чѣмъ долѣе смотрѣлъ я на Августину, тѣмъ прекраснѣе она для меня казалась. На другой день она была еще прелеснѣе, на прешій еще прелеснѣе. Это очевидно было колдовство. Я раскаявался въ кляшвѣ, слишкомъ поспѣшно данной себѣ дорогою въ дилижансѣ, и рѣшился, безъ дальнихъ

размысленій, сдѣлалась однажды кляшвопреспунникомъ.

На прешій день къ вечеру, не знаю какимъ образомъ случилось, что мы оба очутились въ саду на единѣ. Я давно уже искалъ случая переговорить съ нею, хотя самъ не зналъ хорошенъко, о чемъ. Гуляя, подошли мы къ виноградной бесѣдкѣ, кошорую я очень хорошо помнилъ. „Ахъ! какъ высоки выросли обѣ акаціи!“ вскричалъ я. „Теперь онѣ сплещаются уже въшвами.“

„А вы не забыли эшихъ деревьевъ?“ спросила Августина робко.

— „Могли забыть о своемъ щасціи!“ возразилъ я: „О если бы вы знали, какъ часто мысли мои спремелись сюда! Вы вѣрно нерѣдко бывали въ эшой бесѣдкѣ, вовсе не думая о маленькомъ Гусшавѣ, кошорый шакъ безушшно плакалъ, расшаваясь съ вами.“

„Эшо вы шакъ думаете!“ сказала она тихимъ, почти умирающимъ голосомъ.

Мы вошли въ бесѣдку, освѣненную въшвиспыми акаціями. Я осмотрѣлся вокругъ, и всѣ забавы дѣтства оживились въ душѣ моей. Молча смотрѣлъ я на Августину. Ахъ! какъ все перемѣнилось. Она пошупила глаза въ землю. Я взялъ ее за руку и ска-

заль: „Здѣсь пѣкогда мы давали объшь другъ другу въ вѣчной любви.“

Она показала на зеленую скамейку и прошептала едва слышнымъ голосомъ: „Я все очень хорошо помню.“

— „Все? право все? о Августина! Точно ли все?“ спросилъ я.

„О Гусавъ!“ былъ ея отвѣтъ.

Съ эмиль прекратились все вопросы и отвѣты, потому что губы наши слились въ пламенномъ поцѣлуѣ. И когда мы опъ перваго упоенія пришли опять въ себя, то были опять прежнія дѣши и говорили другъ другу *ты*, и называли другъ друга пріятными именами: Августина, Гусавъ; и при всемъ томъ, все эшо было не такъ, какъ тогда, и я конечно уже не пошь нешесанной женихъ.

Я вынулъ изъ кармана оловянное кольцо мое. „Узнаешь ли ты его, Августина?“ При взглядѣ на него, лице ея оживилось. Она взяла кольцо въ руки, размахпривала долго: на глазахъ ея показались слезы. „Такъ! эшо оно!“ сказала она, и опять долго смотрѣла на него съ видимымъ удовольствіемъ. Потомъ заключила меня въ объшія, прижала къ груди своей, зарыдала и сквозь слезы проговорила: „Гусавъ! ты лучше меня!“ Успокоясь немного, сняла она

съ руки своей золотое кольцо, надѣла мнѣ на палець, а себя оловянное. „Эшо кольцо оставлю я у себя!“ сказала она. „Я своя на вѣки! Хочешь ли быть моимъ, Гусавъ?“

Само собою разумѣется, что отвѣтъ мой былъ шаконъ, какъ и всякаго другаго двадцатилѣтняго стихотворца. Мы клялись солнцемъ, луною и звѣздами, небомъ и землею, любивъ другъ друга пошолнно и вѣчно, и принадлежашъ одинъ другому по сю и по ту сторону гроба. Но нужно ли рассказывать все эшо подробно? Кому не извѣсны кляпвы и мечны любящихся? Довольно присовокупить, что упоенные чистѣйшею любовію, мы забыли весь міръ и помнили только другъ друга. Три недѣли протекло для насъ, какъ восхитительное сновидѣніе коронкой лѣтней ночи. Тогда заговорили объ отвѣздѣ. Боже мой! Мнѣ казалось, что я едва успеваъ пріѣхать!

Непонятно было мнѣ равнодушіе нашихъ родителей. Для нихъ не могло быть тайною то, что въ насъ происходило. Глаза наши, которыя безпрестанно другъ къ другу обращались, другъ друга искали; руки наши, которыя при всякомъ случаѣ, какъ бы магнитною силою одна къ другой привлекались; наши разговоры, исполненные шайншвенности — все довольно ясно пока-

ывало, что мы теперь в самом дѣлѣ по, чьмъ за десять лѣтъ предъ шѣмъ мечтали бытъ в дѣшкихъ нашихъ играхъ. И при всемъ томъ, Директору Вальдерну ни за однимъ ужиномъ не приходило въ голову, какъ тогда, поднявъ стаканъ съ виномъ, сказать: „Брашъ! дружбу нашу должны наследовать и наши дѣти и внуки. Изъ эшихъ выйдешь славная пара!“

Съ Авгушиной никогда не имѣлъ я духа говорить о формальномъ сватовствѣ у родителей, о обрученіи, свашьбѣ и прочихъ принадлежностяхъ. Мы предполагали, что родители наши безъ насъ заботясь окончатъ между собою эти условія.

Между шѣмъ настала часъ разлуки, о кошоромъ мы уже цѣлые три дня напередъ вздыхали и плакали. Башюшка мой никакъ не соглашался остаться долѣе.

Едва солнце показалось на горизонтѣ въ день нашего отъѣзда, какъ мы обое были уже въ виноградной бесѣдкѣ, чтобы еще разъ поговорить наединѣ и перелишь другъ другу чувствованія сердець нашихъ. Между слезами и поцѣлуями, былъ возобновленъ союзъ сердець нашихъ. Въ душевной поскѣ упали мы на колѣни, съ молишвою воздѣли руки свои къ небу, и предъ лицомъ Всемогущаго дѣлали торжественнѣйшіе другъ другу

обѣщанья. Я далъ слово Авгушинѣ, какъ скоро возвращусь домой, переговоришь съ опцемъ своимъ, попомъ возвратишься въ споллицу, что бы просишь руки ея у ея родителей. Лице Авгушины покрылось пурпуровымъ румянцемъ, когда я назвалъ ее моею невѣстою, моею будущею женою. О какъ прелестна была она! Спѣдливо скрыла она лице свое на груди моей и пролепетала шолько: „единственнѣй Гусшавъ!“

Такъ разсѣлись мы, и еще спокойнѣе, шверже, нежели я ожидалъ.

( *Продолженіе впрѣдъ.* )

## II.

### ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

О состояннн Французской Артиллеріи, Инженеровъ и Главнаго Штава въ 1807 году. (Изъ Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, par le Général Foy 1827).

#### *Артиллерія.*

Французская Аршиллерія при Короляхъ считалась первою въ Европѣ. Наполеонъ началъ свое военное поприще въ полку ЛаФерь, кошорый въ то время считался луч-

шимъ во всей Аршиллеріи. Канонеры съ жаромъ предались революціоннымъ правиламъ, но военный порядокъ между ими остался ненарушимымъ, ибо все сословіе исполнено было благоразуміа. Аршиллерія принимала сильное участіе въ защитѣ предѣловъ Франціи и попомъ въ наступательныхъ войнахъ 1792 и 1793 годовъ. Въ то время при войскахъ возили весьма много орудій. Четырехъ фуншова пушки числились при баталіонахъ. Гаубицы и пушки восьми, двѣнадцати и даже шестнадцати фуншова, употребляемыя обыкновенно при осадахъ, составляли мѣстныхъ башарен, заключавшія въ себя отъ шести до двѣнадцати орудій. Въ недавнемъ времени, перенято было у Пруссаковъ, для полевыхъ сраженій усовершенствованіе, приличное быстротѣ характера Французовъ. Оно состояло въ томъ, что бы сажашъ верхомъ нѣкоторое число канонеровъ, которые симъ способомъ поспѣвали за орудіями наилучшимъ образомъ запряженными, и будучи въ состояніи уйти скорѣе отъ нападеній непріятеля, спрѣляли долѣе и на ближайшее разстояніе. Конная Аршиллерія при учрежденіи своемъ составлена была изъ самыхъ проворныхъ канонеровъ и пополнялась попомъ ошборнѣйшими гренадерами. Подвиги ея были блистательны. Во

время войнъ въ Германіи, простые Капшаны пріобрѣтали славу, дѣлавшуюся извѣсною цѣлой арміи. Вскорѣ Генералы не захотѣли имѣть другой Аршиллеріи, кромѣ конной, которая быспрыми своими движеніями и ошличнымъ дѣйствіемъ замѣнила большое число орудій, и шѣмъ весьма облегчала слѣдованіе коловъ во время похода.

Приспращіе къ хорошимъ вещамъ не всегда ведетъ къ добру. Пѣшая Аршиллерія, лишившаяся своей важности отъ учрежденія и умноженія конной, начала терять военный духъ, и канонеры вновь поступавшіе, ограниченныя работами въ арсеналахъ и паркахъ, не пріобрѣли распорочности, необходимой для солдата. Особенно замѣнили сіе, при оборонѣ укрѣпленныхъ мѣстъ въ Италіи, во время несчастной войны 1799 года (\*). Образованные офицеры, коихъ оставалось еще довольно много, въ сословіи, пошерпѣвшемъ менѣе прочихъ отъ эмиграціи, добровольно перешли въ заведенія (établissements.) Молодые люди пошеряли духъ,

---

(\*) Послѣ отступленія Рейнско-Мозельской арміи въ 1796 году, Генераль Моро употребилъ прислугу конно-аршиллерійскихъ ротъ для защиты передовыхъ построекъ, мостовыхъ укрѣпленій Гюянгена и Келя.

видя службу свою въ пренебреженіи. Вышимъ чинамъ пѣшей Артиллеріи не оставалось другаго дѣла, какъ бытъ распорядителями при снабженіи арміи оружіемъ и военными припасами; должность конечно существенная, но не видная.

Наполеонъ преобразовалъ Артиллерію, соображаясь съ перемѣнами, коихъ продолжительныя войны не могли не произвести въ нравственныхъ качествахъ его войска. Коль скоро отважность однихъ, противоположенная робости другихъ, сдѣлалась недостаточною для выигрыванія сраженій, по надобно было другими способами разрушать противящіяся линіи. Самое вѣрное для сего средство состояло въ томъ, чтобы направить въ атакуемое мѣсто болѣе выстрѣловъ, нежели сколько можешь употребить для защиты онаго непріятель. Сіе большое число выстрѣловъ получается чрезъ хорошее распоряженіе и употребленіе въ одно время многочисленной Артиллеріи. Императоръ умножилъ полевую Артиллерію до того, что въ войскахъ за Рейномъ, имѣлъ по пяти орудій на 1000 человекъ; прислуга сей Артиллеріи просилась до 100,536 человекъ. Вся армія прежнихъ Французскихъ

Королей, мало чѣмъ превышала сіе число (\*).

При шаковомъ безчисленномъ множествѣ орудій, конная Артиллерія употреблялась только соотвѣтственно своему назначенію. Она являлась на смотрехъ, но особенно дѣйствовала съ кавалерією, которая не имѣя собственныхъ выстрѣловъ, должна, по крайней мѣрѣ, для своей обороны занимоваться оными отъ другой части войска. Обыкновеніе располагать Артиллерію сильными батареями, возвратило ее опять подъ зависимость своихъ собственныхъ начальниковъ.

Слѣдствіемъ сихъ распоряженій было то, что армія снова наполнилась образованными артиллеристами, какъ старыми, возвратившимися изъ заводовъ и арсеналовъ, такъ и вновь вышедшими изъ училищъ, въ коихъ преподаваніе усовершенствовалось. При семъ не была оставлена безъ вниманія

---

(\*) Во время войны 1809 года, Императоръ отдалъ пѣхотнымъ полкамъ четырехъ-фунтовый орудія. коихъ прислуга составляла была изъ солдатъ, взятыхъ изъ сихъ же полковъ: это сдѣлано было для того, что бы возить съ собою многочисленную артиллерію, съ меньшими неудобствами, нежели если бы она соединена была въ дивизіяхъ или паркахъ.

служба пѣхъ, кои пройди все подробности Артиллерійскаго искусства, въ званіи проснаго канонера, замѣняли малыя свѣдѣнія въ теоріи, опытною, пріобрѣтенною долговременнымъ упражненіемъ. Можно ли было забыть, что въ самое трудное время, они одни поддерживали славу всего корпуса Артиллеріи. Эбле, лучший Артиллерійскій офицеръ въ революціонной войнѣ, принадлежалъ къ сему классу людей. Унтеръ-офицеръ присвоено было право на производство въ офицеры; но право сіе было ограничено такъ, чтобы не помѣшать успѣхамъ службы, для коей необходимы познанія. Артиллеристы вообще показали мало рвенія къ достиженію обширныхъ свѣдѣній въ наукахъ. Довольствуясь пріобрѣтеніемъ познаній, необходимыхъ для ихъ искусства, они старались все порученія исполнять лучше, нежели какъ они ихъ могли требовать. Полки Артиллеріи, выбирая рекруты прежде прочихъ войскъ, сохранили характеръ сильныхъ людей, кои нанося смерть издали, не преставали показывать себя мужественнѣйшими при встрѣчѣ съ нею близки.

Артиллерійская упряжь (le train d'artillerie) есть безъ сомнѣнія одно изъ полезнѣйшихъ военныхъ учрежденій Императора На-

полеона. Прежде его, упряжка и перевозка орудій и ящиковъ поручаемы были подрядчикамъ, кои не имѣли ни опечесства, ни чести. Новое постановленіе, можетъ быть, влекло за собою немного болѣе издержекъ; но снѣмъ ничего не было потеряно, ибо вздолье въ дисциплинѣ и мужествѣ ничѣмъ не уступали канонерамъ.

Война, продолжавшаяся двадцать пять лѣтъ и сравненія, дѣлаемые съ арсеналами и машинами, завоеванными нами на твердой землѣ Европы, не произвели значительной переменны во Французской Артиллеріи. Думали ввести въ употребленіе другіе калибры орудій и новыя зарядныя ящики, но предположенія сіи не состоялись, и все части Артиллерійскаго вѣдомства оставлены были въ томъ видѣ, въ какомъ они утверждены Грибовалемъ. Управленіе сею важною отраслю Государственныхъ расходовъ ввѣрено было Артиллерійскимъ офицерамъ, кои исполняли сію должность съ строгою бережливостію и по правиламъ, существующимъ болѣе сна лѣтъ. Между ими и въ корпусѣ Инженеровъ, скрылось старинное правдоушіе, изгнанное изъ прочихъ сословій, управлявшихъ Государствомъ.

### И н ж е н е р ы .

Наполеону часто предлагали соединить Артиллерию съ корпусомъ Инженеровъ. Говоря вообще, раздѣленіе работъ способствуетъ усовершенствованію искусствъ. Если же брать въ одномъ случаѣ, то для чего соединять два рода войскъ, столь полезныя въ ихъ шеперешнемъ образованіи? Императоръ былъ столь благоразуменъ, что удержался отъ такого рода опытовъ; но воспитанниковъ обѣихъ частей войска соединилъ въ одно заведеніе, которое пополнялось изъ Политехнической школы. Сіе послѣднее училище, бывшее прежде сего центромъ просвѣщенія для Франціи и для Европы, получило новое образованіе, и воспитаніе заключено въ высшійше предѣлы. Въ умѣ Наполеона, военное ремесло имѣло шагъ передъ всеми прочими. Онъ превращилъ разсадникъ ученыхъ въ училище для военныхъ людей.

Со времени второй войны за свободу отечества, палатки вышли изъ употребленія во Французскихъ войскахъ; солдаты наши строили шалаши съ такою ловкостію и проворствомъ, что можно было легко замѣнить способность ихъ ко всякаго рода работамъ. Императоръ заставлялъ ихъ рыть гавани на берегахъ Будонскихъ, и часто

занималъ поспросіемъ укрѣпленій. Не смотря на то, они всегда показывали отвращеніе отъ употребленія лошади и заспана иначе, какъ подъ огнемъ непріятеля.

Вобанъ неопшшупно просилъ Министра Дувуа въ 1688 году, учредить особенное войско для исполненія осадныхъ работъ, подъ руководствомъ Инженеровъ. Такое войско не существовало еще снустя сполѣтъ послѣ того. До революціи называли саперами, нѣкоторыя роты Артиллеріи, кои, кромѣ управленія орудіемъ, были причаемы къ дѣйствію сапоку; въ случаѣ нужды, сіи роты поступали подъ команду Инженеровъ. Заставляли солдатъ нести двѣ службы и имѣть двухъ родовъ начальниковъ, естѣ неумѣстная бережливость. Настоящіе саперы обязаны своимъ существованіемъ Национальному собранію; они съ самаго начала сформированы были въ роты, а попомъ въ баталіоны и вскорѣ приобрѣли себѣ славу, соопшвшественную распоронности и смѣлости, необходимымъ въ ихъ ремеслѣ.

Минеры снова причислены были къ корпусу инженеровъ, отъ коего ихъ никогда отдѣлять не слѣдовало. Инженеры требуютъ также присоединенія къ себѣ пошшоновъ. Не смотря на явную справедливость сего требованія, Артиллерія удержала ихъ



при себѣ. Полагали, что сія послѣдняя; имѣя въ рукахъ своихъ арсеналы, парки, упряжь (le train), многочисленную прислугу (le personnel), владѣешь столькими средствами для построения и перевозки понтоновъ, что оныхъ нельзя замѣнить никакими другими учрежденіями.

Инженеры воздвигаютъ укрѣпленія довременныя и полевыя. Они атакуютъ и обороняютъ крѣпости. Они участвуютъ въ войнѣ на равнѣ съ прочими. Можно рѣшительно сказать, что въ сихъ прѣхъ отношеніяхъ, ни въ одномъ военномъ сословіи въ свѣтѣ, не существуетъ болѣе расщоропности и любви къ отечеству, какъ въ нашемъ корпусѣ Инженеровъ. Александрія, Антверпенъ, Юлихъ, пять сотъ другихъ укрѣпленій, построенныхъ, исправленныхъ или увеличенныхъ, ясно говорятъ, что наука Вобана не пришла въ упадокъ въ рукахъ Мареско, Шасселу и Гаско. Европа была усѣяна нашими редушами и репраншаменшами. Во время осады, Инженерные офицеры были душою при нападеніи, и составляли главнѣйшую силу при оборонѣ. Безпрестаннымъ упражненіемъ, они познали многія усовершенствованія, коихъ распространеніе увеличило предѣлы науки. Они также занимались во время войны рекогносциров-

ками, и были нашими лучшими, чтобы не сказать единственными офицерами Штаба. Гдѣ могли бы мы найти офицеровъ, кои при столь тщательномъ образованіи, были всегда готовы жертвовать собою.

### Главный Штабъ.

Главный Штабъ собственно называемый, не существовалъ въ нашихъ арміяхъ и не составлялъ отдѣльной части. Офицерами Главнаго Штаба считались Генералы, ихъ Адъютанты, Коменданты, Плацъ-Адъютанты, Адъютанты Коменданты (Adjutants-Commandans) (\*) и ихъ помощники (adjoints (\*\*)).

Сыновья людей, занимавшихъ важныя мѣста въ Государствѣ, дворяне старые, дворяне новые и вообще всѣ тѣ, кои хотѣли вести войну покойно и при томъ скоро достигать чести и власти, старались быть Адъютантами. Наполеонъ хотѣлъ остановить ихъ жажду къ чинамъ; онъ постановилъ правиломъ, чтобы Адъютанты, жела-

(\*) Сей чинъ равняется нашимъ дежурнымъ Штабъ-офицерамъ.

(\*\*) Должно думать, что Adjoints исполняли должность, старшаго Адъютанта и вмѣстѣ свѣтскаго офицера.

ющіе получили высшій чинъ, служили непосредственно въ пѣхотныхъ или кавалерійскихъ полкахъ, гдѣ живя вмѣстѣ съ солдатами, они научаются ими командовать. Вліяніе приближенныхъ Государя, часто препятствовало исполненію полезныхъ учрежденій Главнокомандующаго; отъ чего и вновь постановленное правило не рѣдко нарушалось. Дворъ всегда вмѣщала въ себя заразу для арміи.

Мѣста Комманданшовъ и Плацъ-Адъютаншовъ внутри Государства, сохраняемы были для успокоенія офицеровъ изувѣченныхъ или состарѣвшихся въ военной службѣ; въ Государствѣ, сіи же самыя мѣста, болѣе политическія, нежели военныя, были добычею людей, кои не принадлежатъ ни къ которой частии войска, не пользовались довѣренностію правительства. Многіе офицеры, служившіе Комманданшами крѣпостей, не задолго до сего времени, лишились своихъ мѣстъ, и вступили снова въ службу, въ надеждѣ составить себѣ небольшое имѣніе или увеличить уже имѣющееся; они обыкновенно были посредниками между войскомъ и жителями завоеванныхъ земель. Неблагодарное и самовольное поведеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, способствовало къ содѣланію

Французскаго имени независимымъ въ чужихъ краяхъ.

Генераль-Адъютанши (adjudants généraux) и ихъ помощники (adjoints) были учреждены національнымъ собраніемъ, для умноженія должностей въ Главномъ Штабѣ арміи и въ Штабахъ пѣхоты и кавалеріи. Сіе учрежденіе едва существовало три года, какъ дурные выборы комитета народнаго благоденствія (comité du salut public) и представителей народа, находившихся при войскахъ, сдѣлали оное презрительнымъ. Между тѣмъ въ Рейнской арміи, потрясенной менѣе прочихъ революціоннымъ духомъ, офицеры, имѣвшіе охоту къ занятіямъ, посвящали себя изученію службы Главнаго Штаба. Дессе, Сень-Сиръ (\*) Абашуччи, Декасъ и другіе имъ надобные, были Генераль-Адъютаншами. Такимъ образомъ, должности недостаточно опредѣленныя, дѣлались важнѣе, отъ личнаго достоинства исправлявшихъ оныя; въ Италіи было иначе. Генераль Бонапарть мало уважалъ людей, кои не управляли ни смертоносными орудіями, ни солдатами; онъ не считалъ службу Главнаго Штаба

(\*) Моро говаривалъ о Дессе и Сень-Сирѣ: „съ однимъ можно быть увѣрену, что выиграешь сраженіе, а съ другимъ, что оно не проиграешь.“

за настоящую военную. Генераль-Адьюшанты, сходившомъ названія и мундира, равнялись Генераламъ, командовавшимъ войсками; первый Консуль лишилъ ихъ сихъ правъ, и соединивъ два слова, кои, казалось, удивлены были, вспрѣшившись вмѣстѣ, далъ имъ названіе Адьюшанто-Коменданшовъ. Путь къ чинамъ, былъ для нихъ совершенно прегражденъ, не смотря на то, что оный оставался свободнымъ для всѣхъ; и если кого изъ полковыхъ Командировъ хотѣли наказашъ за нераднїе или прослупокъ, того дѣлали Адьюшанто-Коменданшомъ. Лишая должнаго уваженія офицеровъ, кои въ военномъ чиноположеніи стояли довольно высоко, нельзя было ожидать отъ нихъ ревности къ службѣ.

Письменная часть, незначительная въ нашихъ прежнихъ войнахъ, съ увеличеніемъ арміи и съ введеніемъ строгаго ошвѣстшенности, сдѣлалась чрезъ мѣру сложною. Императоръ хотѣлъ имѣть передъ собою вездѣ и во всякой часъ, самая обстоятельная свѣдѣнія о силѣ и помѣщеніи своихъ войскъ, о гошпишалахъ, объ арсеналахъ и о магазинахъ; шаковое шребованіе сдѣлало обязанность составляющъ ошчеты о сосшояніи войскъ, одною изъ важнѣйшихъ Главнаго Шшаба. Въ прежнія времена, искусство раз-

мѣщать войска и открывашъ дорогу для ихъ слѣдованія, считалось важнымъ знаніемъ; нынѣ оно упало въ общемъ мнѣніи, какъ по причинѣ переменившагося образа вести войну, такъ и пошому, что пріобрѣтенная всѣми опышность показала всю незначительность онаго. Полки, познакомившисъ съ съемками, дѣлали рекогносцировки лучше офицеровъ Шшаба, произведенныхъ безъ испытанія и выбора. Генералы не успунали никому своей должноти избиратьъ позиціи и располагашъ на оныхъ войска. Слѣдовательно, въ чемъ могло состояшъ заняшіе Адьюшанто-Коменданшовъ, исправляющихъ должноти Начальниковъ Шшабовъ въ дивизіяхъ? Ни въ чемъ другомъ, какъ въ передачь приказаній, въ обязанности помогашъ Генералу, и въ ошправленіи рапоршовъ и ежедневныхъ свѣдѣній о сосшояніи войскъ къ Начальнику Главнаго Шшаба въ арміи. Власть ихъ надъ войскомъ и участіе въ управленіи, были опредѣляемы различнымъ образомъ; хоща они пользовались Полковничьими чинами, но вліяніе ихъ еще болѣе уменьшилось, когда съ уничтоженіемъ системы дивизій, усшановлены были корпуса, и каждый родъ войска, началъ сосшавляшъ особенную часть.

29 Сенш. 1827 года.

## СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И СТАТИСТИКА.

Лондонъ, въ отношеніи къ правственности и вѣроисповѣданію.

Столица Британскаго Королевства заключаетъ въ обширныхъ предѣлахъ своихъ два древніе города, мѣстечко и 50 деревень, копорые нынѣ вмѣстѣ простираются болѣе чѣмъ на 7 миль въ длину, а въ ширину въ самомъ узкомъ мѣстѣ болѣе чѣмъ на 2 мили. Посему-то духовное, гражданское и приходское раздѣленіе оной безпорядочно и сбивчиво, такъ, что не легко опредѣлить границы или положеніе частей, составляющихъ оную въ семь отношеній. — Весьма трудно также получить подробный списокъ различныхъ Богослужебныхъ мѣстъ въ семь необъятномъ городѣ; однако же слѣдующее исчисленіе, кажется, весьма близко подходитъ къ истинѣ:

|                                    |      |
|------------------------------------|------|
| Епископскихъ церквей . . . . .     | 206. |
| Индепенденскихъ . . . . .          | 66.  |
| Веслеевскихъ Методистовъ . . . . . | 36.  |
| Баптистскихъ . . . . .             | 32.  |
| Калвино-Методистскихъ . . . . .    | 30.  |

|  |     |
|--|-----|
| Презвитеріанскихъ (Шотландскихъ и Уиншарскихъ) . . . . . | 16. |
| Римско-Католическихъ . . . . .                           | 14. |
| Квакерскихъ собраний . . . . .                           | 6.  |
| Всего . . . . .  | 46. |

Если на каждое изъ сихъ мѣстъ положить по 500 человекъ, безъ сомнѣнія самое большее число, которое предположить можно; и къ нему прибавить еще 250 прихожанъ, копорые непостоянно посѣщаютъ по Воскресеньямъ всѣ сіи разныя Богослужебныя собранія: то сумма ихъ составитъ около 300,000 человекъ. И пакъ, если изъ всего народонаселенія Лондона, въ которомъ по послѣднему счисленію полагалось до 1,274,800 душъ, вычесть вышеупомянутую небольшую сумму, то разность составитъ около 974,800 человекъ, копорые не участвуютъ въ общественомъ Богослуженіи. Хотя изъ сего числа и слѣдуетъ исключить множество малолѣтнихъ дѣтей, больныхъ, дряхлыхъ и старыхъ людей; однако же и послѣ сего вычета остается пакъ много лицъ, не слѣдующихъ на сей предметъ богослуженія, что нельзя на сей предметъ взирать съ равнодушіемъ. — Каждое воскресенье выходитъ нынѣ въ Лондонъ, по крайней мѣрѣ 45,000 экземпляровъ публич-

ных лисшковь, которые по меньшей мѣрѣ занимають, ошь 2 до 300,000 чинашелей, не считая множества шипографтиковъ, разсыльщиковъ, продавцевъ, ошдающихъ на прочшеніе и подвѣдомственныхъ имъ лицъ обоого пола и всякаго возраста, которые дня Господня не почиашють днемъ успокоенія и молишвы. — При шаковыхъ обстоятельствахъ, мы не можемъ удивляться ошчету почтеннаго Ньюгетскаго Губернашора, Г. Вошнера, изъ коего явствуешь, что въ шеченіе 1826 года въ сію темницу пошупило:

|                                      |      |
|--------------------------------------|------|
| Прешупниковъ мужеск. пола до 21 года | 1227 |
| ----- женскаго пола . . .            | 442  |
| ----- муж. пола старше 21 года       | 1096 |
| ----- женскаго пола . . .            | 166  |
| <hr/>                                |      |
| Всего . . .                          | 2931 |

что составляетъ 547 прешупниковъ болѣе прошлагодняго. Справедливо замѣчаешь одинъ священникъ господствующей церкви: „Такое умноженіе язычества и происекающаго изъ шого развраша и общественной опасности подъ истиннымъ меридіаномъ Христіанскаго просвѣщенія и въ средошчии и сердць благоденствія, свободы и образованности Ведикобританіи, должно возбудишь ужась въ душѣ всякаго искреннаго и благо-

разумнаго друга образа правленія нашего и привести въ препенъ каждаго истиннаго папріоша, каждаго просвѣщеннаго Государшвеннаго мужа, каждаго чистосердечнаго друга спраждающаго челоувѣчества, и каждаго разумнаго и благочестиваго Христіанина.“

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ газеты: *Evangelical magazine* утверждають, что не смощра на многія удлученія по часши воспишанія, ошсаешь еще покрайней мѣрѣ 40,000 дѣшей, къ образованію коихъ еще не приняно средствъ, и которые не могутъ бышь приняны въ наши Воскресныя училища. Досшопочтенный Г. Проввѣдникъ Спуаршъ, говоритъ, что изъ числа 300,000 челоувѣкъ жиущихъ къ западу ошь Темпль-Бара, не болѣе 6,000 чел. бывають у Свяшаго Причассія; а Г. Блэкборнъ прибавляешь къ сему, что положеніе Евангелическихъ Диссеншеровъ еще хуже, пошому, что между ими, по его мнѣнію, не болѣе 600 бывають на исповѣди и у Причассія.

Между шѣмъ, *Миссіонеры Пализма* не прешають дѣяштельно занимашься распрошираніемъ онаго въ шодлицѣ. Слѣдующія извѣстія конечно удивяшь многихъ нашихъ чинашелей.

Очевидно, что усиденная дѣяштельность и умножающееся число, ошачають Кашо-

аиковъ дѣйственной столицы. Не станемъ упоминашь о ревностномъ ихъ распространеніи трактатовъ и книгъ, совершенно новымъ способомъ ихъ дѣйствія, не будемъ говорить о числѣ и величинѣ нынѣшнихъ церквей ихъ въ Лондонѣ, въ сравненіи съ шестми, когорыя были у нихъ здѣсь за 30 лѣтъ предъ симъ, ограничимся обращеніемъ вниманія чинателей на слѣдующее обозрѣніе: сколько дѣшей крещено въ главныхъ церквяхъ ихъ, въ продолженіе пяти послѣднихъ лѣтъ. Извлекаемъ изъ Мартовской тетради журнала: *Catholic miscellany* 1827 года.

| Званія мѣсть.                         | Годы 1822. | 1823. | 1824. | 1825. | 1826. |
|---------------------------------------|------------|-------|-------|-------|-------|
| Moorfield . . . .                     | 570        | 684   | 698   | 765   | 820   |
| Virginia street . .                   | 410        | 424   | 453   | 509   | 591   |
| Lincolns-Inn-field .                  | 351        | 338   | 465   | 445   | 465   |
| Warwick-street . .                    | 141        | 172   | 218   | 208   | 243   |
| Manchester square .                   | 261        | 236   | 278   | 313   | 398   |
| South-street Grosvenor square . . . . | 75         | 152   | 101   | 154   | 172   |
| Romney terrace ,                      |            |       |       |       |       |
| Westminster . . .                     | 93         | 127   | 154   | 120   | 206   |
| Cadogan-street, Sloane-street . . . . | 50         | 59    | 67    | 53    | 75    |
| St. George's-field .                  | 367        | 396   | 456   | 566   | 504   |
| Wade-street, Poplar                   | 78         | 98    | 121   | 110   | 138   |
|                                       | <hr/>      |       |       |       |       |
|                                       | 2376       | 2686  | 2991  | 3225  | 3612  |

Здѣсь не упоминается о ихъ церквяхъ въ Спратфордѣ, Бермондзетѣ, Гринвичѣ, Соммерстоунѣ, Гампсидѣ, Кензингтонѣ, Гаммерсмитѣ и Вульвичѣ.

Различные Писатели по Полипической Экономіи приняли за правило, что отношеніе рожденій къ народонаселенію въ различныхъ странахъ измѣняется, какъ і къ 17 и до 49. — Принявъ сіе отношеніе круглымъ числомъ, отъ 1 до 30, мы можемъ приблизиться къ истинѣ. И пакъ

въ 1822 году крещено младенцевъ 2376.  
30.

71,280.

въ 1826 году . . . . . 3,612.  
30.

108,360.

Изъ того слѣдуетъ, что въ пять лѣтъ число Каполиковъ въ Лондонѣ, увеличилось числомъ въ 37,080 человекъ.

Изъ Лондонскаго Журнала: *Eclectic Review*.  
Пер. М.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

## Отрывокъ изъ Повѣсти: Изгнанникъ.

По бору вихри бушевали ;  
 Шумѣли волны на рѣкѣ ;  
 Грядами пучи набѣгали ;  
 Скоплялась буря вдалекѣ ;  
 Луна лишь изрѣдка являлась,  
 Свергнувъ межъ темныхъ облаковъ...  
 На мѣсто сборное примчалась  
 Вашага буйныхъ удалцовъ.  
 „Стой здѣсь; товарищи слѣзайте !  
 , Туда опрядь спорожевой ;  
 „Кормите коней, ошдыхайте,“  
 Сказалъ Изгнанникъ молодой.

Подъ многолѣшними соснами  
 Загласъ трескучіе огни ;  
 Близъ оныхъ мясо паламами  
 Рубили къ ужину одни,  
 Другіе коней убирали  
 И лица буйныхъ удалцовъ  
 Сквозь дымъ на заревѣ мелькали,  
 Какъ привидѣнья злыхъ духовъ.  
 Они въ кругу — и наполнился  
 Виномъ стаканъ чередовой ;  
 Гроза шумѣла; въпра вой  
 Съ ихъ громкимъ хохомомъ сливался.  
 Угрюмъ, безмолвенъ Ашаманъ

Лелалъ подъ деревомъ въввышнимъ,  
 Предъ нимъ споялъ виномъ пѣннскимъ  
 Давно наполненный стаканъ.  
 Будяда окрестъ дикимъ взоромъ,  
 Изгнанникъ въ думу погруженъ,  
 Не пилъ вина, и разговоромъ  
 Не оживлялъ бесѣды онъ  
 Казалось гь мрачномъ нешерпѣнъ  
 Кого-то въ сумракѣ искалъ,  
 И взоръ огнистый выражалъ —  
 Борьбу спрасшей, души волненье...  
 Пируюшъ всѣ, лишь онъ одинъ.  
 То чушкимъ ухомъ припадаетъ  
 Къ землѣ сырой, шо придвигаетъ  
 Къ себѣ тяжелый карабинъ...

Вдругъ слышенъ окликъ часовова,  
 Ошвѣта не было. Припалъ  
 Къ сырой землѣ Изгнанникъ слова,  
 „Чу! конской попомъ!“ закричалъ :  
 „Вешавайше, други!“ и привскалъ,  
 Взвода курока, онъ на колѣни.  
 Всѣ удалцы за нимъ, какъ пѣни, —  
 Оставя пиръ свой, поднялись  
 И за оружіе взялись.  
 Изгнанникъ юный на поляну  
 Взоръ неподвижный устремилъ...  
 Онъ жаждалъ бившъ подобно врану,  
 Какъ буря въ нихъ ужасенъ былъ.  
 Но шрое всадниковъ кричали:  
 „Свои!“ на окликъ часовымъ,  
 И въ два мгновенья ужъ спояли  
 Съ молодой казачкой передъ нимъ.

Опъ ихъ не видишь... на дѣвицѣ,  
Остановилъ свои глаза;  
Она безъ чувствъ, и на рѣсницѣ  
Дрожишь холодная слеза...

*В. Астафьевъ.*

23 Юня.  
Лукино.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ  
БИБЛЮГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

*Поэзія.*

41. *Стихотворенія Евгенія Баратынскаго.*  
М. въ шипогр. Авг. Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи, 1827. — 178 стр. въ 8.

( Въ Словесности нашей, какъ и въ обществѣ, бывають разныя встрѣчи. Какъ въ послѣднемъ встрѣчаешься, между толпою людей скучныхъ и ничтожныхъ, съ такими, которые умомъ, дарованіями и прилпностію

своего обхожденія пріобрѣтають полное право на уваженіе и привязываютъ насъ къ себѣ какимъ-шо очарованіемъ; такъ и въ липерашурѣ, между извѣстными числомъ книгъ пустыхъ, незанимательныхъ и дурно написанныхъ, радуешься, если встрѣпишь какое-либо сочиненіе, занимательное по содержанию, плѣнительное по воображенію сочинителя, изящное по слогу! Такихъ прілпныхъ, липерашурныхъ встрѣчь имѣли мы нѣсколько въ нынѣшнемъ году и къ нимъ же принадлежишь книга, о которой нынѣ объявляемъ. Стихотворенія Баратынскаго удовлетворяють всемъ требованіямъ самыхъ разборчивыхъ любителей и судей Поэзіи; въ нихъ найдешь все совершенство, доспаяющіяся въ удѣль немногимъ, истиннымъ Поэтамъ: и пламенное воображеніе, и оппечливосшь въ созданіи, и чистоту языка, и прелестную гармонию стиховъ. — Книга сія разделяется на пять отдѣленій; первый шри содержать въ себѣ Элегіи, четвертое смѣсь, въ концѣ которой помѣщено прекрасное подражаніе аллегорической Вольшеровой сказкѣ: Телема и Макаръ, пятое — посланія. Всѣхъ стихотвореній помѣщено въ ней 84; почти все они поправлены, а нѣкоторыя и вновь переделаны Сочинителемъ. Мы замѣтили, что во многихъ мѣстахъ онъ



былъ чрезвычайно снрогъ къ самому себѣ: въ нѣкопорохъ снхосвореніяхъ выпустилъ по нѣсколькx истинно-прекрасныхъ спнховъ, другихъ же и вовсе не помѣспнлъ. Рѣшнтельно можно сказашь, что въ семь опношеніи, онъ былъ гораздо привязчнвѣ и неуспучнвѣ чншающей нашей публнкн, и даже попомснва; но смнѣ самнмъ показаль онъ новое доказашельснво, сколько истннннй таланшъ забосплнвъ о своей славѣ, чувспшншеленъ и предупредншеленъ къ суду своихъ чншашелей настоящихъ и будущнхъ. — Снхосворенія Барашынскаго издалы прекрасно, напечашаны чешкнмъ и краснвымъ шрнфшомъ, на хорошей бумагѣ. С—вѣ.)

## I.

## ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Степени возраста женщины.

(Окончаніе.)

Едва прнбыль я съ родншелямн въ нашу деревню, какъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ переговорншь съ опцемъ своимъ наедннѣ, и отккрышь ему свои желанія и намѣренія. И онъ и машушка, дорогою, видя задумчнвосншь мою, частю шушнлы надъ побѣдою, которую одержала надъ мною Августнна. Это дало мнѣ поводъ къ объясненію.

Родншель мой, умннй, благородннй челоувѣкъ и нѣжннй опецъ, выслушаль меня спокойно и шерпѣливо. А шерпѣнне нужно было ему, пошому что я говорнль цѣльнй часъ, желая объяснншь ему мою и Августннну вѣчную любовь и нашн ненарушнмые обншы.

„Сынъ мой!“ — сказаль онъ наконецъ.  
„Я не нмѣю ннчего прошнвъ любви вашей;

напрощивъ отдаю полную справедливость вашимъ чувствованіямъ. Мнѣ весьма пріятно, что ты любишь Августину. Память о ней охранитъ тебя, можешь быть, не отъ одной неблагородной мысли или чувства. Но совѣтую тебѣ въ наслоящемъ случаѣ не быть слишкомъ поспѣшнымъ. Ты еще слишкомъ молодъ — едва двадцати лѣтъ; у тебя нѣтъ мѣсяца, которое бы могло прокормить тебя, а это необходимо при женитьбѣ. Правда, что Августина богата, но неужели ты захочешь жить на счетъ будущей жены своей? Нѣтъ ничего предосудительнѣе для мужчины, какъ сдѣлаться зависимымъ отъ имѣнія жены и быть ей обязаннымъ своимъ счастьемъ. Мужчина долженъ быть мужчиною, и трудами и достояніемъ своимъ кормить жену и дѣшей. Я, какъ Лысничій, не могу ни много давать тебѣ, ни много послѣ себя оставить. Ты долженъ прежде приобрести для себя, какъ и для себя приобретать. И это обстоятельство весьма легко можешь быть причиною тому, что другъ мой Вальдернъ откажетъ тебѣ покуда въ рукѣ своей дочери. Августина, воспитанная въ довольствіи, привыкла ко многимъ, можешь быть, и излишнимъ потребностямъ, но которыхъ сдѣлался для нее необходимою; а ты не въ состояніи

удовлетворяешь симъ потребностямъ. Ко всему тому долженъ я прибавить еще одно обстоятельство. Ваши лѣта негодяща для постоянно счастливаго супружества. Ты и Августина почти ровесники: это не хорошо. Женщина всегда скорѣе созрѣваетъ, нежели мужчина, но и скорѣе опцѣвываетъ. Ты будешь находиться въ непріятномъ положеніи имѣть уже старую жену въ то время, когда придетъ только въ полный возрастъ и мужескую силу. Между женщиною и мужчиною одного возраста есть всегда разницы около десяти лѣтъ!“

Такъ, или почти такъ говорилъ отецъ мой. Всякой легко догадается, что онъ былъ, по моему мнѣнію, совершенно неправъ. Я доказывалъ ему это наяснѣйшими доводами и крайне удивлялся, что убѣдительнѣйшія причины мои ни сколько не убѣждали его. Я взялъ дѣло на апелляцію и перенесъ на судъ моей мащери.

„Густавъ! ты правъ!“ сказала она. „Не могу не отдать тебѣ полной справедливости: лучшей невинки я не желала бы себѣ. Но и отецъ твой совершенно правъ. Для собственннй своей пользы я не могу сказать ничего другаго, какъ и онъ. Да услышишь тебя Всемогущій!“ присовокупила она сквозь слезы и поцѣловала меня.

Съ эпихъ поръ у насъ полько и было разговоровъ и совѣщаній, что о любви моей. Но мы никогда не могли окончить и согласиться. Я спрадалъ въ молчаніи, какъ нельзя болѣе.

Недѣли черезъ двѣ, когда я собирался уже отправиться въ столицу, а опшуда въ городокъ къ своей должности, получалъ опецъ мой письмо опъ Вальдерна. Оно на-полнено было изліяніями горести и жалобъ на Августину, которая по опъздѣ моемъ была совершенно безумна и даже получивъ припадокъ горячки, слегла въ постелю. Теперь — писалъ Вальдериъ — она нѣсколь-ко спокойнѣе; но онъ заклинаешъ меня по крайней мѣрѣ въ настоящее время, покуда не имѣю еще мѣста, при которомъ бы могъ, не подвергая себя насмѣшкѣ, думать о со-юзѣ съ его дочерью, не пріѣзжать въ сто-лицу; ибо чрезъ шо я расправилъ бы поль-ко безъ пользы раны, и можешъ бышь, раз-спроилъ бы здоровье Августины. Но онъ повтораешъ мнѣ, какъ общалъ уже и сво-ей дочери, что опшюдъ не имѣешъ ничего прошивъ нашего соединенія, коль скоро я получу приличное мѣсто, и надѣешся, что при моемъ образованіи и способностяхъ, эшо никакъ замедлишь не можешъ. Еще болѣе: онъ нисколько не прошивишь шому,

чтобъ я въ услажденіе разлуки пашей, вель поспоянную переписку съ Августиною.

Эшо письмо вывело меня спачала изъ себя. Я былъ совершенно помѣшанный, по-ка опъ успалосши наконецъ не успокоил-ся. Тушь размысливъ хорошенько, я нашель, что письмо Вальдерна весьма благоразумно, и что онъ даже больше общалъ мнѣ, неже-ли сколько я по первымъ словамъ родите-лей моихъ могъ надѣяться. Письмо эшо до-спавило мнѣ даже пріумѣ надъ моимъ оп-цемъ. Я благословляя Вальдерна, рѣшился бышь мужесивеннымъ и пріобрѣвши руку Августины заслугами. Дозволеніемъ перепис-ки, я шопъ же часъ воспользовался и на-писалъ къ Августинѣ письмо на цѣлыхъ прехъ лиспахъ, и къ Г. Вальдерну не коро-че съ изьявленіемъ искреннѣйшей моей бла-годарности.

Г. Вальдериъ былъ умный, шонкій свѣш-скій человекъ. Онъ зналъ человеческое серд-це, и быспрому пошоку юношескихъ склон-ностей не хопшль прошивопосшавляшъ о-плоша. Иначе пошокъ сдѣался бы полько бурнѣ, сильнѣе, разрушительнѣе: шеперь полдси опный спокойнѣе.

Такимъ образомъ я не поѣхалъ въ сто-лицу, но прямо шуда, куда призывала меня должность, которую надлежало мнѣ начать

поприще своей службы. Разлука съ родителями, развлеченія на пуши, первыя заботы объ устройствѣ новаго моего жилища и обзаведеніи себя всеѣмъ нужнымъ, не мало способствовали къ тому, чшобъ укротить нѣсколько внутреннее мое волненіе.

Я принялся за работу съ неупоминимымъ прилежаніемъ: мнѣ хотѣлось сдѣлаться совершеннѣйшимъ человекомъ въ кругу моихъ обязанностей. Это вскорѣ было замѣчено, какъ начальствомъ, такъ и моими сослуживцами. Все любили меня и уважали мои познанія. Одинъ шолько недоспашокъ находилъ во мнѣ: я былъ еще слишкомъ молодъ. Мнѣ надобно было прежде доспичь, такъ называемаго антим сапоисит. О съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я совершенія себя 25 лѣтъ!

Наконецъ я дожиль до этого. И до чего не доживешь, если шолько Богъ продлишь жизнь! Между прочимъ и много горькаго. Въ продолженіе этого времени скончалася добрая моя мапушка; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нея и башюшка. Но опецъ мой передъ смертію своею имѣлъ еще удовольствіе видѣть меня Ассессоромъ въ Окружномъ лѣсномъ Управленіи съ небольшимъ жалованьемъ. И такъ я сдѣлалъ уже

большой шагъ къ цѣли всеѣхъ моихъ желаній — руку Августининой.

Между тѣмъ переписка съ моею любезною шла своимъ чередомъ. Правда, что въ первый годъ разлуки нашей я не писалъ и не получалъ никогда письма, которое было бы короче прехъ листовъ кругомъ; во вшоромъ году письма наши сократились уже до полушора, а въ шретьемъ даже до одного листа. Кто не согласился, что время дѣлаешь чудеса? При всеѣмъ шомъ любовь наша не угасала. Августинна въ продолженіе этого времени отказала многимъ женихамъ, за нее свашавшимся. Мои письма вѣчно наполнены были жалобами, что я не имѣю еще мѣсна, при которомъ могъ бы просить руки ея: Ассессорскаго моего жалованья едва доставало мнѣ на квартиру, дрова и свѣчи: прочее долженъ я былъ заимствовать изъ небольшого опеческаго наследства. Она съ своей стороны безпрешанно писала ко мнѣ, какъ при каждомъ новомъ свашовствѣ родителей ея становяшся настойчивѣе, пошому, что уже не далеко ей до того возраста, когда все свашовства прекращающя и она цѣлый вѣкъ своей должна будешь опашаться пожилою дѣвушкою.

Я чувствовала, что родились ея правы, и въ согласіи съ Августиною забывъ прежнія свои намѣренія, рѣшился опять написать къ Г. Вальдерну и просить руки его дочери. Хотя я и не могъ еще содержать жены своей, но ушѣхалъ лучшими видами въ будущемъ. Однако жъ Вальдернъ плохо вѣрилъ симъ утѣшеніямъ и опять отказалъ мнѣ въ рукѣ Августины... *покуда*, присовокупивъ къ тому, что удерживая бесполезно дочь его осьъ замужства, я дѣлаю ее несчастною; потому что она скоро уже перешутишь за половину между двадцатью и тридцатью годами — роковой возрасть для незамужнихъ дѣвушекъ.

Получивъ это письмо, я очень призадумался. Какъ ни досаденъ былъ мнѣ отказъ Вальдерна, но я не могъ не признаться, что онъ дѣйствовалъ совершенно основательно. „Онъ правъ! точно правъ!“ думалъ я самъ въ себѣ и былъ столь великодушень, что откровенно признался въ томъ Августинѣ. Я даже написалъ къ ней, что не зная совершенно времени, когда я буду наконецъ въ состояніи предложить ей, не спыдася, свою руку, я не хочу, чтобы она жертвовала для меня лучшими лѣтами своей жизни, что я не менѣ буду любить ее, если она сдѣлается и супругою другаго,

и что счастье мое будешь несомнѣнно, если только я буду знашь, что она счастлива.

Это подало опять поводъ къ перепискѣ, которая почти около года вертѣлась около одного предмета, разсматривая его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Мы хохѣли превзойти другъ друга въ любви и великодушіи. Наконецъ побѣда оспалась на моей сторонѣ, или лучше сказашъ на споронѣ времени: Августинѣ исполнилось двадцать шесть лѣтъ.

Какъ бы то ни было, только однажды вовсе неожиданно принесли мнѣ съ почты конвертъ, съ адресомъ незнакомаго мнѣ почерка. Распечатываю: Совѣтникъ Юстиціи фонъ Винперъ въ вѣннѣйшихъ и прогашельтѣйшихъ выраженіяхъ благодарилъ меня за мое великодушіе и извѣщалъ, что Августина, въ сдѣлствіе того, рѣшилась дать ему свою руку и теперь уже съ нимъ обвѣчана. Въ заключеніе просилъ онъ весьма благосклонно о моей къ нему дружбѣ. Августина присовокупила только нѣсколько спрочекъ комплиментовъ въ письмѣ *любезнаго ея супруга*, какъ она его называла.

Ударъ грома не могъ бы сильнѣе поразить меня: — я проклиналъ свое безвременное великодушіе, проклиналъ невѣрноснѣ

Августины. Но что было дѣлать? Августинъ миинуло уже двадцать шесть, и ее нельзя было обвинять, что она поспешила пакииъ образомъ. Не смотря на то я былъ сильно раздраженъ прошивъ нея, и гнѣвъ мой еще болѣе усилился, когда менѣе, нежели черезъ годъ послѣ того умеръ отецъ ея, и со смертію его она сдѣлалась полною властительницею руки своей и своего имѣнія. Что бы подождать ей еще одинъ только годъ? Теперь все уже было поздно. Я не писалъ къ ней больше ни спрочки. Она ко мнѣ также. Мы разошлись, какъ будто и никогда не бывали знакомы.

Частію изъ какого-то внушрняго желанія ошмстивъ за невѣрность Августины, частію чтобы развлечь себя, обратилъ я болѣе вниманія на прелестный полъ нашего околоска, и нашель между нимъ много цвѣщущихъ розъ. Охотно выбралъ бы я шу или другую изъ нихъ, но... деньги, проклятыя деньги! Мнѣ оставалось для препровожденія времени играть только небольшіе романы. Однако изъ одного шакого романа чуть было не вышло серіознаго дѣла, если бы въ то самое время не перевели меня въ другой городъ, къ другому мѣсту.

Теперь казалось, счастье начало мнѣ улыбаться. Многие изъ прудовъ моихъ обра-

зили на себя вниманіе Министра. Мнѣ сдѣлано было нѣсколько важныхъ порученій и успѣшное окончаніе оныхъ имѣло послѣдствіемъ то, что съ исчисленіемъ шридацшаго года моей жизни, я получилъ почетное мѣсто Предсѣдателя Уголовной Палаты той провинціи, въ кошорой до сихъ поръ служилъ. Кромѣ оплчія, жалованье мое было шаково, что я могъ жить хорошимъ домомъ. Многие изъ знавшійшихъ фамилій того города, въ особенноти шѣ, въ числѣ коихъ находились взрослые незамужія дочери, приняли меня въ семейственный свой кругъ. — Вмѣстѣ съ опредѣленіемъ своимъ получилъ я опѣ Министра Юстиціи письмо, кошорымъ приглашалъ меня, какъ скоро только дѣла мои позволятъ, пріѣхать въ столицу, какъ для того, чтобы о многомъ объясниться изуспшно, шакъ и для того, чтобы бытъ представленнымъ Его Величеству Королю.

Мысль о столицѣ всякой разъ волновала кровь мою, хотя мнѣ и казалось уже, что я совершенно забылъ Августину или лучше сказать Г-жу фонъ Винтеръ. Сколько удалось мнѣ слышать опѣ провзжихъ, то *любезный супругъ* ея былъ довольно пожилой, пресыщившійся жазнію шпаринной фамиліи дворянннъ, и почтенная его супруга жила, какъ говорили въ столицѣ, на при-

дворной ногъ, окруженная почтпашелями; всякой день въ блестящихъ собраніяхъ, на пикникахъ, серкляхъ, вечеринкахъ, редушахъ, концерсахъ, и проч. и проч. и проч. Шаринная простота честнаго и благороднаго, хопя и не дворянскаго дома Вальдерна совершенно исчезла. Это бѣсило меня всякій разъ, когда я опомъ слышала. Мнѣ прудно было представишь себѣ въ шакомъ вихрѣ удовольствій скромную, тихую, Августину. Иногда приходило мнѣ даже на мысль: Слава Богу! что она не сдѣлалась моею женою.

Впоричное письмо Министра Юстиціи ускорило повздку мою въ столицу, копорой не видалъ я ровно десять лѣтъ. Какъ начальники мои, такъ и Монархъ удостоили меня самага лестнаго и исполненнаго особеннаго благоволенія приѣма. Я находился въ столицѣ уже около шрехъ дней, не успѣвъ выбрашь свободной минушы, чтобъ поспѣишь Августину, хопя и предположилъ себѣ непременно сіе сдѣлать. Варугъ однимъ ушромъ получаю слѣдующую записку:

„Прекрасно. Г. Предсѣдатель! Какъ нельзя лучше! И такъ прежняя ваша припелъница только изъ газетъ должна узнавать о вашемъ сюда приѣздѣ? Подъ опасе-

ніемъ величайшей моей немилости, приказываю вамъ, нынѣшній же вечеръ опужинать у меня съ нѣсколькими добрыми моими припешелями и не застаишь себя дожидаться.

Покорная къ услугамъ

А. фонъ Винперъ.“

Само собою разумѣется, кпо бы въ шакомъ случаѣ заставилъ себя ждать? Но мнѣ опнюдь не понравилась понь письма, копорымъ она приглашала меня: иначе представлялъ я себѣ первую нашу встрѣчу; ибо все еще какал-шо спранная шоска и спграхъ овладѣвали мною, когда по приѣздѣ въ столицу иногда думалъ я: тебѣ надобно же наконецъ поспѣишь ее! — Десятилѣтняя разлука, различныя происшествія въ печеніи сего времени, прежняя любовь, разрывъ нашъ — все это наполняло душу мою какимъ-шо необыкновеннымъ, и могу сказать, весьма непріятнымъ чувствомъ, копорое вселяло въ меня родъ боязни прошивъ перваго свиданія съ прежнею любезною.

Съ сильнымъ бѣніемъ сердца сълъ я вечеромъ въ карету, еще съ сильнѣйшимъ оппановиася предъ бывшимъ Вальдерновымъ, нынѣ фонъ Винперовымъ домомъ. Надъ во рошами фигурировалъ высѣченнй на камнѣ дворянскій гербъ. Во внушренности дома

было все такъ роскошно и съ такимъ вкусомъ оцѣлено, и все такъ переименовано, что я едва могъ найшиться; но два быспроногихъ лакея въ свѣшзеленой шпшой золотомъ ливреѣ, вывели меня пошчасъ на настоящую дорогу, взвели на широкую лѣсницу и ошворили дверь въ обширную свѣшлую залу, наполненную блестящимъ обществомъ.

Хозяйка дома приняла меня при входѣ моемъ въ залу. Эшо была Августина. Такъ! эшо была она, и при всемъ томъ эшо была уже не совсемъ она. Она не имѣла уже свѣжести красоты девятнадцатилѣтней дѣвухи, но была еще прелестная тридцатилѣтняя женщина и при томъ полнѣе, величавѣе, ловчѣе, развязнѣе. Едва могъ я пролепешать нѣсколько обыкновенныхъ словъ: такъ я былъ пораженъ, такъ смѣшался. И въ ея глазахъ, въ краскѣ пробѣжавшей по ея лицу, замѣшилъ я быспрое внутреннее движеніе; но она пошчасъ овладѣла собою и съ совершенною непринужденностію встрѣшшила и привѣшшвовала меня благосклоннѣйшимъ образомъ предъ лицомъ всего общества, осыпала шуточными упреками за то, что я такъ долго медлилъ къ ней явиться, и взявъ за руку представила всему собранію, какъ сшараго, добраго пріятеля, съ

которымъ уже цѣлыя десятиа лѣшъ не видалась. — Эшо и меня вывело изъ моего замѣшательства.

Въ шумъ всеобщихъ веселыхъ разговоровъ, я скоро ошдохнулъ совершенно. Хозяйка дома должна была заниматьсѣ гостями. Она успѣвала всюду и была со всѣми равно благосклонна, равно мила, равно обязательна. Обходя залу и находясь вблизи меня, она обратилась ко мнѣ и первое слово ея было: Долго ли будемъ мы имѣть счастье, видѣть васъ у насъ въ столицѣ? — Вшорое: „Прекрасно! Какъ нельзя лучше! И такъ, позволите мнѣ однажды навсегда сказать вамъ, что я ожидаю васъ у себя каждый день, и объявляю васъ на все время вашего здѣсь пребыванія, моимъ Cavaliere sergente.“ Я подошелъ къ ней и просилъ представить меня ея супругу. „Mon Dieu!“ — вскричала она: „кто знаетъ, гдѣ онъ теперь? Вѣроятно поскакалъ съ Оберъ-Егермейстеромъ куда нибудь на охоту. А прогос“ — присовокупила она: — „вы ужъ женаты?“

Вечеръ прошелъ непримѣшно, мнѣ не возможно было найши минушу переговорить съ Августиною безъ свидѣтелей. Танцовали, ужинали. Веселость и ошпрота царствовали; пышность и вкусъ ослѣпляли.



На другой день я имѣлъ счастье видѣть и супруга Августины. Г. фонъ Виншеръ былъ человекъ дѣль за пятьдесятъ, весьма ловкій, тонкій, во всемъ смыслѣ свѣтскій; но нездороваго вида, худъ, блѣденъ, со всеми признаками того, что онъ уже опоздалъ свое время. „Не правда ли, мой опшавной любезный!“ сказала Августина проходя мимо меня: „вы съ намѣреніемъ споише такъ гордо передъ моимъ чахлымъ супругомъ, чпобъ сдѣлать тонкій упрекъ мнѣ и моему вкусу. Но честію увѣряю васъ, что при всемъ томъ, онъ право добрая душа.“

Сколько хозяева меня ни ласкали, но тонъ, господствовавшій въ ихъ домѣ, былъ вовсе не согласенъ съ моимъ образомъ мыслей, и одной шолько Августины возможно было засшавишь меня принимать участіе во всѣхъ ея увеселеніяхъ, сколько позволяли мнѣ по дѣла мои. Спранное дѣло! Она не правила мнѣ, и при всемъ томъ я находитъ ее такъ любви досшойною: ея непринужденная веселость, ея умъ, ловкость, ошпроша, оковывали меня снова всякій разъ, когда воспоминаніе о прошедшемъ и сравненіе съ настоящимъ сдлаишь ошдалишь меня ошъ нее. Я чувствовалъ даже, что при всемъ ея легкомысліи и вѣтрености она можешъ сдѣлаться для меня опасною.

„Но дѣйствительно ли вы счастливы, милосшивая государыня?“ спросилъ я у ней однажды вечеромъ, когда мнѣ удалось наконецъ бышь съ нею безъ близкихъ свидѣтелей въ оперѣ въ одной ложѣ.

— „А что вы называете счастиемъ?“ возразила она.

Я схватилъ ея руку, пожалъ еѣ съ горячностью и сказалъ: „Я называю счастиемъ то, что взаимная любовь ваша досшавляла нѣкогда моему сердцу. И такъ спрашиваю еще разъ: счастливы ли вы?“

— „Развѣ вы въ этомъ сомниваетесь?“

„Тогда и я счастливъ, если вы говорите правду.“

— „Если я говорю правду? Ай, ай, Г. Предсдатель! Вы все еще старый мечшатель? Ну! да оно вамъ и къ лицу. Однако жъ не забудьте, что оперная ложа не мѣсто для тайныхъ объясненій. Чшобъ сказашъ вамъ, что вы знаете желаете, надобно бышь намъ наединѣ. Завтра пошпру прѣзжайте ко мнѣ на завтракъ.“ Я пожалъ ей въ знакъ благодарности руку. Съ этого мгновенія, руки наши какъ бы магическою силою такъ крѣпко сдѣлились одна съ другою, что не разлучались больше во все продолженіе оперы, изъ кошорой я ничего не слыхалъ и не видалъ. Мы повхали вмѣстѣ на ужинъ къ

одной изъ ея пріятельницъ, придворной дамѣ.

На другой день уже въ 8 часовъ утра, былъ я у ея дома; она еще почивала. Накопецъ въ десять меня впустили. Августина была въ простомъ упренномъ платьѣ и шѣмъ еще прелестнѣе. Дошло до объясненій. Я узналъ, что женщина, вышедши изъ времени чувствительныхъ романовъ дѣтскихъ лѣтъ, ищетъ такъ называемаго счастья своего въ вещахъ болѣе прочныхъ; что она мужемъ своимъ совершенно довольна, именно потому, что онъ сполько снисходителенъ и даетъ ей свободу жить, какъ ей хочется; что устарѣлыя мысли о счастьи, всасываемыя нами въ ребячествѣ, сами собою испаряются въ лѣтахъ разума. „Конечно“ — присовокупила она — „я не хочу притворствовашь: я никогда не любила мужа моего такъ, какъ любила васъ; а старая любовь“ — примолвила она съ плутовскою улыбкою — „говоришь Нѣмецкая половица, не ржавѣешь, и я все еще хорошо расположена къ вамъ, но, сказать вамъ откровенно, вы лучше годитесь быть любовникомъ, нежели мужемъ.“

Напрасно спарался я выражать по и другое, она опивчала на все смѣхомъ. Между шѣмъ одна изъ служанокъ пришла ска-

зать, что завтракъ готовъ. Августина подала мнѣ руку и мы пошли въ знакомый мнѣ садъ.

Знакомый? Ни за что въ свѣтѣ не узналъ бы я его: такъ все въ немъ перемѣнилось. Преніе богатые, разнообразныя цвѣтники исчезли; вмѣсто нихъ кой-гдѣ видны были группы иностранныхъ деревьевъ и кустарниковъ между полянами зеленого дерна, въ такъ называемомъ Англійскомъ вкусѣ. Мѣстами извивались между ними усыпанныя пескомъ дорожки. Виноградная бесѣдка превратилась въ закрытый Китайскій храмъ, осѣняемый двумя высокими акаціями. Мы вошли въ него: внутри былъ прелестнѣйшій въ свѣтѣ будуаръ. Вмѣсто зеленой деревянной скамейки, стояла покрытая богатою шкатулкою софа изъ краснаго дерева, предъ нею прекрасный Японскій столикъ, на кошоромъ ожидали насъ кофе, шоколадъ, и бисквиты.

Гдѣ ны прелестная, священная виноградная бесѣдка, наше дѣтское блаженство? куда все это дѣвалось? сказала я со вздохомъ и бросилъ на Августину взглядъ, въ кошоромъ вѣроятно изображался горестный упрекъ.

„Развѣ блаженство зависить отъ виноградной бесѣдки?“ возразила она, захохо-

шавъ. „Право, я думаю, вы въ состояніи совсѣмъ разлюбите меня за то, что я теперь не ношу больше шапихъ плашвевъ, какъ за десяшь лѣтъ?“

„Однако жъ, Августина — просните мнѣ, что я еще разъ осмѣлился шакъ назвашъ васъ: это мѣсто даешь мнѣ на то право — неужели для васъ не остался священнымъ ни одинъ памятникъ, напоминающій блаженнѣйшія минушы вашего дѣтства? Можно ли шакимъ образомъ забыть все? Видите ли вы это кольцо, которое вы за десяшь лѣтъ предъ симъ надѣли мнѣ на палець на этомъ самомъ мѣсѣ? Съ шѣхъ поръ я ношу его, какъ драгоценность, безпрестанно на рукѣ моей.

— „А я въ честь вашу, по крайней мѣрѣ, за нынѣшнимъ завшракомъ, извѣстное оловянное кольцо!“ сказала Августина и просянула мнѣ руку свою. „Видите ли вы: оно совсѣмъ почернѣло, и при всемъ томъ я храню его вмѣстѣ съ моими брилліаншами, какъ бы какую драгоценность.“

При взглядѣ на кольцо, овладѣло мною какое-то горестно-сладостное чувство. Я взяла прелестную руку, кошорую кольцо дѣлало еще прелестнѣе, и покрывала ее изъ благодарности горячими поцѣдуями. Августина ошнала у меня дрожащую руку и

сказала: „Гусавъ! шы все еще пошь же неукротимый мечшашель! Мнѣ не годится бышь съ шобою наединѣ!“ Она хощла вшашъ, но наклонилась ошашъ ко мнѣ, заключила меня въ свои объашія, напечашѣла на пылающей щекѣ моей жаркій поцѣлуй и сказала со вздохомъ: „Ахъ, Гусавъ! Съ шобою почно была бы я счастливѣе.“ — Августининъ поцѣлуй, ея ижностъ ко мнѣ, ея чиспосердечное признаніе сильно меня пронули. Я прижалъ все еще любимую мною, сполькихъ слезъ сповшшую мнѣ Августину, крѣпко къ моему шашкомъ вѣрному сердцу.

Она вывела меня, смѣясь, изъ Китайскаго храма, и сказала, погрози мнѣ пальцемъ: „Нѣшь, Г. Предшдатель, съ вами не хорошо объяснишься!“

Мы пошли. Я былъ внѣ себя ошъ дошды. Она шушила и назначала мнѣ часъ, когда я должень явшться къ ней, чшобъ ѣхашъ вмѣстѣ съ нею на сегодняшній балъ.

Я прожилъ еще около двухъ недѣль въ шполищѣ; но не имѣлъ уже больше случая бышь съ Августиною наединѣ: можешъ бышь пошому, что я самъ избѣгалъ всякаго къ шому повода. Не могу не признашься, чшю

хотя съ той минушы, какъ я вышелъ изъ Кипайскаго храма, и послѣдняя искра прежней любви и почтенія къ Августинѣ погасла въ груди моей, но я хорошо видѣлъ, что она все еще можетъ бытъ для меня весьма опасною.

Наконецъ наступило время моего отъѣзда. О! какъ прощанье наше было оплочно отъ того, какъ за двадцать, какъ за десять лѣтъ. Мы разстались при звукѣ бубинъ и ливавровъ въ редушѣ, съ котораго я съ намѣреніемъ раньше уѣхалъ, чѣмъ имѣть возможность выѣхать на другой день съ зарею. Мы еще провершались вмѣстѣ вальсъ и прошептали другъ другу множество учтивостей и лѣзностей. Она проводила меня до дверей и закричала мнѣ еще въ слѣдъ: „Adieu, mon ami!“ подавая въ то же время руку другому танцору, чѣмъ возвратишься съ нимъ вмѣстѣ въ блестящій кругъ вертящихся.

Я былъ душевно радъ, убѣжавъ упоминательнаго шума шакъ называемаго большаго свѣша, и будучи, шакъ сказать, предоставленъ самому себѣ. Сидя покойно въ коляскѣ своей и смотря на мелькающія мимо меня поля, лѣса, города и деревни, я мыслить о будущемъ; поному что прошедшее опроши-

вало мнѣ вмѣстѣ съ Августинною. О, какъ перемѣняетъ все всемогущее время! —

Путешествіе мое — я долженъ былъ ѣхать четверо сутокъ до мѣста моего пребыванія — шло довольно скучно, поному что не встрѣчалось мнѣ ничего необыкновеннаго. Только въ послѣдній день случилось со мною происшествіе, и къ тому довольно пріятное.

Извозчикъ мой оспановился упрямъ предъ шракширомъ въ одной деревнѣ, чѣмъ покормить немного лошадей. Я вошелъ въ домъ и услышалъ шумъ. Хозяинъ и грубый, полуньяный извозчикъ, котораго повозка стояла шакъ передъ домомъ, спорили между собою. Молодая, весьма опршно одѣтая дѣвушка сидѣла на скамейкѣ у стола и горько плакала. Дѣло состояло въ томъ, что извозчикъ, привезшій дѣвушку, не хотѣлъ ѣхать съ нею шуда, куда, какъ увѣрляла она, долженъ былъ довести ее по договору, но въ другой, въ сторонѣ отъ большой дороги лежащій небольшой городокъ, гдѣ онъ былъ подряженъ какими-то господами, и куда надобно было ему въ шонъ же день явиться. Онъ утверждалъ, что при договорѣ иманно объявилъ, что поѣдетъ шуда, а не въ другое мѣсто. Хозяинъ всупился за молодую, робкую красавицу. Услышавъ,

что она дочь Священника одной деревни, въ разстояніи часа ѣзды отъ мѣста моего пребыванія, и что мнѣ сподобитъ сдѣлать весьма небольшой кругъ, чтобы завести ее сюда, я скоро уладилъ все дѣло. Дѣвушка, послѣ нѣсколькихъ отговорокъ — я сказалъ ей, кто я и куда ѣду — согласилась на мое предложеніе и сдѣлалась моею соупищицею.

Дорогою мы много разговаривали о томъ и о другомъ. У ней былъ пріятный, нѣжный голосъ и образъ чистѣйшей невинности во всѣхъ чертахъ. Въ жизнь мою не случалось мнѣ еще видѣть такую прелестную, блокурую головку, съ крошкками, милыми, довѣренностью внушающими глазками. Я узналъ, что ее зовутъ Адель, что браня ея за двѣ недѣли передъ тѣмъ отвезъ ее въ ближайшій городокъ, гдѣ родной дядя ея Бургомисшромъ, у котораго она и провела все время. Безъ сомнѣнія шамъ при договорѣ съ кучеромъ произошло какое нибудь недоразумѣніе, которому я обязанъ былъ самымъ пріятнымъ для меня днемъ. Адель при всемъ прошодущи своемъ имѣла, казалось, много природной остроты; однако жъ во всю дорогу она была слишкомъ робка. И только тогда, когда мы пріѣхали въ ихъ деревню и я сдалъ ее съ рукъ на руки ея отцу — почтенному старцу еще въ под-

нихъ силахъ дѣтъ своихъ — тогда только увидѣлъ я ее въ ея истинномъ свѣтѣ. Съ какою горячностію руки ея обвивались около шеи родителя! Какъ охотно желалъ бы я бытъ на его мѣстѣ и какъ сожалѣлъ, что не могъ осмѣяться у нихъ долѣе, не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія достопочтеннаго старца. Я обѣщала посѣщать ихъ опять въ скоромъ времени, но не сдержала своего слова: въ непрерывныхъ дѣлахъ и развлеченіяхъ я забывалъ о томъ.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ того, на одномъ балѣ, замѣнилъ я между танцующими молодую дѣвушку — скажу мимоходомъ, что для холостыхъ мужчинъ, которымъ спужкнетъ уже за тридцать лѣтъ, всѣ незамужнія дѣвушки получаютъ особенную важность, и при томъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе — и такъ замѣнилъ я одну дѣвушку, которую, говоря безъ увеличенія, безспорно можно было назвать царицею всѣхъ бывшихъ на лицѣ красавицъ — прелестную розу въ полномъ блескѣ ея развитія. Молодые господчики наши порхали и вились вокругъ нея, какъ мушкетеры. Сердце мое начинало сильно биться, когда глаза обворожительной Сильфиды время отъ времени на меня обращались, а это къ крайнему моему удивленію случалось не рѣдко.

Тутъ пришло мнѣ на мысль, что и я видалъ уже эту прелестную гдѣ нибудь въ обществѣ — можешь быть въ столицѣ у Августины. Освѣдомляюсь у одного знакомаго: кто она? Великій Боже! это была Адель. Конечно въ бальномъ нарядѣ совсемъ другая, нежели въ дорожномъ платьѣ. Тутъ не могъ я больше удержатъ себя. Едва только окончила она послѣдній шанецъ, какъ и я, почти припадая двухъ лѣвнѣй моншлекъ, присоединился къ младшимъ, и она была такъ благосклонна, что стараго своего спутника отличила отъ прочихъ. Я шанцовалъ съ нею, освѣдомлялся о здоровьѣ отца ея, жаловался, что множество дѣлъ воспрепятствовало мнѣ до сихъ поръ познакомиться съ нимъ — это была конечно ложь; но передъ этимъ прелестнымъ созданіемъ надобно же было мнѣ оправдать себя — и общалъ въ самомъ непродолжительномъ времени исполнилъ это. Съ дружескимъ участіемъ увѣряла она меня, что мое посѣщеніе будетъ весьма пріятно для отца ея.

Этотъ балъ произвелъ сильную во мнѣ революцію. Предѣдатель Уголовной Палаты сдѣлался опять молодымъ мечшашедемъ. Цѣлую ночь не могъ я заснуть.

Для меня удивительно было, отъ чего такая прелестная, такая милая, такая

крошкая дѣвушка, какъ Адель, до сихъ поръ не нашла себѣ жениха. И отецъ ея — говорили мнѣ — также добръ и честенъ, какъ она прекрасна, но у него нѣтъ никакого имѣнія. О глупцы! — Черезъ нѣсколько дней уже былъ я въ деревушкѣ у Священника; повторилъ свое посѣщеніе недѣли черезъ двѣ, потомъ черезъ недѣлю, потомъ чаще и чаще, и вскорѣ считался уже другомъ дома. Адель начинала уже дѣлать мнѣ насмѣшлівыя выговоры, когда я не являлся въ назначенное время. Въ одинъ день показались у ней даже слезы на глазахъ, когда я сказалъ, что можешь быть для нея пріятнее было бы, если бы я не такъ часто прѣзжалъ къ нимъ. Иногда и ссорились мы, чтобъ имѣть удовольствіе опять мириться; и однажды при заключеніи перемирія, былъ я столько дерзокъ, что далъ ей пощелку и при всемъ томъ ссора наша не возобновилась. Она только вдругъ умолкла и щеки ея запылали пурпуровымъ румянцемъ. Короче — я любилъ и былъ любимъ. Почтенный старецъ — отецъ ея — пожалъ плечами и сказалъ: „Она не принесетъ съ собою никакихъ сокровищъ, кромѣ любви, добродѣтели и хозяйственности; но кто ихъ цѣнитъ умѣетъ, тому они дороже, нежели бочка золота.“ Изъ первыхъ вещей цѣшловъ свила я брачный вѣнокъ мой

Адели; отецъ ея самъ благословилъ союзъ нашъ предъ алтаремъ сельской своей церкви. Теперь только, въ объявленіяхъ доброй жены моей, сдѣлался я счастливейшимъ изъ счастливейшихъ.

Вскорѣ окружила насъ толпа цвѣтущихъ малюшкѣ, которыя болѣе и болѣе соединили меня съ Аделью. Жена моя день ото дня спановилась любезнѣе: молодая мать безъ всякаго сомнѣнія несравненно любезнѣе, нежели самая любезнѣйшая изъ дѣвусекъ. Чистая душа Адели сдѣлала меня самого благороднѣе, нежели какъ я былъ прежде. Тогда только можно быть совершенно счастливымъ, когда имѣешь довольно духа, чшобъ быть совершенно добродѣтельнымъ. До женитьбы моей, я только и думалъ о томъ, какъ бы что скопить и сдѣлаться богатымъ. Проживъ нѣсколько лѣтъ съ Аделью, чувствовалъ я, что съ нею и съ дѣтьми моими, потеря всего моего имущества не сдѣлала бы меня несчастнымъ.

Тутъ только понялъ я, какъ правъ былъ покойный отецъ мой, желая отклонить соединеніе мое съ Августиною, правъ во всемъ, даже и въ отношеніи разности между лѣтами мужчины и женщины. Когда мнѣ исполнилось сорокъ, а Адели тридцать

лѣтъ, когда вокругъ насъ играли и порхали восьми и шести лѣтніе дѣти, она была еще прекрасная молодая женщина, которая могла бы дѣлать побѣды; Августина напротивъ была уже пожилая женщина.

О сей послѣдней рѣдко доходило чтонибудь до моего слуха. О перепискѣ между нами нечего было и думать. Пріѣзжіе увѣрили меня, что она очень ошцвѣла, что вокругъ нея всегда толпа молодыхъ людей, въ особенності же епихошворцевъ и ученыхъ, которымъ очень нравился откровенный ея стиль. Другіе сказывали мнѣ, что мужъ ея умеръ, что Поэзы, составляющіе главнѣйшій кругъ ея посѣщителей, какого-то особаго, новѣйшаго рода, спранные мечтатели и Мисники, что Августина сама пустилась въ романшику и написала нѣсколько стихковъ, напечатанныхъ въ Альманахахъ.

Въ свѣдѣ за тѣмъ почти въ одно и то же время получила я отъ Министрства предписаніе оная явиться въ столицу, чшобы присушествовать при сужденіи одного важнаго дѣла, и отъ Августины длинное письмо съ цѣлымъ тюкомъ пятачныхъ яшкѣвъ. Она завлечена была въ процессъ о наследствѣ съ однимъ дальнимъ родственникомъ ея мужа, и просила у меня по ста-

рой дружбѣ нашей совѣта и помощи. Я уложилъ акшы въ дорожную свою коляску, и радовался, что могу изустно объяснить-ся съ нею о дѣлѣ.

Мнѣ было сорокъ, Августинѣ также. Слѣдовательно она не могла уже быть для меня такъ опасна, какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ переобразованной виноградной бесѣдкѣ. Этомъ разѣ отправился я къ ней на другой же день по прибытіи въ столицу и безъ малѣйшаго біенія сердечнаго. Я послалъ прежде спросить, могу ли ее видѣть, желая заснать навѣрное дома, ибо меня увѣряли, что она рѣдко принимаетъ, сидя по большей части запершись съ модными Поэтами и слушая, или крокая сама романтическія бездѣлушки; или съ пожилыми господами и госпожами за каршочнымъ столомъ: игра сдѣлалась ея господешвующею страстью. Всѣ прежніе ея пріятели и пріятельницы, которыхъ я за десять лѣтъ предъ тѣмъ видалъ у ней, ошстали ошъ ея дома, потому что съ нею нельзя было ужиться. Языкъ ея во всей столицѣ славился, какъ самый лдовитый; съ цѣлымъ городомъ была она въ ссорѣ, и ежели кому хошлось узнать все городскія новости,

то стоило только съѣздинъ къ г-жѣ фонъ-Виншеръ. Это рассказывали мнѣ двѣ изъ прежнихъ короткихъ подругъ ея, съ которыми познакомился я въ послѣдній пріѣздъ мой у ней. Но эти добрыя подруги, думалъ я, сами пошарьши съ тѣхъ поръ цѣлыми десятиью годами, и можеть быть, также спраждушъ нѣсколько недугомъ клеветы, или какъ въ столицѣ нѣсколько учивше называющъ, злословія.

Вспунивъ въ домъ Августины — тогда былъ прелестный лѣтній вечеръ — услышала я ошъ слуги, что госпожа въ саду. Я пошелъ туда, въ этомъ садѣ, столь памятный мнѣ съ юныхъ лѣтъ. Изъ одной шалости, чптобъ имѣть случай пошущить надъ Августиною, надѣлъ я золотое кольцо, которое за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ обмѣняла она мнѣ на оловянное. Садъ, кольцо — передо мною Китайскій храмъ — какое-то шпранное чувство овладѣло мною.

„Госпожа швола одна дома?“ спросилъ я дорогою у слуги.

— „Нѣтъ-съ, у ней госши. Нѣсколько человекъ...“

Я вошелъ въ Китайскій храмъ. За двумя небольшими столиками сидѣли за каршами двѣ партіи, съ шакимъ вниманіемъ, что меня никшо и не замѣшилъ. Я узналъ



Августину. Боже мой! какъ она увяла! О всемогущее время! Нѣтъ! опасною теперь она для меня не была болѣе. Съ шайнымъ восхищеніемъ думалъ я объ Адели.

Августина была шакъ углублена въ каршы, что поклопаясь мнѣ, просила меня садиться и повременить минушу, пока кончится шалія. Только тогда вспала она, осыпала меня учивѣйшими словами и вопросами, и предложила мнѣ каршы. Я ошказался, потому что не играю ни въ какую игру. „Возможно ли это?“ вскричала она съ удивленіемъ. „Чѣмъ же вы убиваете время свое, когда не играете? Вы, человѣкъ съ шакимъ умомъ! Это мнѣ совершенно не понятно.“ Она продолжала игру свою. Банкиръ былъ чрезвычайно счастливъ; скоро все золото игроковъ перешло къ нему. На лицахъ послѣднихъ, на ихъ пылающихъ щекахъ, неподвижныхъ глазахъ, судорогою сведенныхъ губахъ, можно было читать все спрасши. Лице банкира сіяло удовольствіемъ.

„Ну, порядочно же я васъ обобралъ!“ сказалъ онъ. „Вамъ нравилась передъ эшимъ мой солитеръ“ — онъ показалъ блестящее бриланшовое кольцо — „ходите, я розыграю его въ кошперку? Спавьте противъ него все ваши кольца. Съ жадностію и

желаніемъ мщенія смотрѣли все на сверкающей алмазъ. Предложеніе было принято всеми, но г-жа фонъ Виншерь сказала: „за игрою мѣшаютъ мнѣ кольца, я не взяла ни одного съ собою.“ Потомъ бросивъ на меня взглядъ присовокупила: „а пророс, любезный другъ, сдѣлайте милость, одолжите мнѣ на минушу вашего!“ — Пораженный сею нечаяностію, я снялъ съ руки Августинино кольцо и подавая ей сказалъ: „Посмотрите, сударыня, на него хорошенько! Узнаете ли вы его? Это ваше!“

Взглянувъ на него было, она сказала: „Тѣмъ лучше!“ и бросивъ на блюдечко къ другимъ, смотрѣла только на солитеръ. Но и здѣсь побѣда осталась на сторонѣ банкира: онъ выигралъ все кольца. И мое кольцо, драгоценный залогъ первой любви, было проиграно, на самомъ шомъ мѣстѣ, гдѣ я получилъ его, обливаясь слезами сладчайшаго чувства. О всемогущее время! какъ ты измѣняешь все.

Насъ позвали ужинать. Только весьма немногіе изъ гостей были въ хорошемъ расположеніи духа. Августина принуждала себя казаться веселою. Это придавало ушарьлымъ чертамъ ея что-то не-натуральное, непріятное, даже отвратительное. За сподомъ пили много вина, вѣроятно, чтобы

разсѣявъ себя, но опъ этого спали не веселье, только болшавье. Начали перебирать сполничныя новости; разбирать добрыя и худыя качества знакомых; выводить наружу шайныя ихъ исторіи. Въ оспрошъ припомъ недоспашка не было, но челоуколюбія недоспавало совершенно. И къ крайнему сокрушенію моему, Августина была богаче всѣхъ на самыя злыя вымыслы. Она не оспанавливалась даже, подспрунивать иногда и на счешъ гостей своихъ. Ахъ! могъ ли я когда подумашъ, что прелесная, крошкая Августина, на сороковомъ году сдѣлаешя совершенною противоположностію шого, что была прежде? — Мнѣ спало скучно и несносно. Видя, что послѣ спода, всѣ опашъ усались за каршы, я уѣхалъ попихоньку.

Мнѣ было очень больно, что я прѣхалъ въ сполницу, или лучше сказашъ, что я нашель въ шакомъ положеніи Августину. Для объясненій по дѣлу ея, я былъ у нея еще нѣсколько разъ, но всегда оспавлялъ ее недольнѣе, какъ и при первомъ посѣщеніи. Не смотря на морщины лица своего, ей не хощѣлось казашъся старою и она начала румянишъся; но я дѣлалъ видъ, что не замѣчаю шого. Казалось, какъ будшо иногда хощѣла она возобновить прежнюю нашу связь; это совсѣмъ опшршило меня опъ

нея. Однажды въ разговорахъ упомянулъ я по какому-шо случаю о ея сороковомъ годѣ: она посмошрѣла на меня съ удивленіемъ и досадою и сказала: „что это вы? шущише или въ самомъ дѣлѣ? Видно памяшь ваша рано начала спарѣшъся. Когда мы познакомились, вамъ было десять лѣтъ, а мнѣ едва ли пять. Я очень хорошо помню, что я еще играла въ куклы, а десятилѣтняя дѣвущка вѣрно думаешъ о другомъ чешъ, а не о куклахъ. Спало бышъ, мнѣ шеперь по послѣдней мѣрѣ шридцашъ пять лѣтъ. Между нами будъ сказано: весьма легко спанешся, что я еще разъ рѣшусь всшущишь въ бракъ. Уже давно свашается за меня прекрасный челоукъ, одинъ изъ первѣйшихъ нашихъ Поэшовъ. Всѣ произведенія его дышашъ сладкимъ огнемъ чистѣйшей любви ко мнѣ.“

Со всею скромностію пожелалъ я ей и пишашему къ ней сладкій огонь чистѣйшей любви счастья, и былъ виѣ себя опъ радости, выѣхавъ изъ ворошъ сполницы и поскакавъ на всшрѣчу моей Адели и моимъ дѣшамъ.

Мы замѣчаемъ, что спарѣемся, только по рѣзкимъ чершамъ, кошорыя рука времени опщавляешъ на знакомыхъ намъ съ юно-

сти лицахъ. Такъ въ столицѣ казалось мнѣ, что я гораздо старѣе, но когда я опять прижималъ къ груди своей мою добрую, вѣрную Аделю, когда дѣшши мои карабкались ко мнѣ на руки, обнимали меня своими рученками, когда я всякому и всякой отдавалъ то, что привезъ въ гостиницу изъ столицы — тогда я опять помолодѣлъ. Гдѣ въ семейственномъ кругу живушь невинность и любовь, тамъ вѣчная юность.

Правда, что съ теченіемъ времени, многіе предходящъ намъ въ лучшія, продолжительнѣйшія и высшія отношенія міра духовнаго, и сердце наше обливаешся кровію. Но именно сія-то разлука даешъ жизни нашей и міру сему большую для насъ значительность, пѣснѣ связываетъ въ душѣ нашей *здѣсь* и *тамъ*, и сообщашъ нашимъ помысленіямъ, нашимъ желаніямъ и дѣйствіямъ что-то духовное, возвышеннѣйшее. Дѣшя довольствуешся цвѣткомъ, разноцвѣтнымъ камешкомъ, небольшимъ мѣшкомъ для игры, и мало заботишся о томъ, что дѣлають большіе люди. Юноша и дѣвушка лепяшъ мечтами своими уже въ дальнѣйшее, обширнѣйшее. Дѣшская комната спановишся для нихъ пѣсна. Они хопяшъ большаго. Они выигрывають, шеряють, приобрѣтають и никогда не довольствуются. Всѣ

блага земли хопяшъ они имѣшъ въ своей власти. Наконецъ и это не удовлетворяешъ больше ихъ желаніямъ. Съ лѣтами расширяешся жизнь и понятіе жизни. Дѣшяши спановишся наконецъ цвѣтокъ и разноцвѣтный камень недоспащочными; мужчинѣ и женщинѣ въ зрѣломъ возрастѣ, наслажденіе всѣми почестями и всѣми богатешвами равнодушнымъ; для старца земля имѣешъ мало привлекаштельнаго: онъ проспираешъ руки свои далѣе, къ Творцу міровъ, иребуешъ и получаешъ вѣчность.

Это были слова достопочтеннаго отца Адели, произнесенныя имъ на одрѣ смерти. Мы плакали объ немъ; но любили предшествовавшаго намъ шѣмъ сильнѣйшею, священнѣйшею любовью, копорая и насъ самихъ какъ-будто освятила. Жизнь Адели и моя получила высшее направленіе съ шѣхъ поръ, какъ между нами и вѣчношцію не было уже раздѣленія, съ шѣхъ поръ, какъ мы и тамъ, какъ и здѣсь, имѣли особъ, копорыхъ любили.

Но наилучшія, первѣйшія радости доставляли намъ дѣшши наши. Старшаго сына своего я самъ отвезъ въ Университетъ, и кто предшавишъ себѣ мое и Адели моей восхищеніе, когда въ пятидесятый день моего рожденія получила я вовсе неожиданно

увѣдомленіе, что Государю благоугодно было дать мнѣ спокойное и почешное мѣсто, которое и теперь занимаю: принявъ оное я долженъ былъ жить въ столицѣ, а опшуда до города, гдѣ обучался сынъ мой, не больше одного дня възды. И такъ мы могли бышь вмѣстѣ, когда хошѣли.

Правда, что жена моя неохотно оставяла свою родину; но столица, о которой она такъ много слышала, имѣла также для нея привлекательность, а еще больше для нѣжнаго сердца матери близость первороднаго. Аделъ на сороковомъ году своемъ не была уже та прелестная блондинка, какъ при первомъ нашемъ знакомствѣ со мною въ коляскѣ; но наружность ея пріобрѣла еще больше благородства; во всемъ существѣ ея къ прелести присоединилось достоинство. Сердце Адели осталось также добродѣтельно, какъ и въ юности. Я любилъ ее еще первую моею любовію. Ея милое лице, не искаженное въ прелестныхъ чертахъ своихъ никакою сираспію, не имѣло нужды въ румянахъ, чтообъ все еще бышь привлекательнымъ.

Она знала прежнюю связь мою съ Августинію. По прибытіи въ столицу, ей любопытно было познакомиться съ прежнею моею любовною.

Прошло болѣе прехъ мѣсяцевъ прежде, нежели я собрался посѣтить г-жу фонъ Виншерь: у меня какъ-то недоставало къ шому охоты. Я уже слышалъ, что она не даешъ больше у себя собраній, живешъ крайне уединенно и подъ старость сдѣлалась также скупа, какъ прежде была расщипельна; что эша переменна мыслей есть плодъ прежней непомерной сираспи ея къ игрѣ, которой предалась она совершенно, ушарѣвъ для кокетства; что нигдѣ чаще нельзя найти ее, какъ въ церкви; пошому что за нѣсколько лѣтъ предъ шѣмъ, одушевленная модными Поэтами, рѣшилась она перейти въ нѣра Католической религіи.

При первомъ посѣщеніи моемъ, случилось опять, что она была въ саду. Уже въ сѣняхъ замѣшилъ я нѣсколько образовъ, висящихъ на покрытыхъ пылію стѣнахъ. Садъ походилъ больше на оставленный въ совершенномъ небреженіи лѣсъ. Мѣсто, гдѣ мы въ дѣтствѣ играли, заросло шерніемъ. Акаціи были срублены; вѣроятно изъ экономіи пошла на дрова. Кишайскій храмъ пошлялъ все свои наружныя украшения: онъ былъ покрытъ простыми Нѣмецкими черепицами. Небольшія оспроконечныя гошическія окна изъ разноцвѣтныхъ стеклахъ, какъ въ старинныхъ Германскихъ церквахъ, и

крестъ на крышѣ, дѣлали эпошь домикъ подобнымъ домашней часовнѣ.

Я и не ошибся въ шомъ. При входѣ моемъ увидѣлъ я алтарь, съ распятіемъ и леплющеюся предъ онымъ лампадою. Пяшидесятилѣтняя г-жа фонъ Виншеръ, весьма просно по старушечьему одѣтая, только что вспала ошъ молитвы и шла ко мнѣ на всшрѣчу съ чепками въ рукахъ, нашеншывая губами.

Я споялъ предъ нею, не говоря ни слова. Она узнала меня и казалось была довольна. Горешное чувство объяло мною, слезы показались на глазахъ моихъ: я не могъ удержаться, взялъ ее за руку, и показавъ на часовню, сказалъ: „Ахъ, Августина! Когда еще на семь мѣсѣвъ спояла легкая виноградная бесѣдка, въ кошорой мы въ счастливомъ дѣтствѣ нашемъ размѣнялись оловянными кольцами; — когда спуся десятильшъ послѣ того, мы въ возрастѣ юности, размѣнялись здѣсь первыми поцѣлуями невинной любви и предъ лицомъ Неба дали другъ другу обшцаніе — —“

„Прошу васъ покорнѣе не думашъ больше о суешныхъ ребячешвахъ нашихъ!“ прервала она меня.

„Ахъ! Августина,“ — продолжалъ я: не хорошо уже было, когда виноградная бе-

сѣдка превратилась въ роскошный будуаръ въ кншайскомъ храмѣ; еще хуже, когда здѣсь въ глазахъ моихъ проиграно было въ каршы золотое кольцо — залогъ первой любви нашей — теперь пушъ часовня!“

„Милосщивый государъ!“ — отвѣчала мнѣ г-жа фонъ Виншеръ. „Упоеніе свѣта наконецъ проходишь, душа выздоравливаетъ и ошвергаетъ все желанія суешныхъ грѣхонныхъ удовольствій. Вы оскорбляете сердце мое такими воспоминаніями. Развъ вы пришли сюда расправляшъ раны мои, еще не зажившія? Если вамъ дорого блаженство ваше, шо послѣдуйте лучше моему примѣру: научишесь ошказывашъ ошъ ложнаго свѣта сего и призовишъ въ помощь силы Небесныя къ вашему спасенію.“

Возвращаясь домой, я сказалъ Адели: „Нѣшь! добрая, милая жена моя, мы не поведемъ къ ней. Я не узнаю ее болѣе. О всемогущее время!“

## К Р И Т И К А

РАЗМОТРѢНІЕ СТАТЬИ: ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРІИ.

Въ нумерахъ 2, 3, 4, 5 и 19 Сына Ошесства сего года, помѣщена статья подъ заглавіемъ: *Исторія Артиллеріи*, и съ подписью: *Константиинъ Рейссигъ*. Статья сія, не смотря на обманчивую ея наружность, и долгій промежутокъ между 5 и 19 нумерами, есть механическое и припомъ искаженное извлеченіе изъ опличной книги: I. G. Hoyer Geschichte der Kriegskunst seit der ersten Anwendung des Schiesspulvers zum Kriegsgebrauch bis an das Ende des 18 Jahrhunderts. Göttingen. 1797 — 1800. in 8. in 2 Bänden.

Не говоря уже объ ея слогахъ и несвойственныхъ военныхъ выраженійхъ, мы приведемъ только, на выдержку, нѣсколько обрачиковъ тому, какъ г. Гойеръ говоритъ, и какъ г. К. Рейссигъ его по своему перепариваетъ:

Т. 1. с. 35. *Гойеръ*. Первый періодъ. Ошъ перваго военнаго упошребленія пороха, до похода Карла VIII въ Италію.

Но 2. с. 173. *Рейссигъ*. Періодъ первый: со времян изобрѣшенія пороха, до Италі-

нскихъ войнъ Короля Французскаго, Карла VIII.

*Рецензентъ*. Гойеръ кончилъ свою Исторію Артиллеріи седьмымъ періодомъ, а именно: Революціонною войною, ошъ 1790, до 1800 года. Г. же Рейссигъ, хопя и прибавилъ въ началъ своей статьи еще 8-й періодъ, ошъ конца 18 шполѣтія до нашихъ времянъ; но рѣшилъ подписаться въ концѣ 7-го періода.

Т. 2. с. 48. *Гойеръ*. Хопя уже въ началѣ 17 шполѣтія, Галилей опкрылъ законы свободно падающихъ шѣлъ, и объяснилъ пушъ бросаемыхъ, когда на нихъ дѣйствуютъ только силы сообщеннаго имъ удара и собственной ихъ тяжести, доказавъ, что пушъ сей образуетъ параболу; но Артиллеріишамъ ошцались неизвѣстными усилія сего исполненнаго заслугъ Математики, равно какъ и ученика его Торичелли, кошорый Галиасеву теорію приложилъ и къ тому случаю, въ кошоромъ верженія совершающагося не на горизонтальныхъ, но на возвышающихся или понижающихся плоскостяхъ, и кошорый сверхъ того изобрѣлъ полукругъ для сообщенія орудіямъ желаемаго угла возвышенія. Но въ самомъ дѣлѣ, предположенія Торичелли не могли принести Артиллеріишамъ большой пользы; пошому что они

занимались только разрешением вопроса: какой точки вертикальной вышоты, или какого расстояния по нисходящей плоскости достигнуть шло, выпрыгнутое под данным углом возвышения. Лезуиш де Шаалъ обогршил сии предложения, и показалъ въ своей Пиротехнии, какъ находить уголь возвышения, подъ которымъ выпрыгнутое шло достигашь желаемой точки, находящейся значительно выше или ниже орудія. Де Шаалъ былъ также первый, который въ 1674 году, принялъ Артиллерию въ число Математическихъ Наукъ, и съ нимъ тѣсно связаннымъ учениемъ о пескѣ камней (coire des pierres), далъ мѣсто въ своемъ Учебникѣ Математики: въ чемъ ему у Нѣмцевъ 26 лѣтъ спустя, послѣдовалъ Баронъ фонъ Вольфъ.

Но 4. с. 372. *Рейссигъ*. Хотя въ началѣ 17-го столѣтія, Галилей и открылъ законы движенія свободно падающихъ шло, на которые дѣйствующъ сила удара и сила тяжести, хотя онъ и доказалъ, что полетъ ихъ есть параболическая линія, хотя Галилей и примѣнилъ сѣ къ наклонной и возвышенной плоскости, но всѣ сии драгоценныя мысли остались чуждыми для Артиллеристовъ, Де Шаалъ былъ первый, ко-

торый въ 1674 году Артиллерию ввелъ въ область систематическихъ наукъ.

Т. 2. с. 49. *Гойеръ*. Андерсонъ былъ убѣжденъ, что при столь чрезвычайно различной плотности и тяжести жельза и воздуха, сопротивленіе сего послѣдняго не можешь быть принято во вниманіе.

Но 4. с. 372. *Рейссигъ*. Андерсонъ думалъ, что чрезвычайная плотность и тяжесть чугуна уничтожаешь противодѣйствіе воздуха.

Т. 2. с. 50. *Гойеръ*. Иоаннъ Бернулай сдѣлалъ нѣкоторыя усовершенствованія въ ршеніи сей проблемы, былъ приглашенъ въ 1718 году Англичаниномъ Кейлемъ къ опредѣленію линіи верженія шло по извѣстному противодѣйствію воздуха.

Но 4. с. 372. *Рейссигъ*. Иванъ Бернулай сдѣлалъ нѣкоторыя поправки и облегчилъ ршеніе сей проблеммы. Англичанинъ Кейль восталъ противъ него за сѣ въ 1718 году, и предложилъ ему ршнить слѣдующую задачу: изъ извѣстнаго сопротивленія воздуха найти полетъ шло.

Т. 2. с. 412. *Гойеръ*. Но поелику большое число орудій весьма затруднило марши и движенія арміи, то великій Король (Фридрихъ II) спарался пособить сему неудобству облегченіемъ самыхъ орудій.

Но 5. с. 62. *Рейссигг*. Но какъ великая Аршиллерія могла бы затрудняшь быстрья движения его (Фридриха II) войска, шо онъ облегчилъ ее и далъ ей лучшей и сообразнѣйшей видъ.

Т. 2. с. 443. *Гойеръ*. Онъ (Робинсъ) и другіе ему послѣдовавшіе Математики: Мафей, Ванделль, Графъ Салюсъ, Кавалеръ д'Арси, Ламбершь, Аббашъ Поллешъ и Антони занимались однако жъ опредѣленіемъ количества и расширительной силы упругаго воздухообразнаго вещества, ошдѣляющагося изъ пороха.

Но 5. с. 66. *Рейссигг*. Онъ (Робинсъ) и многіе другіе Математики: Мафей, Вандель, Графъ Салюсъ, Ламбершь, Поллешъ и Антони занимались опредѣленіемъ количества и происходящихъ ошъ упругой пороховой жидкости.

Т. 2. с. 444. *Гойеръ*. Великіе успѣхи, которые Химія сдѣлала въ шестомъ періодѣ (1740 — 1792) озарили новымъ свѣтомъ естество онаго упругаго вещества.

Но 5. с. 66. *Рейссигг*. Большіе успѣхи Химіи въ XVI столѣтіи распространили другой свѣтъ на сію важную часть Аршиллеріи.

Т. 2. с. 445. *Гойеръ*. Ингенгусъ объяснял вспыхиваніе пороха, горючимъ газомъ, ошдѣляющимся изъ горящихъ угольевъ. При

внезапномъ соединеніи сего горючаго газа, съ ошдѣляющимся изъ селитры дефлогистическимъ газомъ (кислотоворомъ), раждаешся шрескъ, который должно принимашъ за ошдѣляющееся свойство пороха.

Но 5. с. 67. *Рейссигг*. Ингенгусъ вывѣдиль дѣйствіе пороха изъ горючаго углешворнаго газа, и говорилъ, что изъ мгновеннаго смѣшенія горючаго воздуха съ воздухомъ, разряженнымъ изъ селитряной кислоты, производится взрывъ и шрескъ.

*Рецензентъ*. Есть углекислый газъ, газъ угольной окиси, а не углешворный газъ.

Т. 2. с. 447. *Гойеръ*. Лавуазіеръ привѣденъ былъ опытами своими къ заключенію, что шепловоръ и свѣшповоръ, ошдѣляющіеся при егараніи горючихъ веществъ, происходятъ не ошъ нихъ, а ошъ окружающаго ихъ воздуха.

Но 5. с. 67. *Рейссигг*. (Лавуазье) доказалъ несомнѣнными опытами, что свѣшповоръ и шепловоръ не ошъ существенныхъ частей пороха происходятъ, но окружающаго ихъ воздуха.

Т. 2. с. 883. *Гойеръ*. Однако жъ весьма бы ошиблись, если бы, не взирая на великіе и сильныя способы сего Государшва (Франціи), вздумали, подобно многимъ восшоржен-



нымъ новою республикою, Писателямъ, приписывашь счастливые ея успѣхи въ войнѣ, исключительно военнымъ талантамъ и тактическимъ свѣдѣніямъ ея полководцевъ и чрезвычайной храбрости ея воиновъ.

Но 19: с. 203. *Рейссигъ*. Впрочемъ замѣтимъ, что мы чрезвычайно бы ошиблись, если бы сіе явленіе приписывали, подобно прочимъ республиканскимъ энтузіастамъ, превосходнымъ военнымъ талантамъ и гениямъ Французскихъ полководцевъ, а не богатымъ источникамъ сей Державы.

Т. 2. с. 884. *Гойеръ*. Но съ шѣхъ поръ, какъ впередъ спремащесея образованіе въспило въ правила и Военное Искусство и Стихотворство; грубый сынъ природы — хотя бы онъ былъ и ея щедро одаренный любимецъ, безъ всякаго образованія соотвѣстнаго его назначенію, вѣрно долженъ будешь заплашишь за ученіе — полководецъ непріятелю, а стихотворецъ рецензенту — прежде, нежели достигнешь той высоты, на кошорой непосвященная толпа будешь съ удивленіемъ на него взирать.

Но 19. с. 204. *Рейссигъ*. Но дошоль образованіе будешь принуждашь стихотворца къ ученію, а Военное Искусство принимаешь правила, дошоль грубый сынъ природы не достигнешь высшей степени славы, пока

полководецъ не заплашишь долгъ непріятелю, а стихотворецъ строгому рецензенту.

Т. 2. с. 886. *Гойеръ*. Явились лучшіе полководцы, и изъ пораженій своихъ предшественниковъ научились избѣгать ошибку, кошорыя опчаспи предали ихъ гильотинѣ. Записки искусныхъ полководцевъ прежнихъ лучшихъ эпохъ Монархіи, хранящіяся въ военномъ Депо, указывали имъ шѣ позиціи, въ кошорыхъ они доколь дрались въ Нидерландахъ, по шу сторону Рейна и въ верхней Италіи — были неприсупны, или могли съ выгодою вступишь въ сраженіе.

Но 19. с. 206. *Рейссигъ*. Лучшіе полководцы явились, узнавъ изъ разбишя предшественниковъ своихъ ошибки, кошорыя сихъ послѣднихъ подводили подъ гильотину. Записки славныхъ полководцевъ прежней Монархіи служили имъ руководящими въ ихъ дѣйствіяхъ; онѣ показывали имъ мѣста въ Нидерландахъ, гдѣ войска ихъ не были подвергнушы нападеніямъ, и позиціи непріятеля, гдѣ онъ болѣе всего былъ оборонень ошъ атаки.

Т. 2. с. 891. *Гойеръ*. Намъ шруднѣе еще согласишься съ прошивною стороною, кошорая ничего того не признаешь за усовершенствованіе тактическаго искусства, что не проискаешь посредственно или

непосредственно из Прусской школы, и не вошло в точную форму математических вычислений.

№ 19. с. 210. *Рейссигг*. Мы еще менее согласимся с противною стороною, которая полагает, что одна шашка выиграла в быспрошъ и коснулась области Математическихъ Наукъ.

Т. 2. с. 901. *Гойеръ*. Совершенно новымъ явленіемъ во Французской Армилеріи, были линійки для употребленія въ легкой Армилеріи, введенныя въ оную въ 1792 году. Онѣ состояли, подобно заряднымъ ящикамъ, изъ ящика, въ 8 фузовъ длиною,  $8\frac{1}{2}$  дюймовъ шириною и 10 дюймовъ вышиною и проч.

№ 19. с. 213. *Рейссигг*. Совершенно новое явленіе во Французской Артиллеріи суть линійки для легкой Артиллеріи, введенныя въ употребленіе въ 1792 году. Онѣ состояли изъ длиннаго ящика въ 8 фузовъ длины,  $8\frac{1}{2}$  вершковъ ширины и 10 вершковъ вышины и проч.

*Рейссигг* (одинъ). Изъ Политехническаго Училища вышло много великихъ людей, между прочими удивительный Наполеонъ Бонапарте.

*Рецензентъ*. Наполеонъ былъ выпущенъ подпоручикомъ въ Артиллерію въ 1785 го-

ду изъ Парижской Военной Школы; а Политехническая школа учреждена была во время революціи.

Р. Н.

---



---

### III.

## Н Е К Р О Л О Г І Я.

---

А н д р е й М и х а й л о в и ч ь Т е р я е в ъ.

Въ Санктпешербургѣ, 12 Октября сего 1827 года, послѣ продолжительной болѣзни, скончался на 60-мъ году отъ рожденія Спашскій Совѣтникъ *Андрей Михайловичъ Теряевъ*, заслуженный Профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго Университета, Академикъ Императорской Медико-Хирургической Академіи и Членъ Экспедиціи о снабженіи Училищъ по части Естественной Исторіи, орденовъ Св. Анны 2 й и Св. Владимира 4-й степени Кавалеръ.

По окончаніи курса ученія въ бывшей С. Петербургской Учительской Семинаріи, переименованной потомъ въ Педагогическій Институтъ, что нынѣ Императорскій Санктпешербургскій Университетъ, по отличныя своимъ успѣхамъ въ наукахъ и при-

роднымъ способностямъ, Теряевъ предназначенъ былъ Училищнымъ Начальствомъ въ чужіе края для дальнѣйшаго усовершенствованія его по части Естественной Истории; но по случаю открывшейся въ то время войны, сіе предположеніе начальства осталось безъ исполненія, а вмѣсто того Теряевъ, для большаго усовершенія въ Естественныхъ Наукахъ и приготовленія себя къ занятию мѣста преподавателя сихъ Наукъ, былъ оставленъ еще на одинъ курсъ въ той же Гимназіи, а по окончаніи онаго въ 1789 году Апрѣля 1 дня, будучи 22 лѣтъ ошъ роду, определенъ въ должность Профессора Естественной Истории при семь же учебномъ заведеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ для преподаванія сихъ же Наукъ въ Воспитательное Общество Благородныхъ дѣвицъ и въ Пажескій Корпусъ. Но въ послѣднемъ изъ сихъ учебныхъ заведеній оставался не долго; ибо ошъ непрерывнаго чтенія и неутомимыхъ занятій въ Наукахъ почувствовалъ слабость въ зрѣніи и принужденъ былъ, какъ для облегченія себя ошъ трудовъ, такъ и для излеченія болѣзни, оставивъ Пажескій Корпусъ, изъ котораго уволенъ 7 Юля 1797 года; въ Воспитательномъ же Обществѣ Благородныхъ дѣвицъ продолжалъ служеніе свое до 17 Юня

1809 года, изъ котораго за двадцатилѣтнюю усердную службу уволенъ съ награжденіемъ по смерти пансіономъ полнаго жалованья. Между тѣмъ продолжая службу по главному мѣсту определенія своего, то есть Учительской Семинаріи, былъ произведенъ въ чинъ 12 класса 31 Декабря 1794, въ Титулярные Совѣтники 22 Февраля 1798, въ Коллежскіе Ассессоры 16 Апрѣля 1800; а по переименованіи Учительской Гимназіи и открытіи С. Пешербургскаго Педагогическаго Института, 25 Декабря 1805, получилъ чинъ Надворнаго Совѣтника и утвержденъ въ званіи Экспраординарнаго Профессора Минералогіи, Ботаники и Зоологіи. Съ поправленіемъ ослабѣвшаго зрѣнія его и разсвоеннаго здоровья, Теряевъ определенъ Адъюнктомъ Минералогіи и Зоологіи въ Императорскую Медико-Хирургическую Академію 6 Сенября 1808 года, а въ 1809 году утвержденъ Ординарнымъ Профессоромъ въ Педагогическомъ Институтѣ, 4-го Юня въ Медико-Хирургической Академіи, 2 Сенября 1810 года пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владимира 4-й степени, 25 Декабря 1811 г. чиномъ Коллежскаго Совѣтника, 25 Декабря 1815 произведенъ въ Спашскіе Совѣтники, а 16 Февраля 1818 награжденъ Орденомъ Св. Анны 2-й степени.

во Января 1819 года, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго Г. Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, уволенъ ошъ Санктпетербургскаго Университета и за придачи-льшнюю службу при семь заведеніи, Высочайше утверждень въ званіи заслуженнаго Профессора, съ обращеніемъ ему по смершь въ пенсіонъ полного жалованья. Того же 1819 г. 4 Юня Всемилостивѣйше произведень въ Академики Императорской Медико-Хирургической Академіи; а наконецъ по приключившей ему неизлечимой болязни ошъ сильнаго паралича, по Имянному Высочайшему Указу 4 Января 1827 года уволенъ изъ Академіи съ произвожденіемъ ему по смершь въ пансіонъ половины получаемаго имъ оклада.

Теряевъ, кромъ ученыхъ занятій и преподаванія лекцій въ сихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по распоряженію Начальства былъ Членомъ Хозяйственнаго Комитета при Педагогическомъ Институтѣ; примѣрнымъ безкорыстіемъ и честностію содѣйствовалъ къ сбереженію значительныхъ экономическихъ суммъ. Любя спрасно Естественныя Науки, посвятилъ онымъ всю жизнь свою и чувствуя совершенную необходимость при преподаваніи и изученіи сихъ Наукъ, имѣвъ въ пособіе Кабинеты

или коллекціи минераловъ и раковинъ, гербаріи, рисунки и проч. и что безъ сихъ пособій, всѣ спаранія учителей оспанушенъ щепными, составилъ проэктъ о снабженіи всѣхъ учебныхъ въ Россіи заведеній шаковыми пособиями, и представилъ оный на разсмотрѣніе Высшему Начальству, которое нашло оный уважительнымъ, и въ слѣдствіе того, при образованіи Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія въ 1818 г. учреждена при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія особая Экспедиція о снабженіи Училищъ пособиями по части Естественной Исторіи, а Теряевъ тогда же назначень Членомъ сей Экспедиціи, въ каковой должности состоялъ по смершь свою. Теряевъ, по опыту знавшій необходимость для полезнаго преподаванія Естественныхъ Наукъ въ практическихъ по онымъ пособияхъ, съ величайшимъ удовольствіемъ и неутомимымъ раченіемъ занимался въ сей Экспедиціи и заботился о скорѣйшемъ снабженіи учебныхъ заведеній пособиями по части Естественной Исторіи, каковыми дѣйствительно снабжены уже многія учебныя заведения.

Сверхъ того Теряевъ сочинилъ и издалъ полезныя по части Естественной Исторіи книги :

1) Разсужденіе о новѣйшихъ перемѣнахъ въ Минералогіи, съ присовокупленіемъ краш-кой системы сей Науки, 1796 г.

2) Размышленіе о природѣ или разсужденіе о Естественныхъ шѣлахъ вообще, 1802.

3) Начальныя основанія Ботанической Философіи, 1810.

4) Систематическое расположеніе ископаемыхъ и живыхъ шѣлъ, 1810.

5) Исторію Минералогіи, съ присовокупленіемъ главнаго основанія новѣйшихъ системъ по всемъ частямъ всеобщей Минералогіи, 1819 г.

6) Главныя основанія системы царства живыхъ, 1824, и

Переводы:

1) Руководство къ Естественной Исторіи Блауменбаха, 1794.

2) Экономическую Ботанику Сукова. 1801.

Теряевъ, во уваженіе ученыхъ занятій его, и изданныхъ имъ сочиненій и переводовъ по Естественной Исторіи, былъ Членомъ слѣдующихъ ученыхъ обществъ: Императорскаго Санктпетербургскаго Экономическаго; Эрлангенскаго Физико-Медицинскаго; Императорскаго Московскаго Испышателей Природы, Іенскаго Минералогическаго; Любителей Россійской Словесно-

сти; Санктпетербургскихъ: Минералогическаго и Фармацевтическаго.

Теряевъ, не смотря на многотрудныя занятія по службѣ, удѣляя время для образованія юношества извѣстныхъ особъ въ Государствѣ. Таковыя пруды принималъ на себя, какъ попечительный и благодѣтельный отецъ семейства, желая чрезъ то доставить себѣ способъ для приличнаго воспитанія своихъ дѣтей, изъ коихъ нѣкошоры воспитаны на собственномъ, неутомимыми прудами пріобрѣтенномъ, иждивеніи его; другія же, по уваженію долговременной и усердной службы его при Обществѣ Благородныхъ дѣвицъ, получили воспитаніе на иждивеніи Милосердой Монархини — Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Которая, по сродной Ея Величеству Высокой и благошворительной душѣ, по случаю выпуска дѣвицъ изъ поманушаго Общества, Всемилостивѣйше награждала Теряева или подарками, или денежными пособиями. Подобныя награжденія получалъ онъ и отъ вышепомянутыхъ учебныхъ заведеній.

Частная или домашняя жизнь его совершенно была посвящена благу семейства его; искренность, гостепрѣимство, готовность къ благошворенію, признашельность къ одолженіямъ и любезность характера были оп-

личительными свойствами добродѣтельной души его. Каждый слышалъ онь него добрый совѣтъ.

По благоговѣнію къ вѣрѣ, церкви и повиновенію Начальству, Теряевъ ославилъ по себѣ въ рождственникахъ, пріятеляхъ и знакомыхъ незабвенный памятникъ. Не смотря на свое ограниченное состояніе и многочисленное семейство, покойный А. М. удѣлялъ изъ доспоіянія своего на вспоможеніе бѣдной своей манери и многимъ рождственникамъ.

Во время тяжкой болѣзни своей, продолжавшейся чешыре года, нимало не ропшалъ онь на свою участь, но всегда благоговѣя къ Богу, благодарилъ Его за благоспш, оказанныя милосердымъ Его Провидѣніемъ, во все продолженіе его жизни, съ умиленіемъ гошова себя въ неисповѣдимую Его обшщель.

## IV.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

## I.

Война въ Персш, 1827 года.

Стремлюсь предать вѣкамъ Персидскую войну.  
Въ груди пылаешь огнь святаго вдохновенья!  
Внемлише: я пою кровавыя сраженья,  
И покоренную Арменскую страну.  
Возсшалъ безумный врагъ!— Стремительно разбишъ,  
Онь шумною шолпой изъ Грузш бѣжалъ.  
И въ слѣдъ ему грядешъ Вождь Россовъ знаменшый;  
И гордый Фарсшманъ предъ нимъ воспрепешалъ.

При бранныхъ лпахъ, въ рашномъ шрѣ,  
Ошважнмъ мужешвомъ горя,  
Идушь полночные герои,  
Идушь въ Арменскія поля.  
Орлы паряшь надъ ихъ главами,  
Округъ хребтовъ лѣсшсшхъ горъ;  
И пришупляется снѣгами  
Лешящій къ Персамъ бышпрый взоръ.

Но сколько имъ препонъ, въ ихъ подвигъ геройскомъ!  
Опершисъ на хребты окрешъ лежащихъ скалъ,  
Какъ грозный исполнишь предъ удивленнмъ войскомъ  
Возсшалъ изъ нѣдръ земли огромный Безабдалъ.  
Округъ сѣдой главы яряща непогоды;  
Нависли на чело Арсмучіе лѣса;

У твердыхъ ногъ бѣгушь спремисельныя воды,  
 И духомъ бурныхъ уснѣ зашумились небеса.  
 Но можно ль положить Паскевичу преграды? —  
 Блещущій къ славъ пушъ онъ войскамъ указалъ,  
 Раздвинулъ смѣлый Россѣ граничныя громады;  
 И проложилъ спези черезъ вершины скалъ.

И вопшь... предъ нашими очами  
 Равнины дикія лежатъ,  
 Нигдѣ привѣшными спруями  
 Ручьи въ пущыняхъ не шумяшь.  
 Грудь нашу давишь воздухъ знойный,  
 Пылають каменны поля;  
 Но крѣпкій Россѣ идешь спокойно  
 И зной, и жажду побѣды.  
 Трясуся стѣны Эривана,  
 Увида Сѣвера сыновъ;  
 И ополченье Гассанъ-Хана  
 Несется позади холмовъ.

Но далѣ влечешь порывъ души геройской!  
 И мимо насъ мелькнулъ высокій Арарашъ.  
 Аббасъ, соединивъ разсыпанное войско,  
 Спремисши за Араксъ, какъ вихрь летишь назадъ.  
 Безъ боя Россѣ вспустилъ въ чершогю Нахчивана.  
 Дрожишь Аббасъ-Абадъ онъ пушечныхъ громовъ;  
 Но укрѣпясь душой безтрепешнаго Хана  
 Ждешь помощи Мирзы, ждешь Персіи сыновъ.

Блещаяшъ шпыки межъ дальними горами,  
 Спремяшся въ бой дружины Персіянъ.  
 Шумишь Араксъ подъ борзыми конями,  
 Уже за нимъ героевъ Русскихъ станъ.

Гремяшъ съ холмовъ перуны боевыя!  
 Спруишся кровь по каменнымъ грядамъ;  
 И свердою споной сыны Россіи  
 Идушь впередъ къ смушвишимся врагамъ.

Но робкій Персъ узрѣлъ полночнаго героя,  
 И страшный день Ганжи уму его предскалъ.  
 Не смѣя ожидать рѣшительнаго боя,  
 Предъ грознымъ именемъ, сынъ Шаха вспяшь бѣжалъ.  
 За нимъ бѣгушь войска съ равнины испребленья,  
 Спрѣлою молніи скрывающа въ горахъ;  
 И быстро мчашся вслѣдъ крылашы ополченья,  
 И рыщешь алчна смерть въ разсыянныхъ рядахъ.  
 Въ добычу Русскому повержены знамена!  
 Исчезли передъ нимъ несчетныя полки,  
 И воины, и Ханъ, познавши узы плѣна  
 Влекушся черезъ валы буншующей рѣки.  
 И съ шысачыи враговъ, героевъ усшращенныхъ,  
 Уже Аббасъ-Абадъ упалъ къ его ногамъ.  
 Се... въешь нашъ Орелъ, въ стѣнахъ имъ покорен-  
 ныхъ,

И грома Персіянъ, молчатъ послушны намъ!  
 И побѣжденный Шахъ, намъ Царство ушупная,  
 Позналъ высокоу власшь Монарха Россіянъ;  
 Смирилъ надменный духъ, и молишь Николая,  
 Да миръ ему подасшь, взявъ крѣпкій Эриванъ!

Паскевичъ! Сколь швоя огромна слава!  
 Какъ ярко въ небесахъ горнишь швоя звѣзда!  
 Великая Россійская держава  
 Тебя въ скрижалѣ въковъ вписала навсегда.  
 Орломъ шы пролешель черезъ горы и пущыни,  
 Огнемъ своей души полки одушевиль,

Въ мгновенъе сокрушилъ высокія швердыни,  
И Царешво новое Монарху покорилъ!  
Позднѣйшее сыновъ Россіи поколѣнье  
Подъ Скиншромъ нашимъ зрѣвъ Арменскія поля,  
Прочтешь свои дѣла, и скажешь въ восхищеньи:  
Великій Царь избралъ достойнаго Вождя.

*Иванъ Анненковъ. (\*)*

Іюль 1827 года.

*Лагерь при крепости Аббасъ-Абадъ.*

2.

С Е М И К Ъ

и л и М а р ѣ н а р о щ а .

*Народное стихотвореніе.*

Въ рощѣ шихой и гусшой,  
На долинь луговой,  
Гдѣ росли цвѣточки,  
Собирался каждый годъ  
Красныхъ дѣвицъ хороводъ.  
Завивашь вѣночки.

Подъ березой пѣсни, шумъ,  
Ни кому нейдетъ на умъ  
Горе и забава.  
Все лишь плясешь и поешь,  
Изъ Москвы народъ идетъ,  
Всѣмъ играшь охота.

(\*) Сочинишель самъ участвовалъ въ походѣ.

Но и въ самый ясный день  
Облако напосишь шѣнь,  
Солнышко скрываая:  
Ходишь нехотя вокругъ  
Мама посреди подругъ,  
Въ сердцѣ грусишь пиная.

Томень, смушень нѣжный взглядъ,  
Хошь блестяишь ея нарядъ  
Жемчугомъ и златомъ;  
Коль тому любовь вина,  
Будешь милая грушна  
Въ ялашь и богашомъ.

Всѣ подруги, межъ собой,  
Надъ дѣвичью шоской  
Шопопомъ смѣются;  
Никому ея не жаль,  
Всѣ ль чрезъ слезы и печаль  
Въ спрасши сознаются?...

Чшо жъ такъ милая грушна,  
Чшо встрѣчаешь дни она  
Горькими слезами?  
Друга сердца нѣтъ въ Москвѣ:  
Онъ далеко, на Ливъѣ,  
Бьется со врагами.

Вощъ красавица порой,  
Онъ забавы со слезой  
Въ чащу уходила;  
Тамъ не милаго слѣды,  
Камней гробовыхъ ряды  
Въ мракъ находила.



Тамъ спраданій былъ предѣлъ,  
 Всѣхъ найденныхъ, мервыхъ шель  
 Сънь успокоенья.  
 Предки — въ правилахъ сваяныхъ,  
 Не лишали и чужихъ  
 Чесши погребенья.

Испуская тяжкій вздохъ,  
 На могильный дернъ и мохъ  
 Грустная садилась;  
 И казалось ей: шайкомъ  
 Съ перелешнымъ въперкомъ  
 Смерти шень носилась.

О предчувствіе! оно  
 Сердну въшникомъ дано!  
 Жребій совершился!  
 Другъ, блаженства на краю,  
 Въ грозномъ, пламенномъ бою  
 Съ жизнію проспиhsя.

Кшо любимъ былъ и любилъ  
 И всю радость схоронилъ,  
 Тощъ лишь, въ скорби хладной,  
 Чувство сердца то поймешь,  
 Какъ все милое возмешь  
 Смерть рукою жадной.

Годъ проходишь — и съ весной  
 На долину луговой  
 Вновь раслушь цѣвнички,  
 Изъ Москвы спѣшишь народъ,  
 Красныхъ дѣвиць хороводъ,  
 Завивашъ вѣночки.

Но подруги, мель собой  
 Надъ дѣвчьею поскою  
 Болъ не смѣюся.  
 Роци шихой въ глубинѣ  
 Слезы горькія одиъ  
 О погибшей льюся!

На размоленныхъ снѣгахъ  
 Отыскали Маши прахъ  
 Вошь въ семкъ моггла  
 Скрыла оставъ спрошы, —  
 И названье красоны  
 Роца сохранила.

*Дмитрій Глыбовъ.*

*Примѣчаніе.* Марьиной роцею называется одна изъ окрестностей Московскихъ. Тамъ, въ старину, въ день *Семки* предавали землѣ шѣла неизвѣстныхъ людей, найденныхъ убитыми или умершими, для чего и учрежденъ былъ Убогій Домъ. Тамъ же, по странной противоположности, учредилось гулянье, куда проснонародные, слѣдуя древнему обыкновению, собирались завивать вѣнки. Нынѣ сіе гулянье обращено въ карешное, которое однако жъ посѣщаюшь и проснолюдямъ.

# СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

А Л Ж И Р Ъ.

( Из *North American Review.* )

Въ числѣ странъ, посѣщаемыхъ образованными народами, мало есть такихъ, о которыхъ бы мы имѣли столь несовершенныя понятія, какъ о сѣверной части Африки, хотя въ послѣднія три столѣтія Алжирское Правительство имѣло на Европейскія дѣла гораздо болѣе вліянія, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Свѣдѣнія о семъ предметѣ можно почерпнуть почти только изъ одного ученаго сочиненія Доктора Шау (Shaw), который лишь сто назадъ долго жилъ въ этомъ Регенствѣ, въ качествѣ милостынераздавателя Англійской факторіи. Но книга его, весьма драгоценная въ отношеніи къ Исторіи и древностямъ сей страны, не разливаешь большаго свѣта на происхожденіе, успѣхи и состояніе Алжирскаго Правительсва; на его правила, цѣль и средства. Авторъ также мало занимается общественнымъ и политическимъ состоя-

ніемъ народа, земледѣіемъ, искусствами и торговлею. При томъ съ того времени, когда писалъ Докторъ Шау, произошло множество переменъ, почти незамѣченныхъ Историками, но которыя имѣли весьма большое вліяніе на народонаселеніе и форму тамошняго Правительсва. Можно смѣло сказать, что внутреннее состояніе Алжира было едва извѣстно во все время прошедшее съ похищенія престола Барбароссою и безразсудной и пагубной экспедиціи Карла V до нашихъ дней. Между тѣмъ Алжирцы играли весьма важную роль въ Европейской политикѣ, и недоставокъ свѣдѣній объ ихъ Исторіи придастъ высокую цѣну тѣмъ, которыя недавно сообщили намъ Г. Шалеръ и которыя суть плодъ долговременныхъ и многотрудныхъ изысканій. Онъ уже десять лѣтъ Генеральнымъ Консуломъ Соединенныхъ Штатовъ въ Алжирѣ, и свѣдѣственно имѣетъ по мѣсту своему тѣсныя сношенія съ Правительствомъ. Сочиненіе его (\*) пи-

(\*) *Sketches of Algiers, political, historical and civil; containing an account of the geography, population, government, revenues, commerce, agriculture, arts, manufactures, tribes, manners, languages and recent political events of that country.* By Billians Shaler, american consul general at Algiers. Boston. Cummings, Hilliards and Co. 1836.

саю на мѣстѣ. Онь разсмаширивалъ изблизи связи образованныхъ Государствъ съ владѣніями Варварійскими и могъ узнать побудишельныя причины, столь необыкновеннаго и рѣдко прерываемаго союза Христіанскихъ народовъ съ варварскими ордами.

Знашныя морскія Державы Европы во все время имѣли возможность одолѣшь вто сборище морскихъ разбойниковъ въ ихъ убѣжищѣ, опшодкнушь ихъ въ степи или совершенно спереть съ лица земли, какъ непримиримыхъ враговъ человечества. Но напротивъ, существованіе и права ихъ признаны; имъ дозволено пользоваться привилегіями образованныхъ Государствъ, заключать союзы и нарушать ихъ по прихоти, разоряшь торговлю всехъ народовъ, брать людей въ неволю, собирать дани, назначать поштыдныя условія, однимъ словомъ, совершать все неправыя и позорныя дѣла, какія только могутъ внушить имъ ихъ жестокость и скуность.

Существованіе варварійскихъ владѣній въ видѣ правительствъ, признанныхъ народами образованными, есть аномалія въ исторіи свѣта. По спраннымъ правиламъ ихъ политики, они состояшь въ войнѣ со всеми Христіанскими народами, которые не покупающъ мира цѣною зодолжа и не спа-

рающся сохранить его, плаща ешегодную дань. Такимъ образомъ купили миръ сначала Соединенные Штаты, и надобно сказать къ стыду нашему, что еще за двѣнадцать лѣтъ передъ симъ, мы были данниками эшого народа разбойниковъ.

Г. Шалеръ, ограничивая свое сочиненіе однимъ шѣмъ, что касается собственно до Алжира, занимается другими варварійскими владѣніями только тогда, когда они имѣють прямое соотношеніе съ его предметомъ. Онь сообщаетъ намъ сначала географическое описаніе сей страны, показываешь почву земли, ея произведенія и народонаселеніе. Переходя потомъ къ ея политической исторіи и образу правленія, онь обозрѣваетъ гражданскія постановленія, состояніе Финансовъ, сухопутныхъ и морскихъ силъ, отличаетъ духъ разбойничества, отличительный характеръ сего Правительства и показываешь сношенія его съ иностранными державами. Излагая топографію города Алжира, онь ищательно описываетъ его частныя и публичныя зданія, торговлю, нравы и искусства шумецевъ, и положеніе Христіанъ и Жидовъ, живущихъ въ сей странѣ. Онь сообщаетъ чрезвычайно любопытныя подробности о различныхъ племенахъ, разсѣянныхъ по сему государству.

и неизвѣстные до сего времени особенно спси ихъ обычаевъ и нарѣчій. Сочиненіе заключается весьма справедливыми разсужденіями о вѣроятной будущности сего народа, столь же облагодѣшествованнаго природою, какъ униженнаго и испорченнаго его Правительствомъ. Въ добавочной идеѣ, содержащей въ себѣ извлеченія изъ Журнала, веденнаго Консуломъ Соединенныхъ Штатовъ, заключается рядъ документовъ величайшей важности и въ первый разъ изданныхъ въ свѣтъ. Множество свѣдѣній, столь же любопытныхъ и малоизвѣстныхъ найдены въ примѣчаніяхъ, которыми оканчивается сія книга.

Алжирское Государство, граничащее къ северу съ Средиземнымъ моремъ, занимаетъ почти пять сотъ миль въ длину отъ предѣловъ Триполи на востокъ до Марока на западъ. Протяженіе его въ ширину отъ моря до степи не довольно извѣстно, но полагаютъ, съ пѣкшорою вѣроятностію, что оно измѣняется отъ сорока до ста миль. По симъ даннымъ, Г. Шалеръ думаетъ, что поверхность составляетъ около тридцати тысячъ квадратныхъ миль. Въ этой землѣ не имѣютъ понышѣ о томъ, что такое поголовная перепись, и потому народонаселеніе оной въ точности узнать невозможно;

Авторъ нашъ полагаетъ, что оно должно составить немного побольше милліона; по сему на квадратную милю придется по тридцати три души. Страна сія заключается въ себѣ древнюю Нумидію и часть Тингитанской Мавританіи, которая по завоеваніи оной Августомъ названа была Цезаріанскою. Она славилась пышностію своихъ городовъ, храбростію жителей, которыхъ мужество было соединено съ хитростію и коварствомъ; земля ея была шеаширомъ дѣяній героическихъ и управлялась могущественными владѣтелями. Наконецъ она попала въ зависимость Римлянъ и сдѣлалась одною изъ ихъ провинцій. Тамъ сражались властелины міра и покорили, по выраженію одного изъ нашихъ Поэтовъ, *народовъ волгуемыхъ, которыхъ кони, легчайшіе ветра, не знали ни узды ни шпоры.*

Саллустій былъ однимъ изъ Правителей сей области, и вѣроятно этому обстоятельству одолжены мы его Исторіею войнъ Африканскихъ. Св. Августинъ родился въ пѣтъ же мѣсяцахъ и былъ Епископомъ въ Иппонѣ, на востокъ отъ Алжира, недалеко отсюда, гдѣ теперь стоить городъ Боннъ.

Природа щедро надѣляла эту страну своими благодѣяніями; климатъ шамощній

здоровь и приянень. Почва, чрезвычайно плодородная, богатая произведеніи самыми разнообразными, представляеть попеременно холмы и предестныя долины. Вышняя шорговал, освобожденная ошь оковъ монополи, содѣлала бы землю, заключающуюся между горою Ашласомъ и Средиземнымъ моремъ, одною изъ самыхъ производительныхъ и богатыхъ странъ во всемъ свѣтѣ. Ячмень и овесъ произрастають здѣсь усиленно. Финики и оливки собираются во множествѣ и самаго лучшаго качества. Есть также и всѣ произведенія каимашовъ умеренныхъ, какъ по: орѣхи, кашшаны, фиги, гранаты, виноградъ и проч. Оди открытые здѣсь донныя мепаллы сунъ желъзо и свинець. Въ горахъ есть соленыя копи. Хотя въ этой странѣ мало большихъ рѣкъ, но за то она орошается множествомъ ручьевъ, и превосходныя ея пажити доставляють возможность выкармливать верблюдовъ и спада всякаго рода; посему шерсть составляетъ здѣсь весьма значительный предметъ торговли. Всѣ роды дичи водятся здѣсь также во множествѣ. Впрочемъ издичине было бы и говорить объ этомъ древніе Историки всегда изображали намъ Нумидію одними и тѣми же чертами; и природа, неизмѣнная въ своемъ ходѣ, всегда раз-

дивала на нее одинакія благодѣнія: и въ мишны мира и благополучія, и шогда, когда землю ея орошали кровію деспоты, оспоривавшіе ее одинъ у другаго.

Алжирская исторія не представляеть никакихъ примѣчательныхъ происшествій по завоеваніи сей земли Римлянами. Гордые сіи властелины были лишены своихъ Африканскихъ владній Вандалами, кошорые въ свою очередь изгнаны были около половины шестаго столѣтія знаменитымъ Велисаріемъ, полководцемъ Іустиніана. Чрезъ сию лѣть послѣ шого, произвели новый переворотъ Сарацины. Съ сей эпохи до начала шестнадцатаго столѣтія, Исторія сѣверной части Африки являеть хаосъ, посреди коего Арабы, Заншы, Марабу и проч. волнуящся и дерущся оди съ другими и съ Сарацинами за обладаніе сею странюю. Испанцы послѣ нѣсколькихъ нападений, овладѣли наконецъ Ораномъ и многими соседственными городами. Это одно изъ важныхъ происшествій въ Алжирской Исторіи.

Въ числѣ людей въ шо время отличившихся надобно упомянуть о Горунѣ и Гейрединѣ, сыновьяхъ Лезбосскаго горшечника, кошорыхъ безпокойный характеръ заставилъ приняться за ремесло пиратовъ. Они скоро прославили свое имя и собрали значи-

ныя сокровища. Они соединили значительныя морскія силы, разбойничали по морямъ и разлили страхъ и пренепъ по всемъ берегамъ Средиземнаго моря. Эптеми, Король Алжирскій, вступилъ въ союзъ съ Горуномъ старшимъ, прозваннымъ Барбаросою, чптобы выгнать Испанцевъ изъ Орана, Барбаросса съ радостію принялъ это предложеніе, высадилъ въ Алжиръ пять тысячъ чело­вѣкъ, принялъ былъ съ энтузіазмомъ, щедростію и хитростями составилъ себѣ партію, наконецъ умертвилъ Эптеми и провозгласилъ себя Королемъ. Черезъ два года послѣ того, онъ погибъ въ войнѣ съ Испанцами.

Братъ его Гейрединъ, одаренный пѣтми же талантами и столь же честолюбивый, взошелъ послѣ него на тронъ Алжирскій и также принялъ имя Барбароссы. На него въ одно время напали Арабы, Мавры и Испанцы, а онъ опдался подъ покровительство Турецкаго Султана и содѣлался данникомъ Порты Оштоманской; что съ разными измѣненіями продолжается и до сихъ поръ. Скоро пришелъ онъ въ состояніе не только избавившись отъ непріятелей, но и попытаться на новыя завоеванія. Между происшествіями, случившимися въ его царствованіе и достойными того, чптобы Ис-

торія ихъ сохранила, надобно упомянуть о занятіи Туниса, изъ котораго выгнать его въ послѣдствіи Карлъ V, и особенно о дерзкомъ предпріятіи сего послѣдняго противъ Алжира, окончившемся почти совершенною потерей его арміи и флота.

Барбароссу возвысили въ достоинство Паши, а въ Алжиръ назначили новаго Вице-Короля. Порта сохранила право давать это званіе до начала семнадцатаго столѣтія; въ это время Алжирцы получили привилегію сами выбирать своего Правителя, котораго Европейцы назвали Деемъ. Они платили дань Султану и зависѣли отъ присылаемыхъ имъ Пашей. Но въ 1710 году они отъ этого освободились; обѣ власни соединились въ особъ Дея и учредили образъ правленія, который продолжается и до нашихъ дней. Вотъ какимъ образомъ определяешь его Г. Шалеръ:

„Алжиръ,“ говоришь онъ, „въ сущности не что иное, какъ военная республика съ избираемымъ начальникомъ, назначаемымъ по жизни его; составъ оной сходствуетъ въ маломъ видѣ съ Римскою Имперією при наслѣдникахъ Коммода. Правленіе состоитъ изъ главнаго начальника и Дивана или великаго Совѣща, изъ воинскихъ чиновниковъ, которые начальствуютъ или

начальствовали над корпусами, и копорых число неограничено. Дивань избираеть Девъ и разсуждаеть о предметахъ, которые они ему предлагають.“

Такова по крайней мѣрѣ теорія Алжирскаго правительствва. Очевидно, что важность и сила Дивана должны измѣняться, смотря по дарованіямъ и характеру царствующаго Государя. Диванъ, какъ Государственное сословіе, имѣлъ прежде власть существенную и обширную; онъ постоянно собирался; на содержаніе его назначались особенныя суммы, и опредѣленія его имѣли вліяніе на мѣры Правительствва. Но теперь Диванъ одинъ тщетный призракъ и можно было бы сомнѣваться въ его существованіи, если бы въ 1816 году Омеръ Паша не собралъ его для того, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о переговорахъ съ Великобританіею. Съ шель поръ, какъ Дей переселился изъ Алжира въ Цитадель, Диванъ существуетъ только по имени. Дей назначаетъ Министровъ, которые завѣдываютъ Финансами и внутренними дѣлами; жалуетъ въ Аги или главные начальники, занимающіе мѣсто военнаго Министра, въ *Вакиль-Арже* или Министры Морскихъ силъ и Иностранныхъ Дѣлъ, въ *Коджіа де Кабаласы* или управители общественныхъ имѣ-

ній и *Бетъ-эль-мели* или судьи наследства, званіе, копорому придаеть большую важность то, что въ немъ располагають значными суммами. Чиновники сіи составляютъ совѣтъ Государя и собственно образують съ нимъ Алжирское Правительство, нисколько не состоящее, на самомъ дѣлѣ, подъ надзоромъ Дивана. Избраніе Дей должно бытъ предосажденно Порть, которая всегда его утверждаетъ и обыкновенно прибавляетъ къ тому званіе трехъ-бунчужнаго Паши, обыкновенное шило сего Государя. Въ Алжиръ почти совсѣмъ не знають шила Дей, употребляемаго иностранцами. Вероятно, что это было въ началѣ прозвище, ибо на Турецкомъ языкѣ оно собственно значить *дядя*.

Дей Алжирскій вступаеть въ права свои шотчасъ по избраніи. Но его шоржественно вводять въ должность тогда уже, когда онъ получилъ Султанскій фирманъ объ его утвержденіи, кафанъ и начальственную саблю, копорыя обыкновенно привозить Каниджи-Баши или Государственный посланный. За сіе посылаеть онъ Султану подарокъ иногда въ полумилліона долларовъ (около 2,450 франковъ (?), Это одинъ знакъ покорности, копорый Алжирцы оказывають Оншоманской Порть, ко-

шорой даже флага они не уважають. Въ за-  
мѣнь эпихъ подарковъ, Порта обыкновенно  
посылаетъ корабль нагруженный съѣсными-  
ми и боевыми припасами и дѣшетъ позволе-  
ніе набирать рекрутъ въ ея владѣніяхъ. По  
чему сія, такъ называемая дань, въ сущно-  
сти есть не что иное, какъ мѣна.

„Избраніе Дел, которое по конституціи  
Государства должно производиться Ди-  
ваномъ, всегда почти становится, по ин-  
тригамъ Янычаръ, кровавою трагедіею. Едва  
достигнувъ верховной власти, онъ часто  
бываетъ умерщвленъ и на его мѣсто сажа-  
ють другаго, болѣе счастливаго, или ошъ  
котораго болѣе ожидають; убивають всѣхъ  
его родственниковъ, всѣхъ приверженцевъ и  
посреди сихъ переворошъ, общественное  
спокойствіе нарушается развѣ шолько на  
сушки. Подобныя возмущенія слѣдуютъ од-  
ни за другими съ такою быстротою, ко-  
торая покажется едва вѣроятною, шѣмъ,  
кто не знакомъ съ духомъ и характеромъ  
Турокъ. Во время своего владычества, Ал-  
жирскій Дѣй есть самый самовластный дѣ-  
позъ во всемъ мѣрѣ, но жизнь его всегда въ  
опасности и онъ рѣдко умирающъ своею  
смертію. Всякій Турокъ, законнымъ обра-  
зомъ записанный въ Янычары, исключая  
шолько Кандіозовъ и Босляковъ, можетъ

быть выбранъ въ Дѣй. Только и нужно одно  
это качество и прихоти счастья: часто  
возводили на престолъ людей изъ самаго  
низкаго состоянія; еще и теперь показы-  
вають мѣсто на большой дорогѣ, гдѣ, въ  
знакъ презрѣнія, похоронены семь удалцовъ,  
которые были постепенно выбраны и умер-  
щвлены въ одинъ день. Отказаться ошъ  
чести править Алжиромъ невозможно. На-  
добно царствовать или погибнуть.“

( *Окончаніе впрѣдъ* ).

## VI.

### СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

#### НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

#### *Я з ы к о з н а н і е.*

42. *Практическая Русская Грамматика*,  
изданная Николаемъ Гречемъ. С. П. б.  
1827. въ тип. Императорскаго С. Пе-  
тербургск. Воспитательнаго Дома VIII  
578 стр. въ 8.
43. *Пространная Русская Грамматика*,  
изданная Николаемъ Гречемъ. Томъ



первый. С. П. б. 1827. въ шип. Изда-  
теля. XVI—386 стр. въ 8.

( Въ сихъ двухъ книгахъ, Издашеъ Сына  
Опечешива какъ бы ондалъ опчешъ публи-  
къ въ долгодѣшнихъ шрудахъ своихъ на  
пользу языка и Словесности Россійской.  
Въ предисловіи сказано, что Г. Гречъ за-  
нимался 20 лѣтъ составленіемъ своихъ  
Граммашикъ. Тѣмъ лучше: онъ болѣе имѣлъ  
времени обдумашъ систему ихъ, видѣшь на  
опытѣ частныя примѣненія изложенныхъ имъ  
правиль и повѣришь оныя. Мы видѣли уже  
многіе десетки Русскихъ Граммашикъ-ско-  
роспѣлокъ, въ пользу кошорыхъ Сочинше-  
ли развѣ только могутъ сказашъ то, что  
онѣ написаны были на-скоро, какъ стихи  
на заданныя рѣмы. За то въ нихъ безпре-  
спанно вспрѣчали мы повшореніе однихъ  
и шѣхъ же закоснѣлыхъ ошибокъ, необду-  
манныхъ положеній и недовершенныхъ пра-  
виль, или примѣненія чужезычныхъ Грам-  
машическихъ системъ къ Граммашикъ Рус-  
ской. Въ какой степени все эшо неправиль-  
но и недостаточно, ошкрываенся уже шѣмъ,  
что преподавателю часто не находили въ  
Русскихъ Граммашикахъ правилъ самыхъ  
необходимыхъ, или находили ихъ сбивчивы-  
ми и недосказанными. Г. Гречъ желалъ ис-  
править сей недостатокъ, желалъ изъ мно-

гихъ и непрерывныхъ наблюденій вывести  
правила непреложныя. Не здѣсь мѣсто су-  
дить о достоинствѣ его Граммашикъ; но  
по крайней мѣрѣ можно здѣсь сказашъ, что  
пеперь ешь надежное руководство къ по-  
знанію нашего природнаго языка, какъ для  
насъ Русскихъ, такъ и для иностранцевъ.  
Остаенся пожелаешь, чтобы умная, рассу-  
дительная и безпристрастная Кришика  
оцѣнила шруды его. С—въ. )

## О П Е Ч А Т К И

въ 20-й книжкѣ Сына Отечества.

| <i>Стр.</i> | <i>Строк.</i> | <i>Напечатано:</i> | <i>Читай:</i>    |
|-------------|---------------|--------------------|------------------|
| 311         | 7             | вошь               | ишь хошь         |
| 314         | 11 и 12       | недолжно!          | надобло!         |
| —           | 17            | опасные            | повѣсы           |
| 318         | 11            | вошь               | вонь             |
| 319         | 22            | люди               | шелличные короли |
| —           | 26            | дамы               | королевы         |
| 331         | 16            | и шо               | эшо              |
| 333         | 13            | пошрусилъ          | не шрусилъ       |
| —           | 14            | сказалъ бы;        | сказалъ бы;      |
| 346         | 14            | про себя.          | про себя:        |
| 357         | 3             | коробочку          | корочку          |

I.

## ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

---

I.

### ИМПРОВИЗАТОРЫ (\*).

Способность излагать, не приговорясь, каждый предметъ языкомъ Поэзии и со всеми узами стихотворства, — сия, только въ Италіи до высокой степени совершенства доведенная способность, у насъ, по сю сторону Альповъ, есть самое необыкновенное явленіе. Не говоря о томъ высокомъ наслажденіи, какое мастерство въ сему искусствѣ доставляетъ въ житейскомъ быту, мы едва имѣемъ понятіе объ образѣ сего стихотворства. Удачное impromptu въ нѣсколько строчекъ; = вошь все, что можешь произвести въ сему родѣ наши Поэты и осироумцы; но по сему едва ли можно и догадываться о томъ возвышенномъ удовольствіи, какое, въ обществѣ образо-

---

(\*) Admische Studien, von C. L. Fernow.

ванныхъ людей, доставляешь хорошо предложенное *improviso*. Кажется даже, что никогда Поэзія не можешь столь сильно, столь могущественно двигать умами, какъ въ семь родъ стихошворства, заславляющемъ Поэша, въ самую минушу его шворческаго вдохновенія, переливашъ пѣсь его непосредственно въ расшороанную душу слушаателей.

Сильное дѣйствіе, неминуемо производимое пѣснопѣіемъ воспороженнаго импровизатора, не можешь бышь въ шой же степени произведено и самымъ совершеннымъ стихошвореніемъ, съ какимъ бы искусствомъ ни было оно декламировано. Сила души, усшреленная на одинъ пунктъ и въ высокой степени напряженная; безпосшанная борьба съ трудностями языка и искусства, нечаянности, которыми пѣснопѣвецъ удачно выпушывается изъ лабиринта, въ какой завлеченъ былъ пламеннымъ чувствомъ; живой восторгъ, который сообщается ошь пѣвца слушаателямъ и разнообразясь въ кругу ихъ, вновь дѣйствуетъ на геній пѣвца и еще сильнее раздуваетъ пылъ его вдохновенія, — все это непременно должно производить впечатлѣнія, недосшижимыя для самыхъ высшренихъ, съ самою масшрскою декламациею произносимыхъ стихошвореній

Поэша, который, въ спокойной обдуманности составленные, только спокойному обсужденію приносятъ полное удовольствіе. И если когда-либо является очевиднымъ, въ дѣйствіи искусства, перевѣсь вдохновенія надъ степеннымъ разсудкомъ и холодными ударами остроумія; то сіе конечно въ такомъ изустномъ (*extemporanen*) стихошворствѣ, когда вся сугубость (*intensität*) дѣйствующей силы находитися въ обратномъ отношеніи со временемъ, въ которое надлежитъ ей производить дѣйствіе. Но пусть лучше изобразишь намъ Итальянецъ все проявленія, какія представляются наблюдателю въ семь искусствъ. Умный Писатель сей націи, Аббашъ Башинелли, въ сочиненіи своемъ: *Dell entusiasmo delle belle arti*, дѣлаешь разшительное и справедливое шого изображеніе. Сообщаемъ здѣсь оное въ переводѣ.

„Часто имѣлъ я случай — говорить Сочинитель — слышать одного изъ превосходительшихъ импровизаторовъ, и спарался наблюдать его съ величайшимъ вниманіемъ. Сначала споялъ пѣвецъ нѣсколько времени въ безмолвіи и нерѣшимости; потомъ началъ свое пѣснопѣіе медленно и робко, запинаясь шо на риемъ, шо на мысли — доказательство, что не пришло еще вдохно-

веніе, и что Поэтъ былъ на одной чертѣ со слушателями. Но вдругъ, не успѣвъ спохватиться, какъ видишь его оживленнымъ и воспламененнымъ; воспоргъ взмахиваешь крылами и увлекаешь его въ полетъ выспренній. Ошпечашокъ сего воспаренія видѣнь изъ всей его наружности. Съ радостнымъ лицомъ, не обращая взора на присутствующихъ, зриаешь онъ къ Небу, въ положеніи неподвижномъ, какъ бы забывая самаго себя; уже онъ не шакъ, гдѣ былъ передъ шѣмъ, уже онъ не шакъ сморшришь, какъ прежде. Завѣса упала; новое зрѣлище, новая перспектива, новый свѣтъ, предсавились, въ блистательномъ видѣ, его очарованнымъ взорамъ. Изъ ушь его льются разговоры, возванія; всѣ предметы изображаешь онъ шюль видимо, всѣ вещи шюль подробно и въ шакомъ заманчивомъ свѣтѣ, какъ надлежало бы шюлько ожидать отъ существенности. Си чудныя изображенія призраки, разжигаютъ еще сильнѣе спрасши его; все живѣ воспоргъ его, все болѣе, все насладивельнѣе погружаешь онъ въ ихъ созерцаніе. Возрастающій пылъ сверкаетъ изъ каждой чертны: глаза блестящ; живой румянецъ покрываетъ щеки, одушевивельная улыбка держишь на устахъ; онъ дрожишь

отъ нѣги; во всемъ составѣ его жизнь и движеніе!

„Такъ, воспламененный истиннымъ воспоргомъ, онъ возвышаетъ свой голосъ, усиливаетъ шѣлодвиженія. Рѣка идей, образозъ, рѣемъ, внезапнымъ приливомъ, запляешь его, преодолеваетъ; шакъ что недошаетъ словъ — все схватишь и выразишь; онъ чувствуешь себя загруженнымъ, запунаннымъ. Стихи спремашся и погоняють другъ друга, вырываются, биспро нахлынувъ, какъ валъ на валъ, шакъ что арфистъ, сопровждающій его пѣніе, едва успѣваетъ за нимъ слѣдовать, часто бываетъ принужденъ брать сильныя, неправильныя аккорды и сбиваетъ съ шакпа. Но иногда вдругъ пѣвецъ сполбенѣетъ въ самомъ биспромѣ изліаніи пѣнія; пошому ли, что упадаешь вдругъ завѣса внупренняго зрѣлища, или пошому, что нервы ослабѣваютъ отъ сильнаго напряженія. Въ другое же время пѣвецъ можетъ по цѣлымъ часамъ, и безъ запрудненія, оставашся въ семъ расположеніи духа.

„Въ шакомъ сосшояніи Поэтъ, не зная шого и самъ, говоришь прелестнѣйшія и вовсе необыкновенныя вещи; рѣемы сами собою приклеивающя къ мѣшу; самыя ошборныя, благородныя, разишельныя выраженія подшодятъ подъ мысль добровольно; слад-

козвучіе удачно присоединяется къ плавному размыру стиховъ. Кажется, будто душа Поэта, наспроя подь одинъ ладъ всѣ свои силы, выступаетъ сама на позорище, являешь всю выпрениую свою независимость, говоришь языкомъ, какъ бы свыше человеческого и господствуешь надъ всѣми другими.

„Между тѣмъ въ кругу слушателей распространяется живѣйшее наслажденіе, пренешь восторга, кошорый время ошь времени вырывается въ громкихъ восклицаніяхъ. Слушатель чувствуешь себя воспринувшимъ и сѣдуешь за полешомъ пѣвца. Какъ мячъ, оббиваемый шуда и сюда, перелетаетъ вдохновеніе ошь Поэта къ слушателю и ошь сего снова къ Поэту, и все возрастая въ семь круговращеніи, возвышаетъ съ обѣихъ сторонъ наслажденіе, восторгъ, упоеніе.

„И конецъ такой сцены представляешь много любопытнаго для наблюденій надъ пѣвцемъ и слушателями. Въ первомъ, весьма замѣчательно ушомленіе послѣ такого насильственнаго напряженія, кошорое какъ бы превышаетъ естественныя силы органовъ и духа; а въ послѣднихъ, — молчаніе и шоржешвенная тишина, какъ будто душа слушателя, перяясь въ изумленіи, все

еще подстерегаешь внутри себя опголосокъ пѣнія; какъ будто ей нуженъ опдыхъ, что бы войши въ самое себя, возвратишься на землю изъ высокой, чуждой сферы, куда она возносила за Поэтомъ. По сему-шо замѣчаютъ, что менѣ чувствительные и поныпливые между ними, всегда первые прерываютъ безмолвіе и начинаютъ осыпаться пѣвца обыкновенными комплименшами; а напрошивъ тѣ, кошорые глубже чувствуютъ, всего позже приходятъ въ себя и пробуждаются ошь своего восторга.

„Всѣ сіи проявленія бывають конечно не всегда при такихъ сценахъ, а тогда только, когда Поэтъ чувствуешь себя расположеннымъ одушевиться и одушевить своихъ слушателей. Опборный кругъ можешь весьма много къ шому способствовать, особливо, когда онъ составленъ изъ друзей Поэта или изъ особъ, имъ уважаемыхъ. Одобреніе, удѣляемое ошь нихъ лучшимъ мѣстамъ его пѣснопѣнія, возвышаетъ самоувѣренность и расположение Поэта — подспрекаешь его сѣдлашь достойнымъ новой хвалы. Красоты усугубляються безпрестанно; съ ними умножается одобреніе, и сіе взаимное соревнованіе есть для Поэта самая лучшая впора; оно всего болѣе удерживаетъ на-лешу восторгъ его.“

Послѣ сего, весьма вѣрнаго описанія дѣйствій, производимыхъ искусствомъ импровизатора, конечно не будетъ неприятно чисташелю узнать, въ дополненіе къ симъ главнымъ чертамъ, нѣкоторыя подробности подобныхъ сценъ.

Когда общество собралось, импровизаторъ проситъ, чтобы ему задали предметъ для перваго пѣнопѣнія. Обыкновенно предоставляють это дѣлу, или Ученому, или иностранцу, или какой нибудь особѣ, кошорую хощають почтительнымъ преимуществомъ. Тогда музыкантъ, который долженъ сопровождать пѣніе своею игрою, занимаетъ общество какою нибудь симфонією или собственною фантазією. Въ продолженіе сихъ немногихъ минутъ импровизаторъ готовится, не удаляясь для того изъ общества. Надѣясь на большой, многообразный навыкъ въ своемъ искусствѣ, онъ дѣлаешь видъ, будто умъ его ни чѣмъ особенно не занятъ. Между тѣмъ собраніе умножается и усаживается. Тогда оканчивается симфонія; Поэтъ стоитъ уже на своемъ мѣстѣ, предъ лицомъ всего собранія: спускають лимонаду или воды, подлѣ него на столикѣ, есть Инокрена, изъ кошорой прихлебываетъ онъ по немногу во время пѣнія. Музыкантъ прелюдируетъ; Поэтъ объяв-

ляетъ обществу о заданной темѣ, и начинается обыкновенно какимъ нибудь соотвѣтственнымъ оной воззваніемъ къ Музѣ или божеству; иногда же не дѣлаешь вовсе никакого вспугленія. Все вокругъ исполнено безмолвнаго ожиданія, глаза всѣхъ обращены на пѣвца, всѣ прислушиваются, припавъ даже дыханіе. Но первая удачная черта приводитъ умы въ движеніе, воспоргъ Поэта сообщается слушателямъ; и тогда слѣдуютъ, болѣе или менѣе разительныя, пѣнія явленія, какія описаны выше. Всякой принимаетъ живѣйшее участіе въ слышимомъ. Какъ скоро въ спрощѣ началась мысль и къ сказанной рѣчѣ готовилась другая, воображеніе слушателя работаетъ вмѣстѣ съ Поэтомъ, и если сей попадаетъ на мысль перваго или какимъ нибудь новымъ оборотомъ неожиданно его изумляешь, тогда вдругъ раздаются восклицанія радости и одобренія, кошорое становясь все сильнѣе и шумливѣе по мѣрѣ того, какъ пѣвецъ и слушатель взаимно приводятъ въ воспоргъ другъ друга, пока напосядокъ, при удачномъ достиженіи конца, все оглашается веселіемъ. Такъ совершается первый отдѣлъ. Пѣвецъ отдыхаетъ, опираетъ пошъ съ разгорѣвшагося лица, и развлекается на минушу разговорами съ окру-

жающею его шолпою. Послѣ небольшого промежутка времени, музыкантъ снова налаживаетъ симфонію, импровизаторъ претбуешь новой шемы; общество усаживается въ прежній порядокъ, и та же сцена возобновляется, и возобновляется иногда въ претпій, четвертый и пятый разъ. Иногда же, чшобъ заслужить еще болѣе блестящій вѣнокъ своему таланту, импровизаторъ изумляетъ общество повтореніемъ на-короткѣ въ немногихъ спансахъ содержанія всѣхъ прежнихъ пѣснопѣній, умѣя, какъ бы ни были они разнообразны, совокупишь ихъ въ одно цѣлое.

Импровизаторы поютъ нѣтъ всякимъ размѣромъ Итальянскаго стихосложенія. Прежде упошребляли они только *ottave time*, но въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, Кавалеръ Перфешши Сіеца, знаменитѣйшій импровизаторъ своего времени, ввелъ такъ называемые Анакреоническіе размѣры, и какъ ими пѣть гораздо легче, по они почти вышѣснили рѣмованную окшаву. Однако и поныѣ счишаютъ мастера сообразнѣе съ достоинствомъ ихъ искусства пѣть симъ послѣднимъ размѣромъ, кошорый можешь бытъ спорученъ только весьма навѣкшему и плодовитому таланту; Анакреоническіе же размѣры упошребляютъ они

только для забавныхъ и шушливыхъ стихосвореній. Сонеты *all'improviso* счишются только за *impromptu* и рѣдко упошребляются импровизаторомъ; пошому чшо малый объемъ шакого сонета не позволяетъ выразишь болѣе одной мысли и показашъ въ насшощемъ свѣтѣ все богатство сего искусства, развивающееся только при возрастающемъ вѣдохновеніи.

Для каждаго размѣра имѣешь пѣвецъ особенную мелодію, и отчасти поешь свои стихи, отчасти же просто высказываетъ. Эша мелодія обыкновенно весьма проста и пріятна, и пѣмъ удобнѣе соотвѣтствуетъ каждому предмету стихосворенія, чшо музыка здѣсь, какъ бывало въ древнѣйшія времена, совершенно подчиняется поэзіи, и служить единственно прикрасою пѣнія или дополненіемъ промежушковъ между спансами и отдѣльными стихами.

Какъ ни трудно само по себѣ сіе искусство, по изъ осторожности, чшобъ не вкрался обманъ, налагается еще множесшво разныхъ оковъ, нимаю не служащихъ къ усовершенствованію или украшенію онаго, а только самыми трудностями своими, возбуждающихъ еще болѣе удивленія. Талантъ, спремаційся заслужить похвалу и заранѣе увѣренный въ побѣдѣ, охотно налагаетъ на

себя оковы сн, или въ горделивой самопа-  
дѣянности изобрѣтаешь еще новыя, чшобы  
сдѣлать блистательнѣе свое поржество.  
Такимъ образомъ предписываются поэту  
размѣры, рѣемы, извѣстное число стансовъ,  
которыя тема должна быть распянуша  
или сжата; римуриели или приспичья, по-  
вторяемая послѣ каждаго станса и состо-  
ящя съ нимъ въ связи мыслью и рѣимою, и  
ш. п. Когда, какъ не рѣдко случается, два  
импровизатора поютъ попеременно рѣимо-  
ванными окшавами; шо положено правиломъ,  
чшобы каждый въ первомъ стихѣ повто-  
рилъ шу рѣиму, какою другой пѣвецъ за-  
ключилъ свой стансъ.

Искусство сіе столь же древнее, какъ и  
стихотворство, и бывшее у всѣхъ наро-  
довъ, въ дѣйствѣ ихъ образованности, пер-  
вымъ естественнымъ обнаруженіемъ пробудившейся способности стихотворческой —  
въ одной только Италіи, по возрожденіи  
Искусствъ и Наукъ, сохранило свою значи-  
тельность. Тамъ составляешь оно особую  
отрасль Поэзіи, которой многіе посвяща-  
ютъ себя исключительно, и въ которой  
успѣхъ зависитъ отъ особенныхъ къ тому  
дарований и своего рода ученія. Кшо, при  
стихотворческомъ шаланшѣ, не обладаетъ  
столь чрезвычайно изворопливою фантазією,

столь высокою разсудительностію и шепло-  
столь чувшва, при коихъ легко возбуждаеш-  
ся описанное выше вдохновеніе, и шюю уди-  
вишелою всеобъемлемостію памяти, ко-  
шорая неограниченно пользуется своимъ бо-  
гатымъ запасомъ идей, образовъ, выражений;  
шюшъ можешь за письменнымъ шоломъ сдѣ-  
латься шворцемъ превосходнѣйшихъ сти-  
хотвореній; но не будешь годенъ для иску-  
ства импровизаторскаго. И дѣйствительно  
есть множество отличнѣйшихъ стихотвор-  
цевъ (и въ самой Италіи много было ша-  
кихъ), кошорымъ вовсе чуждъ шаланшѣ  
импровизатора; какъ равнымъ образомъ и  
одаренные въ превосходной шепеніи симъ  
шаланшомъ, - бывають весьма посредствен-  
ными стихотворцами за письменнымъ шоло-  
мъ; ибо самая обычная имъ легкость со-  
ставляешь стихи, мѣшаетъ рачительной  
ошработкѣ оныхъ. Величайшему изъ Италі-  
янскихъ Поэтовъ, Торквашу Тассу, приро-  
да ошказала въ семь шаланшѣ. Современ-  
никъ и жизнеописатель его Манзо, въ пись-  
мѣ къ Неаполитанскому Великому Адмира-  
лу, Принцу Конкѣ, писанномъ въ шо время,  
когда Тассо жилъ у него въ Бизачію, гово-  
ринъ слѣдующее: „Въ дурную погоду и каж-  
дый вечеръ забавляемся мы по цѣлымъ ча-  
самъ музыкаю и пѣніемъ, особенно же им-



провизаторы доставляютъ ему много удовольствія, и онъ завидуетъ имъ въ ихъ необыкновенной легкости составлять стихи, какую, по его словамъ, природа надѣлила его весьма скупо.“ Въ другомъ мѣстѣ, въ Манзовомъ жизнеописаніи Тасса находимся, относительно Апулійскихъ импровизаторовъ и самого Тасса, слѣдующее: „Тамъ, въ Бизаччіо, забавлялся Торкватто правдею и шаянцами, а еще болѣе импровизаціею людей, которыхъ въ томъ краю называютъ *Arpionitori*, въ другихъ же мѣстахъ *Improvvisatori*, и которые на всякій заданный имъ предметъ, при звукахъ лиры или другаго инструмента, сочиняютъ безъ приговора стихи, и часто выступаютъ на состязаніе для полученія награды, которая, по приговору избранныхъ судей, достается тому, кто составитъ лучшіе стихи. Такими импровизаторами Апулія изобилуетъ“ и пр.

Какъ во всѣхъ Изыящныхъ Искусствахъ, такъ и въ этомъ, нерѣдко пробиваются въ избранный кругъ незваные госпи. Но какъ въ семь искусствъ все зависитъ отъ мгновеннаго успѣха; какъ въ одно и то же время дѣйствіе совершается и цѣнится по достоинству, а образованный Итальянецъ, имѣющій вѣрное чувство къ хорошему въ семь искусствъ, не такъ-то легко вознагра-

ждаетъ похвалою что-нибудь дурное или пошлое, но стихотворческая зараза въ незваномъ гостѣ обыкновенно продолжается недолго; онъ скоро отказывается отъ искусства, которое съ каждымъ новымъ опытомъ явственнѣе выславляетъ его неспособность, и въ которомъ никакимъ предлогомъ нельзя отвлечь личнаго пристыженія, какому онъ подвергается. Сочинитель сей спашь имѣлъ случай нѣсколько разъ испытывать на дѣлѣ, какъ нестерпимо и мучительно для слушателя видѣть напрасныя усилія въ семь искусствъ чловѣка неопесаннаго. Тяжкое чувство щипаннаго напряженія сообщается симпатически всему собранію, и внутренняго шокка несчастнаго Поэта выжимаетъ потъ на члѣ его слушателей. Но какъ Итальянскій языкъ чрезвычайно гибокъ и съ большею легкостію поддается поэтическимъ формамъ; по въ Италіи весьма значительное число дилеттантовъ сего искусства, которые, будучи одарены изрядными способностями, и обыкновенно большою поэтическою образованностію памяти, посвящаютъ свой талантъ единственно обществуному удовольствію; и въ большихъ городахъ Италіи, едва ли найдешь какой-нибудь кругъ образованныхъ людей, въ которомъ бы шло или другой

изъ членовъ не умѣлъ порадовать общество наслажденіемъ сего рода; бывають дилетанты, не уступающіе нимало и виртуозамъ по ремеслу. Не рѣдко случается, что нѣсколько человекъ, одаренныхъ такимъ талантомъ, сходясь въ обществѣ, а иногда и нарочно собирающа, съ шѣмъ, чинобы состязались въ пѣніи стиховъ наобумъ. Благодарный кругъ друзей равно увѣнчиваетъ своими похвалами и побѣдителя и побѣжденнаго. Всякій человекъ съ умомъ и съ нѣкоторою склонностію къ Поэзіи навѣрное въ молодыхъ лѣтахъ упражнялъ силы свои въ импровизаціи.

Такимъ образомъ многочисленная школа сего искусства переходить непрерывно изъ рода въ родъ; и не только въ образованномъ классѣ людей, но и въ самомъ низкомъ состояніи занимающа сѣмъ, какъ бы врожденнымъ Италіянцу, искусствомъ, съ большимъ или меньшимъ умомъ и вкусомъ, смотря по степени образованія. Праздная чернь на улицахъ и на площадяхъ имѣетъ также записныхъ импровизаторовъ, какъ и общества людей высшаго званія. Сии площадные импровизаторы опираются свое искусство на рынкахъ и другихъ сходбищахъ; въ нѣсколько мгновений собирается около шакого спрансвующаго Омера шѣсный кру-

жокъ слушателей, и онъ въ одинъ часъ напоешь себя сполько денегъ, что цѣлыя два дня можешь оставаться, съ Музою своею, безопасенъ отъ голода и жажды. Эти пѣсенники шѣмъ беззаботнѣе на счетъ своей будущности, что они увѣрены найши на ближайшей площади, новую публику, какъ скоро имъ шолько вздумается. Одинъ изъ лучшихъ импровизаторовъ въ сѣмъ родѣ былъ пошъ, котораго изобразилъ Морицъ въ своемъ *Путешествіи въ Италію*, и котораго сочинитель сей спашьи имѣлъ также случай, въ первые годы своего пребыванія въ Римѣ, слышать однажды на Испанской площади.

Между ремесленниками и поселянами есть также дилетанты въ сѣмъ искусствѣ. Въ шинкахъ, подгоряченные виномъ, нерѣдко поднимаются двое состязателей въ пѣніи и стараются принудить къ молчанію друга друга. Содержаніе пѣсень ихъ обыкновенно бываетъ сатирическое, и шакія явленія суть живое изображеніе древнихъ Сашировыхъ игрищъ и поперемяннаго пѣнія Сицилійскихъ пастуховъ Теокрипа; а народныя импровизаторы на улицахъ и площадяхъ переселяютъ иноземца во времена Орфея и Омера. Обыкновенно подобное пѣніе заключается въ сѣбъ мало искусственнаго досто-

ияшва, но оно изобилуешь просподушными выходками и остроумными шушками, а нерѣдко проблескивають въ нихъ истинно-поэтическія искры. Природный талантъ Италіянца и его здравый, одушевленный разумъ, являются здѣсь въ отличномъ свѣтѣ; а какъ и самый простой Италіянецъ, чинная великихъ Поэтовъ своей націи и зашверживая наизусть лучшія изъ нихъ мѣста, приобретаешь чрезъ то нѣкоторую степень поэтической образованности, по слѣды оной оказываюшей и въ его безыскусственномъ пѣніи на обумъ.

Хотя площадныхъ импровизаторовъ ставяшь почти на одну доску съ шакъ называемыми *Cantatano*, которые на шѣхъ же сходбищахъ занимають подобную публику, но за то импровизаторы высшаго разбора, упражняющіеся въ своемъ искусствѣ съ большимъ совершенствомъ предъ образованною публикою, уважаюся, какъ истинные артисты. И действительно, надобно слышать виртуозовъ сего рода, или отличнѣйшихъ дилеттантовъ образованнаго круга людей, чинобъ составишь себѣ надлежащее понятіе о сѣмъ искусствѣ, которое, какъ и всякое другое, распознаешя по степенямъ гениальности и образованности. Такой импровизаторъ ни чѣмъ, кромѣ образа сочине-

нія, не различествуешь отъ Стихошворца, гошоващаго свои шворенія за письменнымъ столомъ конечно съ большимъ размышленіемъ и точностию, но вѣрно не съ такимъ вдохновеніемъ.

Сему роду Стихошворства дѣлають упрекъ, что оно ничего не можетъ произвести выше посредственнаго; что хотя на минушу и приводишь въ изумленіе, обольщаешь и ослѣпляешь, но при чшеніи не выдерживаешь кристики. Справедливость сего обвиненія подтверждается и большею частію напечатанныхъ *Improvisi*. Посему то весьма осперегають въ Италіи молодыхъ Поэтовъ съ отличными способностями отъ импровизованія, и полагають, что если склонность къ тому усилишь, то она весьма вредишь образованію таланта, и сколько приобретаешь ею въ искусственномъ навѣкѣ, столько же ушраишь во внутренней зрѣлости.

Причина того заключается отчасти въ самой сущности высказыванія на обумъ; ибо и въ отличнѣйшихъ произведеніяхъ сего рода замѣчаются небрежности, вставки, повшоренія, слабыя мѣста, пропуски, словомъ неизбежныя слѣды поспѣшности, съ какою они составляются; но съ шѣмъ вмѣстѣ найдушь въ нихъ всегда явные слѣды

поэтического гения и настоящего вдохновения, чего перьдко недостаешь и въ самыхъ отработанныхъ стихахъ.

Если разсудишь, какъ трудно, по собственному признанію великихъ Спихошворцевъ, написать, при всей обдуманности и отработкѣ, какое-либо отличное спихотвореніе; если противопоставишь небольшое число хорошихъ стиховъ необъятной массѣ посредственныхъ и дурныхъ; если наконецъ представишь себѣ, что импровизаторскія творенія никогда не предназначаются для читающей публики, а еще менѣе для потомства; но единственно для минушнаго удовольствія, такъ что развѣ изъ одного только особеннаго угожденія (или по собственному щеславію) позволишь импровизаторъ записывать свое пѣснопѣіе: то надобно бытъ сличкомъ закоренѣлымъ приверженцемъ надменнаго *nil admirare*, что бы считашъ искусство сіе менѣе достойнымъ удивленія, нежели другія гениальныя искусства, изъ коихъ весьма немногія передають столь живо отблескъ своего высокаго происхожденія — вдохновеніе истинное. Было бы несправедливо измѣрять изустную Поэзію несвойственнымъ ей мѣриломъ, и не принимаешь съ нѣмъ вмѣстѣ въ разсужденіе

того преимущества, какое имѣешь она передъ письменною — сугубости ея дѣйствія на умы слушателей.

Впрочемъ, судя почтѣе, неспособность произвести что-либо превосходное, могущее нравиться и въ чтеніи, заключаешь собственно совсѣмъ не въ границахъ сего искусства, а только въ чрезмѣрныхъ затрудненіяхъ, какія предстоятъ желающему довести его до высшей степени совершенства, а также въ недостижимомъ дарованіи и образованности нѣхъ, что обыкновенно симъ занимается. Нынѣ есть примѣры въ Италіи, что импровизаторы, соединяющіе въ себѣ истинный талантъ съ высокою степенью образованности ума и вкуса, и пріобрѣтшіе удивительный навыкъ большимъ упражненіемъ, приготовляющіе *all'improvviso* такія Спихотворенія, которыя не только при чтеніи выдерживають крипiku, но во всѣхъ отношеніяхъ превосходны. Таковъ былъ между прочимъ въ Веронѣ Аббашъ Лоренци, котораго искусство подадо поводъ Бешивелли къ начертанію вышеприведенной каршины, и о которомъ Дениа говоритъ въ первомъ письмѣ своего *Viaggio Germanico*: „Онъ теперь единственный импровизаторъ, умѣющій и пишетъ хорошіе стихи.“ Таковъ и Франческо Жианни,

родомъ изъ Рима, нынѣ лучшей импровизаторъ, славящійся во всей Италіи и доведшій сіе искусиво до такой степени совершенства, какой прежде можешь быть никогда не достигало оно, что и доказываешься сравненіемъ напечатанныхъ имъ *Versi estemporati* съ другими подобными.

Въ предисловіи Издателя къ Стихошвореніямъ Жіанини находятся слѣдующія правила, какія сей Стихошворецъ предписалъ себѣ при упражненіи въ своемъ искусствѣ:

1. Импровизуй часто и ежедневно; ибо сімь избѣгаются повторенія и однообразіе.

2. Избѣгай продолжительныхъ промежутковъ, при переходѣ отъ одной части заданнаго предмета къ другой. Мешкотность происходитъ отъ размышленія, а при размышленіи улетаетъ вдохновеніе.

3. Принимай всякую уважительную задачу отъ каждаго Члена общества; сімь избѣжишь подозрѣнія въ предварительномъ уговорѣ.

4. Если содержаніе заданной пемы Стихошворцу неизвѣстно, то пусть онъ заставитъ рассказать себѣ. Область знанія необъятна; а отъ импровизатора нельзя требовать, чтобы онъ все зналъ, но чтобы умѣлъ всякій предметъ предшавить въ поэтической видѣ.

5. Общество назначаетъ разбиръ. Такимъ образомъ, съ пресѣченіемъ возможно-сти напередъ приготовитьсь, избѣгнешь и водозрѣнія въ помѣ; а между тѣмъ, сімь обнаруживается вся способность или неспособность артиста.

6. Избѣгай напрасныхъ воззваній необыкновенныхъ эпизодовъ, общихъ мѣствъ; они выказываютъ поэтическую скудость Стихошворца.

7. Пусть записываютъ стихи въ продолженіе импровизованія. Глазъ есть не столь пристрастный судья политическаго достоинства, какъ слухъ.

Последнее правило показываетъ, что сей стихошворецъ дѣлаетъ болѣе приязннй къ своему искусству, нежели всѣ прочіе его сотоварищи. И дѣйствительно Жіанини болѣе, нежели всѣ другіе импровизаторы, можешь служить къ опроверженію того предубѣжденія, будто сей родъ Стихошворства не способенъ произвести что-либо выше посредственнаго и такое, что бы могло быть прочтено съ удовольствіемъ.

## С Т К Л Я Н И Ц А.

*Ирландское преданіе (\*).*

Въ тѣ дни, когда лѣсные духи чаще являлись людямъ, нежели въ нынѣшнія просвѣщенныя времена, жилъ - былъ поселянинъ, по имени Михаилъ Пурцель, котораго все имущество соснояло въ нѣсколькихъ десятинахъ дурной, бесплодной земли, да и шубралъ онъ въ аренду, близъ Мурискаго прихода, споль нѣкогда знаменишаго, въ полупорѣ мили отъ Маллова и въ семи миляхъ отъ Корка. У Михаила была жена и дѣти; они работали, сколько доставало у нихъ силъ; правда, что это немного: изъ дѣшей не было ни одного взрослога, никшо изъ нихъ не могъ пособлять бѣдняку ошцу въ шрудахъ его, а у машери безъ шого было много хлопотъ: нячшишь ребяшишекъ, доишь корову, варишь похлебку и носишь яйца въ Малловъ. Какъ ни бились бѣдные люди, но едва доставали сполько, чшобы выплачивашъ за аренду.

(\*) Изъ Fairy legends traditions of the South of Ireland. London. 1825.

Кое-какъ перебивались они однако, пока не наступили разныя невзгоды: овесъ не уродился, боровъ исхудалъ и почти за ничшо проданъ былъ въ Малловъ. Бѣдному Михаилу нечѣмъ было заплашишь и половины арендныхъ денегъ, а онъ ужъ и шо задолжалъ за два срока.

„Что намъ шеперь дѣлать, Марья?“ спросилъ онъ у жены.

— „Что дѣлать!“ ошвѣчала она: „гни корову въ Коркъ на рынокъ и продай ее. Завшра же рыночный день; шолько спунай раньше, чшобъ моя бурка успѣла ошдохнуть, когда придетъ на рынокъ.“

„А чшо же будемъ дѣлать послѣ?“ спросилъ Михаилъ, пригорюнясь.

— „Почему я знаю, Михаилъ! Только вѣрно Господь Богъ насъ не покинешъ. Помнишь, какъ намъ, нежданно и невѣдомо, послана была свшшая благодать, когда занемогъ маленькій Вильгельмъ, и мы не знали чѣмъ пособить ему. Баллидагинскій Докпоръ, добрый и милый человекъ, вхалъ мшмо насъ верхомъ и попросилъ напишья мшмочка; онъ далъ намъ два шиллинга, прислалъ лекаршва для ребенка и все, чшо было ему нужно; всегда, бывало, накормишь меня, когда я приду посовѣшовашья, да и самъ не разъ завзжалъ посмошрѣшь дшши,

и пока оно не выздоровѣло, не переставала осыпашь насъ благодѣяніями.“

„У себя всегда на умѣ такія мысли, Марья, и мнѣ кажется, шы права. Я шочно завтра же погоню Бурку въ городъ; шолько возьми иглу да нитку, и почини мнѣ рукавъ — на немъ большая прорѣха.“

Марья взялась обо всемъ позаботишься. На другой день собрался онъ въ городъ и получилъ строгій наказъ отъ жены, чшобы продашь корову не иначе, какъ за самую высокую цѣну. Михайль далъ слово помнишь о томъ и пустился въ путь. Онъ гналъ по лихоньку корову въ бродъ черезъ рѣчку, кошорая пересѣкаетъ дорогу, спруясь подъ древними сѣбнами Мурна. Когда проходилъ онъ мимо сихъ сѣбнь, глаза его обращались на башни и на одно изъ шѣхъ шарыхъ деревьевъ, кошорыя шогда были еще небольшими прушиками.

„Да!“ вскричалъ онъ: „если бъ у меня была хоть половина денегъ, кошорыя погребены подъ вами, шо не гнать бы мнѣ здѣсь бѣдной моей бурки! Ну, не жалось ли право, чшо деньги лежатъ зарышыя въ землѣ, а между шѣмъ нуждается въ нихъ сполько бѣдняковъ, какъ и я, грѣшный. Ну, дастъ Богъ, и я ворочусь домой не безъ денегъ.“

Тутъ погналь онъ дальше свою корову. День былъ прекрасный и солнце блисало надъ башнями спараго Аббашства, когда онъ проходилъ мимо его. Дорога вела все въ гору, пока мили черезъ шри не взобрался онъ на вершину возвишенія (кошорое шеперь называется Спкляночною горою, а шогда еще не имѣло имени). Тутъ кто-шо его нагналь и сказалъ: „здравешуй!“ — „Здравешуй!“ отвѣчалъ Михайль привѣшливо и оглянулся на незнакомца. То былъ маленькій мужичишка — почши карликъ, однако все не шакъ малъ. Лице его было шаро, въ морщинахъ и желшо, какъ поблекшая капуста; къ тому имѣль онъ крошечный носъ, красные глаза и сѣдые волосы. Губы его не были красны, а шакого же цвѣта, какъ и все лице; глаза не оставались ни на минушу въ покоѣ, а все прыгали и кружились. Такое шоварищество въ пуши не сдшшкомъ правилось Михайлу; однако онъ на него посмашриваль и дивился, чшо не видишь у него ни рукъ, ни ногъ: все шѣло закушано было въ длинный, широкій плащъ, не смощри на шо, чшо солнце сильно уже пекло.

Михайль погналь корову поскорѣе, но малюшка нисколько не опшсаваль отъ него, а какимъ образомъ онъ щель, шого Мц-

хаиль не могъ разгадать; пошому что боялся оглядываться часшо, а при томъ не хошълъ и перекрестившись, чшобъ спаричекъ не разсердился. Однако ему казалось, что шоварищъ его ходишь не какъ другой человекъ и не перескупаешъ нога за ногу, а скользишь, какъ шнъ по дорогъ, безъ шуму и безъ напряженія. У бѣднаго Михаила невесело было на душъ; онъ шворилъ про себя молишву, жалълъ, что вышелъ въ эпошь день, желалъ поскорѣ бышь на рынокъ, и если бъ можно было покинуть корову, шо давно бы далъ шагю.

Въ шакой шоскъ слышишь онъ вдругъ, что шоварищъ съ нимъ заговариваетъ. „Куда шы, любезный, съ коровою?“ спросилъ шошь рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ.

— „Иду въ Коркъ на рынокъ“ — опшвѣчалъ, задрожавъ, Михаилъ.

„Хочешъ продашь корову?“

— „Конечно, для шого и гоню, чшобы продашь.“

„А не хочешъ ли мнѣ продашь?“

Михаиль вздрогнулъ онъ испуга; онъ боялся имъшь дѣло съ малюшкой, но боялся еще болѣе сказашъ нѣшь. Наконецъ спросилъ онъ: „а что шы мнѣ дашь за нее?“

„Послушай!“ опшвѣчалъ шошь: „я дамъ

шебъ вошь эту спкляницу“ — и онъ вынулъ спкляницу изъ подъ плаща.

Михаиль взглянулъ на него, взглянулъ на спкляницу, и какъ ни пошно ему было, захохоталъ во все горло.

„Смѣйся, смѣйся!“ сказаль спаричекъ; но увѣряю шебя, что эша спкляница для шебя дороже, и въ тысячу разъ дороже всѣхъ денегъ, какія получишь шы на рынокъ за свою корову.“

Михаиль захохоталъ ошань. „Не ужал шы думаешъ“ сказаль онъ: „что я въ самомъ дѣлѣ шакъ глупъ, чшобъ опдалъ добрую корову свою за шакую спкляницу, да еще и пущую? нѣшь, эшо вздоръ!“

— „А хорошо бы сдѣлалъ, если бъ опдалъ мнѣ корову и взялъ спкляницу. Повѣрь, что каишься не будешъ.“

„Что жъ мнѣ скажешъ Марья? да шупъ брани и крику не оберешся! И чѣмъ я заплачу за аренду? И что мы будемъ дѣлать безъ денегъ?“

— „Повѣрь же мнѣ, что спкляница лучше, чѣмъ всѣ швои деньги. Возьми ее и опдай мнѣ корову. Говорю шебъ въ послѣдній разъ, Михаилъ Пурцель!“

Михаиль изумился. „Какъ онъ провѣдалъ мое имя?“ думалъ онъ.



Незнакомецъ продолжалъ: „Михаилъ Пурцель, я знаю тебя и уважаю тебя — пошому-то и хочу, чпобъ ты послѣдовалъ моему совѣту; иначе будешь жалшь. Послушай, вѣдь ты не доведешь коровы до Корка — она падешь на дорогъ.“

Михаилъ хогѣлъ было сказать: „избави Богъ!“ но удержался, видя, что старичекъ хочеть продолжашь рѣчь, которую нехшаши было бы перебивашь, а особливо чѣмъ нибудь шакимы, что не могло поправиться. „Къ шому же надоби тебѣ знашь“ — продолжалъ незнакомецъ: „что на рынокъ нагнали сегодня множество коровъ и тебѣ пришлось бы ондашъ корову за самую малую цѣну, а можешь бышь, идучи назадъ, попадешся ты въ руки разбойниковъ. Но что объ этомъ и говоришь чловѣку, который самъ опшалкиваешъ ошь себя свое счастье!“

— „О нѣшь, сударь! счастья своего опшалкивашъ я не желаю“ — сказала Михаилъ: „хощь, правда, пустая сшклянница никогда не веселишь меня, если бѣ даже и сама ея опорожнишь, но коли она шакова, какъ ты сказываешъ, шо пожалуй, я опдадь бы свою корову...“

„Неправды не говорю я никогда. Опдай мнѣ корову, возми сшклянницу и когда при-

дешь домой, шо сдѣлай, чпдъ я тебѣ скажу.“

Михаилъ все еще не рѣшался.

„Ну“ — сказала незнакомецъ: „прощай же, Михаилъ Пурцель, я не могу долѣе ждашь. Еще разъ говорю: возми и будешь богашъ; а если не возмешь, шо все будешь нищимъ, жена швоя умрешъ съ голоду, дѣши пойдущъ по-шмиру — вошь какова будешь швоя учашъ, Михаилъ Пурцель!“ При сихъ словахъ старичекъ злобно усмѣхнулся, и лице его сдѣлалось еще спрашше.

„Можешь бышь! легко бышь можешь!“ бормошалъ про себя Михаилъ все еще въ нерѣшимости и не зная, что дѣлать. Однако слова старичка глубоко заронились въ его душу, онъ думалъ и думалъ, и наконецъ, въ припадкѣ опчаянiя, схватилъ сшклянницу и сказалъ: „возми корову, и если ты меня обманушь, шо не уйдешь ошь проклятiя бѣдняка.“

— „Кляни или славь, мнѣ все равно, Михаилъ Пурцель; но я сказалъ тебѣ правду; въ этомъ увѣришься ты сегодня же вечеромъ, если сдѣлаешъ, что я тебѣ скажу.“

„Что жъ сдѣлать?“ спросилъ Михаилъ.

— „Когда придешь домой, шо не шревожься, какъ бы ни досадовала жена швоя, а будь покоень и веди ей чиспенько выме-

спи горницу, поспавишь споль и накрывь чистую скатернь — тогда поспавь снкланницу на полъ и скажи: снкланница, дѣлай свое дѣло! — ты увидишь, что будешь.“

„Тутъ и все?“ спросил Михаилъ.

— „Все!“ — отвѣчал старичекъ. „Прощай, Михаилъ Пурцель! Ты шеперь богатый человекъ.“

„Дай-шо Богъ!“ говорил Михаилъ, когда старичекъ погналъ корову его, а онъ добрель опять во свояси; однако не могъ онъ удержаться, чтобы не оглядываться на покупщика своей коровы, пока шопъ вовсе не скрылся.“

„Боже помилуй и спаси!“ вскричал тогда Михаилъ: „эшошъ не принадлежишь къ нашему свѣту. Гдѣ-нио моя коровушка? Ея не спало, а Михаилъ шелъ домой, швора жодилшвы и крѣпко держа въ рукахъ снкланницу.“

„Что со мною будешь — думаль онъ — если она разобьется; но надобно умѣшь поберечь“ — и онъ положилъ ее за-пазуху, все въ раздумь о томъ, что будешь, и о томъ, что скажешь ему жена. Между шѣмъ, какъ мысли его колобродили ошъ заботъ и ожиданій, ошъ страха и надежды, добрель онъ подъ вечеръ до своей хижины и удивилъ

жену, кошорая сидѣла у очага и поворачивала горящій шорѣвъ.

„Ты ужъ и пришелъ, Михаилъ! Вѣрно ты не былъ въ Коркъ! скажи, что съ шобою случилось? гдѣ корова? продана или нѣтъ? сколько ты получилъ за нее? что новаго? Разсказывай мнѣ.“

— „Дай мнѣ шолько время, Марья, все расскажу тебѣ подробно. Гдѣ корова, спрашиваешь ты — вошь эшого-шо и немогу я сказать, пошому что и самъ не знаю.“

„Что тебѣ за нее дали? давай сюда деньги.“

— „Пошерпи жъ немного, Марья, я все перескажу тебѣ.“

„Что это за снкланница у тебя за-пазухой?“ спросила Марья, увиди высунувшеся горлышко.

„Ну, будь повеселѣ!“ сказал Михаилъ. — „Но надобно тебѣ напередъ все рассказать!“ и онъ поставилъ снкланницу на шполь. „Вошь все, что я получилъ за корову.“

Бѣдная женщина ошполбенѣла ошъ испуга. „Все, что получилъ! да начшошъ это, Михаилъ? въ жизнь свою не думала я, чтошъ ты былъ шакой глупецъ. Какъ же ты заплатишь за аренду?“

„Если ты сама будешь по-умнѣ!“ — сказал Михаилъ: „шо я расскажу, какъ спа-

ричекъ, или къшобъ онъ ни былъ, встрѣшил-ся мнѣ, или нѣтъ, не встрѣтился, а очутился подлѣ меня на горѣ, и какъ онъ уговорилъ меня продать ему корову, увѣряя, что эта сшкляница сдѣлаешь мнѣ добро.“

— „Тебѣ добро! эхъ, ты глупецъ!“ закричала Марья и схватила было за сшкляницу, чтошобъ разбишь ее объ голову бѣднаго мужа. Но Михаилъ предупредилъ бѣду, опнялъ у жены сшкляницу очень покойно (ибо онъ вспомнилъ приказаніе спаричка) и спряшалъ ее опяшь за-пазуху.

Бѣдная Марья сидѣла и плакала, пока Михаилъ рассказывалъ свою исторію, не переставая креститься и опбавиваясь. Однако шѣмъ кончилось, что она всему повѣрила. Не говоря ни слова, вскочила она и начала месити полъ. Пошомъ прибрала она все къ мѣспу, поставила длинный шполь и накрыла его скашершью, единственною, какая у нихъ была. Тушь Михаилъ поставилъ сшкляницу на полъ и сказалъ: „Сшкляница, дѣлай свое дѣло!“

„Смошри, смошри, маменька!“ закричалъ спаршій сынкошъ, здоровенькой пяти лѣшній мальчикъ, и крѣпко прижался къ матери. Между шѣмъ двѣ маленькія фигурки выльзли, какъ солнечные лучи, изъ сшкляницы и вмигъ наставили на шполь разной

серебренной и золотой посуды, съ самыми вкусными кушаньями, и какъ скоро привели все въ порядокъ, шо ушли опяшь въ сшкляницу. Михаилъ и жена его смошрѣли на все въ изумленіи; шакой посуды въ жизнь свою не видали они и шмолько любовались ею, что забыли и о своемъ голодѣ. Наконецъ сказала Марья: „Садись, Михаилъ, да пошшь: ты, я чаю, проголодался послѣ шакого луши и шакого добраго дѣла.“

— „Вонъ видишь ли? вѣдъ спаричекъ правду говорилъ о сшкляницѣ.“

Михаилъ сѣлъ, посадилъ за шполь и дѣшей; они славно повли, но всего сѣшь не могли: шакъ много было наставлено.

„Посмошримъ, сказала Марья, возьмушь ли маленькіе господчки эши драгоценныя вещи!“ Они ждали, но никшо не явилася. Тогда Марья собрала всю посуду, и сказала: „Точно, эшо совершенная правда; ты шеперь человекъ богатый, Михаилъ Пурцель.“

Вмѣшо спанья, спали они разсуждашь, какъ бы изъ эшихъ дорогихъ вещей, кошоры не были имъ нужны; добышь денегъ, чтошобъ наняшь больше земли. Михаилъ пошелъ въ Коркъ, продалъ свою золотую посуду, купилъ себѣ повозку и лошадей, и спалъ жить, да богатѣшь. Всячески спарались они, чтошобъ сшкляница ихъ оспалась

въ шайнѣ, но напрасно; помѣщикъ свѣдалъ о ней. Однажды прѣѣхалъ онъ къ Михаилу и спросилъ, откуда взялось у него столько денегъ. Онъ мучилъ его до пѣхъ поръ, пока Михаилъ не сказалъ о сѣкляницѣ. Помѣщикъ давалъ ему за нее много денегъ, но Михаилъ ни о чемъ и слышать не хотѣлъ, пока пошъ не предложилъ ему въ собственность всю землю, копорую онъ нанималъ. Михаилъ, уже порядочно разбогатѣвши, думалъ, что денегъ ему болѣе не нужно, и ошдалъ сѣкляницу.

Михаилъ совсѣмъ не расчелся: онъ и его домашніе спали мопашъ деньги; думая, что имъ не будетъ конца, и, говоря короче, они дѣлались бѣднѣе и бѣднѣе, такъ что наконецъ у нихъ ояшъ ничего не осталось, кромѣ коровы. Пришлось и ее гнать, по прежнему въ Коркъ на рынокъ. Михаилъ дѣйствительнѣе погналъ, но у него было на умѣ, что можешъ бышъ ояшъ встрѣшишъ старичка и получишъ другую сѣкляницу. Едва разсвѣшало, когда ошправился онъ изъ дому, и довольно скоро добрался онъ до горы. Туманы лежали еще въ долинахъ, и въ разнообразныхъ кудрявыхъ формахъ кружились около него. По лѣвую сторону величественно поднималось солнце, а передъ шѣмъ, вдругъ выпрыгнулъ изъ шравы жаворонокъ и наада

радостную упреннюю пѣснь, вскрупился къ голубому небу.

Михаилъ перекрестился и слушалъ съ удовольствіемъ сладостную пѣсню жаворонка; но всѣ мысли его невольнѣе обращались къ спаренькому мужичку. И вдругъ, лишь шолько достигъ вершины горы и окинулъ взоромъ обширные виды предъ собою и позадь себя, какъ былъ испуганъ и обрадованъ давно знакомымъ голосомъ: „Что, Михаилъ Пурцель? не правду ли я сказала, что ты будешъ богашъ?“

„Правду, сударь, правду! благодарствую. Только не могу сказать, чтобы я шеперь былъ богашъ. Нѣшъ ли у тебя другой сѣкляницы? она была бы мнѣ очень кшаша. Нѣшъ ли у тебя? вошъ шебѣ за нее корова!“

— „А вошъ шебѣ и сѣкляница!“ сказала малюшка, усмѣхаясь: „вѣдъ шы знаешъ, что съ нею дѣлашъ?“

„О, знаю!“ ошвѣчалъ пошъ: „ужъ я не дамъ шеперь маху! — прощай!“ закричала Михаилъ, поворошиа домой: „прощай и шы, славная гора, сѣкляничная гора — такъ буду величашъ шебя! Прощайте!“ и онъ пуспился бѣжашъ во всю прышъ, такъ что ни разу не оглянулся, ни на старичка желтолицаго, ни на корову свою. Наконецъ благополучно пришелъ онъ домой со сѣкляни-

цею, которую спарался беречь, и лишь только завидьла жену, какъ закричалъ ей: „ну, Марья, у меня еще естъ сѣкляница!“

„Нѣтъ, право!“ воскликнула жена: „ну, счастливъ же ты, Михайль Пурцель, счастливъ!“

Тотчасъ привела она все въ порядок и Михайль, смотря на свою сѣкляницу, закричалъ въ радости: „сѣкляница! дѣлай свое дѣла!“ вмигъ выскочили изъ сѣкляницы два широкоплечіе, могучіе великана, съ шолопыми плешками въ рукахъ, и давай хлещашъ всѣхъ: бѣднаго Михаила, жену его, всю семью, до пѣхъ поръ, пока всѣ повалились, чуть живы, на полъ — тогда и великаны скрылись въ сѣкляницу. Лишь только Михайль не много опомнися, вспалъ и началъ думать крѣпкую думу. Наконецъ поднялъ жену и дѣшей и сказавъ: „оправляйшесь, какъ можеше“ — схватилъ сѣкляницу подъ мышку и пустился къ помѣщику.

Тамъ было много гостей. Михайль спросилъ слугу вызванъ хозяина на пару словъ. Хозяинъ вышелъ и спросилъ: „что новаго, Михайль?“

„А только то, сударь, что я досталъ другую сѣкляницу.“

— „Право? и она также хороша, какъ и прежняя?“

„Еще лучше, сударь. Коли угодно, я покажу ее вамъ и всѣмъ господамъ и госпожамъ, которые у васъ въ гостяхъ.“

— „Войди!“ сказала хозяйнѣ, и Михайла ввелъ въ залу, гдѣ тотчасъ увидѣлъ онъ споящую на каминѣ прежнюю свою сѣкляницу. „Поспой!“ пробормоталъ онъ про себя: „можешъ бышь скоро ты опять достанешся въ мои руки!“

„Ну же —“ сказала помѣщикъ: „покажи намъ свою сѣкляницу.“ Михайль поставилъ ее на полъ и проговорилъ колдовскія слова. Вмигъ повалились хозяйнѣ и гости, госпожи и господа, слуги и всѣ, кто шумѣ ни былъ: поднялся крикъ, визгъ, шумъ и вопли; кто кобенился, кто барахтался, и всѣ завывли. Сшаканы и шарелки поскакали долой со шпола. Наконецъ закричалъ помѣщикъ: „выгони эшихъ дьяволовъ, Михайль Пурцель, или я велю повѣсить тебя!“

„Не перестанушъ“ сказалъ Михайль: „пока вы не отдадите мнѣ прежнюю мою сѣклянку, которая спойшъ вонъ на каминѣ.“

— „Отдайше ему“ — закричалъ хозяйнѣ: „пока мы еще живы.“

Михайль схватилъ прежнюю сѣкляницу; между тѣмъ великаны убрались въ новую, и онъ взялъ съ собою шу и другую.

Нужно ли еще рассказывать, что Михаилъ сдѣлался богаче, нежели прежде, что сынъ его женился на дочери помѣщика, что онъ и жена его умерли стариками и на похоронахъ ихъ слуги подрались между собою и разбили объ сшкляницы? Но гора все еще сохраняешъ свое имя, и вѣрно будешъ называться Сшкляночною до скончанія міра.

## 3.

## ВОЛШЕБНЫЙ ГВОЗДЬ.

*Восточная Повесть.*

Въ бытность мою въ Римѣ, посѣщала меня парикмахеръ, по имени Амбруазъ, чловѣкъ съ чувствомъ и чрезвычайно веселымъ характеромъ. Лице его было умное, съ одинакимъ искусствомъ владелъ онъ гребешкомъ, щипцами и бришвою, а рассказы свои приправлялъ оспрыми шулками и философскими сужденіями. Умъ и Философія у парикмахера? Да, я долго самъ тому не вѣрилъ, и сомнѣвался, видя своими глазами. Но дѣйствительно такъ: Амбруазъ былъ чловѣкъ необыкновенный, и я увѣрился, что прежнія его занятія были гораздо важнѣе настоящаго ремесла, имъ опиравляемаго.

Нечувствительнымъ образомъ пріобрѣлъ я его довѣренность и просилъ, чтобы онъ познакомилъ меня со своею исторію; наконецъ онъ склонился на мои усиленные просьбы, и началъ сими словами:

Насоящее имя мое Ахметъ-Селимъ-Датеръ. Я сынъ Бедредень-Абдалы, который, изъ низкаго сосоянія кузнеца, возвысился на блистательное достоинство Паши Родійскаго. Три бунчука развѣвались предъ нимъ; богатства его были несмѣшны, а Гаремъ наполненъ прелестнѣйшими женщинами. Весь оспровъ рабобствовалъ предъ Пашею и его шремя бунчуками, какъ принадлежностями сего высокаго сана.

Но такое благополучіе было непродолжительно: едва прошло при года, какъ счастье соскучилось благопріятствовашъ Бедредень-Абдалъ. Двое нѣмыхъ, прибывшихъ изъ Константинополя, посѣщили его въ сопровожденіи великой свиты. Съ почтеніемъ надѣли ему на шею великолѣпную шелковую веревку, и, знаками прося извиненія, начали давишь. Скоро несчастный Бедредень-Абдала испустилъ духъ; сокровища его были конфискованы, жены перешли въ другіе гаремы, а при бунчука спали развѣвашъ предъ новымъ Пашею. Подобные случаи нерѣдки въ Имперіи Опшоманской.

Я имѣлъ тогда ошь роду шестнадцашь лѣтъ; меня выгнали изъ владѣній великаго Султана; ибо ввроятно въ Турціи считалось непрощительнымъ преступленіемъ бышь сыномъ удувленнаго Паши. По счастию въ карманѣ у меня было немного денегъ и я отправился въ Испагань, сполитичный городъ Персіи. Скоро я совершенно обдѣлалъ: съ пощимъ желудкомъ и пущимъ кошелькомъ переходилъ изъ улицы въ улицу, незная, гдѣ найши пристанище, и какъ удовлетворишь главнѣйшей нуждѣ чловѣка — голоду, который меня мучилъ. Проходя мимо одной кузницы, я вспомнилъ, что нѣкогда помогаль ошцу своему въ прудахъ его, когда еще не былъ онъ Пашею. Тотчасъ предложилъ мои услуги кузнецу, а сей, по обыкновенію, подвергнулъ меня испытанію. Хоша долго не упражнялся я въ семь ремесль, но будучи ошь природы ловокъ и проворень, удовлетворилъ ожиданію хозяина. „Ну, брашь, сказалъ онъ, ударивши меня по плечу, я думаю, что вовсемъ городѣ не найдешь молодца, который бы могъ лучше раздувать мѣхъ и управлять молошомъ. Судьба твоя рѣшена; я тебя беру къ себѣ въ услуженіе, а между тѣмъ пора обдѣлать. Великій пророкъ, продолжалъ онъ, благодарю тебя, что ты послалъ мнѣ такого славна-

го поварища.“ — Великій пророкъ! вскричалъ я въ свою очередь, благодарю тебя, что ты далъ мнѣ хлѣбъ насущный!

Около года занимался я кованіемъ желѣза. Въ одинъ вечеръ хозяинъ приказалъ мнѣ непременно къ утру кончить одну нужную работу; чтобы выполнишь его волю, я рѣшился во всю ночь не ложиться. Работа приходила къ концу: вдругъ понадобился мнѣ гвоздь, я шарилъ по всѣмъ угламъ кузницы, но ни одинъ для меня не годился. Наконецъ, нечаянно поднявши глаза, увидѣлъ я на стѣнѣ вбитый гвоздь; я схватилъ щипцы и вытащилъ его. Но, о ужась! о чудо! земля въ минушу зашашалась; шумъ, подобный грому, пошрясь кузницу, густой сѣрный паръ выходилъ изъ отверстія, которое занималъ прежде гвоздь. Паръ сгущался поспешенно, изъ него образовалась чловѣческая фигура.

Посль долгаго молчанія, темноша уступила яркому свѣту, произведенному пысчачами лампъ, которыя вдругъ освѣтили всю кузницу. Я увидѣлъ женщину, и какую женщину!

Пораженный величественнымъ спаномъ, я бы почель ее гордою Черкешанкою, ежели бы она не имѣла прекрасныхъ формъ и пріятнѣйшей Гречанки. Фидій избралъ бы

ее образцем своимъ, когда бы захопѣлъ предъставишь спашую Венеры.

Ея черные блестящіе глаза, исполненные нѣжности и чувствуя, заспавили бы меня думашь, что она родилась въ Мадридѣ; ежели бы живосшь оныхъ не умѣрлась нѣжнымъ спыдливымъ румянцемъ, кошорый шакъ явственню ошличаетъ робкихъ красавиць Альбіона. Пріятное движеніе губъ, ея обворожительная улыбка, неизобразимая прелесть, замѣтная во всемъ сущесвѣ ея, замѣвали все, что прелестная Парижанка имѣетъ привлекательнѣйшаго; ея обязательное вниманіе и значительные взоры показывали Ишальянку, самую опышную въ искусствѣ кокетствивовашь. Увидя ее, я сдѣлался неподвиженъ и не говорилъ ни слова; красавица сама ошкрыла кораловья уха свои и начала говорить :

„Ахметъ-Селимъ-Дагеръ, сынъ Бедренъ-Абдалы, шрех-бунчужнаго Паши, прими искреннѣйшую мою благодарносшь за освобожденіе меня ошъ шягосшной неволи, въ кошорой злой духъ Монизанъ содержалъ меня долгое время по зависши и мщенію. Всякое съ моей стороны покушеніе освободиться, было шщетно; печашь великаго пророка Сулеймана лежала на головкѣ гвоз-

дъ. Схвашивши ее своими шипцами, шш уничтожилъ печашь и мое очарованіе.“

„Слушай: я волшебница Офира и счастиемъ своимъ полагаю видѣшь благополучіе смершнихъ. И шакъ, ежели могу наградишь важную услугу, шобою мнѣ оказанную; шо проси о всемъ, о чемъ шолько вздумаешь: доколѣ гвоздъ будешь въ швоихъ рукахъ, я обещаю тебѣ, что все желанія швои будутъ шопъ же часъ исполняемы.“ При сихъ словахъ я повергся къ ногамъ ея и воскликнулъ: „всемогущая Офира! я увѣренъ, что сіи прекрасныя уха не могутъ обманывашь; но чтообы все желанія могли бышь исполнены — эшому шрудно повѣришь, особенно, когда у меня ихъ шьма!“

„Какія бь они ни были, ошвѣчала волшебница, ни одно не будешь напрасно пронзесено. Однако жь не совѣтую желашь безразсуднаго. Всякій мѣсяць можешь мѣняишь свои желанія. Когда же захочешь меня видѣшь, шопри шолько головку въ гвоздъ, и я шопчасъ къ тебѣ явлюсь.“ Послѣ сихъ словъ, волшебница исчезла. Ошавшисъ одинъ, я шопчасъ подвергнулъ испытанію заржавленный гвоздъ, и горя шеперѣнемъ узнашь, правду ли говорила Офира, пожеладь, чтообы работа моя шу же минушу была кончена. Вдрузь все пришло въ движеніе: мѣхъ,



наковальня сами дѣйствовали и въ мгновение ока все было гошовой.

Какъ изобразишь радость мою, когда я собственными глазами увидѣлъ такое чудо! Въ восторгѣ я не завидовалъ безсмертнымъ; но мнѣ досадно было ожидать мѣсяца, чтобы гвоздь снова мнѣ былъ полезенъ. Какъ это время показалось мнѣ скучнымъ и продолжительнымъ. Едва оно кончилось, какъ я пожелалъ имѣть великолѣпныя палаты, и пятьдесятъ невольниковъ бѣлыхъ, да сполько же евнуховъ, которые были бы гошовой исполнять мои приказанія.

Въ ту же минушу увидѣлъ я огромнѣйшій домъ, котораго великолѣпіе выше всякаго описанія; крыша была вызолочена, колонны съ низу до верху осыпаны драгоценными камнями; безчисленное множество комнатъ изумили меня своею огромностію и роскошью; мебели соопѣивали палатамъ. Сто невольниковъ замѣчали мои взгляды и малѣйшее желаніе шопчасъ было ошгадываемо. Нѣсколько дней я почиалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ; но не прошло двухъ недѣль, какъ сіи же невольники сдѣлались мнѣ въ пятость. Къ чему мнѣ служили безчисленные ряды огромныхъ комнатъ? Больше ли я занимаю въ нихъ мѣста, чѣмъ въ кузницѣ, гдѣ я шакже за-

щищенъ былъ ошъ непогоды? А сто невольниковъ, какую пользу мнѣ приносили? Одинаго бы доспашочно было для моихъ нуждъ; а прочіе девяносто девять шолько безпокоятъ свою услужливостію. Точно надобно бытъ глупымъ, чтобы желать великолѣпныхъ палатъ съ шакимъ множествомъ невольниковъ; въ слѣдующій разъ, говорилъ я самъ себѣ, поправлю мою ошибку и пожелаю чего нибудь полезнѣйшаго. Мѣсяць прошель — я пожелалъ бытъ человѣкомъ просвѣщеннѣйшимъ во всей вселенной, и чтобы имя мое превозносимо было похвалями до небесъ. Немедленно пронесся слухъ о моихъ достоинствахъ; говорили шолько объ Ахметѣ-Селимѣ-Дагерѣ; всеобъемлющій мой умъ и мои глубокія знанія составляли предметъ всеобщихъ разговоровъ. Журналисты называли меня величайшимъ человѣкомъ ихъ вѣка; славнѣйшіе Писатели посвящали мнѣ свои сочиненія; Тамарскій Ханъ собственноручно писалъ ко мнѣ письмо, которое напечатали во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ Европы и Азии.

Въ продолженіе осьми дней, я не поминалъ себя ошъ безпрестаннаго упоенія радости; наслаждался еимѣиомъ, который льстецы и прихлебатели курили въ честь мою; но сіи похвалы скоро опрошивали мнѣ

и причинили смертельную скуку. Къ тому жъ извѣстность моя и почести, мнѣ воздаваемые, возбудили противъ меня ненависть пѣхъ, которые слѣдовали по одному со мною пути и добивались славы. Начали нападать на меня, со всѣхъ сторонъ; появлялись безчисленныя книжечки, въ которыхъ нравственность моя представляема была подозрительною; безъ пощады смѣялись надъ моимъ щеславіемъ и причудами. Словомъ: нападенія Журналистовъ и ученыхъ причинили мнѣ гораздо болѣе печали нежели сколько прежде всеобщая слава приносила мнѣ удовольствіе. Получивъ отвращеніе къ Липерапурѣ, я захопѣлъ сдѣлаться прекраснымъ, любезнымъ, угодникомъ и любимцемъ женскаго пола. Первые женщины, которыхъ увидѣлъ, вышедши на улицу, бросились ко мнѣ на шею и начали съ нѣжностію обнимать. Одна молодая дѣвушка замѣшила меня съ балкона; но едва хотѣлъ я взойти на лѣстницу, какъ схватила меня за руку прелестная вдовушка и понуждала за нею слѣдовать.

Наконецъ нашелъ я средство быть счастливымъ, вскричалъ я видя себя оцѣ восхищенія. Какое удовольствіе можешь сравниться съ ласками прелестной женщины? Но вышло не такъ: ласкаемый: любимый,

обожаемый женщинами, я нашелъ общество ихъ несноснымъ, а за наслажденіями всегда слѣдовала усталость. Однажды когда я предавался симъ печальнымъ мыслямъ, вдругъ получилъ ударъ кинжаломъ, нанесенный мнѣ любовникомъ одной любезной дѣвушки, которая была ко мнѣ сврасна; я оборотился, чтобъ увидѣть убійцу, какъ ударъ изъ пистолеши повергъ меня на землю. Оскорбленный бранъ вздумалъ опмешить за честь сестры своей. Меня перенесли на носилкахъ, и остатокъ мѣсяца прошелъ въ лѣченіи ранъ. Я рѣшился отказать оцѣ обожанія прекраснаго пола: ласки его слишкомъ опасны и часто наградою за нихъ бываешь пистолеши или кинжалъ; а эта благодарность мнѣ издавна не нравилась.

Когда богатство, знанія и любовь не доставили мнѣ счастья, я вздумалъ вкусить прелести честолюбія и пожелалъ быть Королемъ, но не шакой области, гдѣ есть уже свой Государь, а какой нибудь неизвѣстной страны южнаго полушарія. Въ минушу мои желанія исполнились; и увидѣлъ себя среди великолѣпія и величавости, какія когда-либо доставались въ удѣлъ Государю. Видимая любовь новыхъ моихъ подданныхъ, радостные крики, которые раздавались при моемъ шествіи; многочисленныя пѣлохранители,

дѣлавіе мнѣ почести военныя; посольства подвласныхъ мнѣ Государей, унижавшія предъ моимъ прономъ; покорность Министровъ, копорые внимательнѣ слушали каждое мое слово и удивлялись малѣйшему движенію, все льстило моему щеславію и увѣряло, что я первый человекъ на свѣтѣ. Но въ то время, когда блескъ величія занималъ всю дѣятельность мою, Секретарь мой, копорому я во всемъ довѣрялъ, и копорого извлекъ изъ грязи и осыпалъ милостіями, составилъ противъ меня заговоръ; лучшіе друзья и подданные присоединились къ нему и сдѣлались его сообщниками. По счастью заговоръ открылся; я принужденъ былъ однако жъ похершивать любезнѣйшими мнѣ особами, негодованію народа и строгости законовъ. Ахъ! вскричалъ я съ горестію, самое низкое состояніе гораздо предпочтительнѣе шажкому бремени сильнаго Государя; онъ никогда не слышитъ истины; первые его любимцы, раздѣляющіе съ нимъ власть, наперсники его удовольствій, забывая чувство обязанности и пренебрегая священнымъ долгомъ признательности и узамъ писной дружбы, измѣняютъ своему благодѣтелю. Честолюбіе или подлая корысть бывають главнѣйшими ихъ побужденіями. Дождавшись времени, въ копорое

позволено мнѣ было снова желать, я вздумалъ... но я не кончилъ бы, ежели бы мнѣ должно было вычислять все состоянія, мною пройденныя. Я принималъ на себя роль лекаря и спаросы церковнаго, солдата и монаха, живописца и лакея, поселенна и разбойника, перваго Министра и разнощика, Директора большой оперы и служителя при лубочномъ театрѣ. Словомъ, я испытывалъ все состоянія, копорыя съ перваго раза мнѣ нравились, и копорыя наскучали прежде, нежели проходилъ мѣсяць.

Я пробѣжалъ четыре часа земнаго шара и во всякой странѣ, во всякомъ городѣ и деревнѣ находилъ одни пороки и глупости людскія. Весьма рѣдко замѣчалъ блестящія искры добродѣтели, мудрости, любви и вѣры. Наконецъ увѣрять, что палиманъ недоспапочень сдѣлалъ меня счастливымъ и довольнымъ — я похеръ головку гвоздя; немедленно раздался громъ, молнія раздвоила облака и волшебница Офира явилась предо мною.

„Благодѣтельница моя,“ сказала я ей, „тебѣ безъ сомнѣнія извѣстно, что я не пропустилъ ни одного случая, упохребивъ въ свою пользу подарокъ, копорымъ ты меня наградила, за освобожденіе тебя отъ власти злобнаго Монизана. Но счастье не-

соотвѣтствовало моимъ ожиданіямъ. Разрушилась надежда моя на шалисманъ и я прошу себя взять его назадъ. Когда уже въ природѣ шакъ заведено, чѣтобы желашь безпрестанно и никогда не бышь доволену; по лучше предоставишь себя на произволъ судьбы, нежели прибѣгашь къ сверхъестественнымъ средствамъ.

Волшебница спросила, не можешь ли мнѣ сдѣлать какой нибудь другой большой услуги; я благодарилъ ее и ошвѣчалъ, что не имѣю ни въ чемъ нужды. Тогда она въ дребезги разбила гвоздь и подавши мнѣ свою руку, прослилась на вѣки.

Я перемѣнилъ имя Ахмета-Селимъ-Дегера на Амбруза цырульника. Это состояніе мнѣ очень нравится и шеперь доставляетъ честь причесывать вашу голову.

Завтра, можешь бышь, я перемѣню имя и ремесло; примусь за другое, а пошомъ опять за другое и приходи свои буду разнобразишь до самаго гроба; — шамъ-шо настоящій покой.

Съ Франц. Д—гий.

## МОЦАРТОВО ПИСЬМО.

Вы желаете знать, какимъ образомъ я сочиняю и пишу пространныя музыкальныя пьесы. Въ нижеслѣдующемъ заключается все, что я могу сказать о томъ; болѣе самъ и ничего не знаю и не въ состояніи объяснить. Когда случается мнѣ бышь на свободѣ, совершенно одному и въ хорошемъ расположеніи духа, напримѣръ въ повозкѣ, во время путешествія, или на прогулкѣ послѣ порядочнаго обѣда, или ночью, когда не спишь — пишу всего лучше и всего избильнѣ собирающся и спремяшся ко мнѣ идеи. Откуда, и какъ приходятъ онѣ, того я не знаю, но я производить ихъ не могу. Тѣ идеи, которыя мнѣ правятся, распределяю я по порядку (*classificire*) въ моей памяти, и какъ мнѣ сказывающъ, имѣю привычку, напѣвать (*trällern*) ихъ тихимъ голосомъ. Пошомъ стараюсь я шу или другую шутку наладить шакъ, чшобъ сдѣлать изъ нея что нибудь порядочное, то есть, по правиламъ контраункша, особаго звука различныхъ инструментовъ и ш. д. Все это меня одушевляетъ, и если не помѣшающъ мнѣ, то предметъ мой увеличивается, становишся правильнымъ, получаешъ опредѣли-

пельную форму, и даже, хотя бы онъ былъ и очень пространный, почти совсѣмъ оканчивается и усвершеняется у меня на умѣ, такъ, что я однимъ взглядомъ могу обозрѣть его, какъ прелестную картину или спашую; а при томъ въ своемъ воображеніи слышу я части, не одну за другою, но какъ будто всѣ вдругъ. Какое восхищеніе доставляетъ это, я не могу пересказать. Все изображеніе и швореніе производися какъ будто въ приятномъ, явственномъ сновидѣніи. Но самое лучшее при томъ именно то, что слухъ объемлетъ все цѣлое вдругъ. Уже я никакъ не забываю того, что совершилось такимъ образомъ, и можешь быть, это самый драгоценный даръ, за который долженъ я благодарить Творца своего. Когда сажусь писать свои идеи, то уже только вынимаю изъ своего, если смѣю такъ выразишься, памятнаго мѣшка все то, что собралъ память, какъ было сказано. По сей-то причинѣ записываніе идей у меня очень скоро, ибо, какъ я упомянулъ, я кладу на бумагу почти все готовое и рѣдко опешунаю при томъ ошь того, что заложено въ моемъ воображеніи. Посему-то при этой работѣ, я могу сносить всякую помѣху; что бы вокругъ меня ни происходило, я продолжаю писать, и даже говорю въ это

время, но только о курахъ, да объ ящцахъ, о Машинкѣ, да о Парашинкѣ, и о подобныхъ вещахъ. Но что мои шворенія получаютъ ошь моей руки особую форму и особенный стиль, которые называются Моцартовскими, и что они отличаются ошь произведеній другихъ композитеровъ — этому вѣроятно та же причина, по которой носъ мой имѣетъ такую толщину и такую ордино-кривую форму, короче, что это Моцартовъ носъ, а вовсе не такой, какъ у другихъ людей. Я точно не дѣлаю никакого напряженія и не стараюсь быть оригинальнымъ, да и не умѣлъ бы въ самомъ дѣлѣ выразишь, въ чемъ состоить моя оригинальность, хотя мнѣ и кажется весьма естественнымъ, что люди, имѣющіе свою собственную наружность, конечно иначе организованы, нежели другіе люди, какъ снаружи, такъ и внутри. Знаю по крайней мѣрѣ то, что я не самъ себя создалъ, ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи.

## 5.

## КИНГСБЕНЧЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Если у несостоятельнаго должника есть еще 3 гинеи, то онъ идетъ въ Кингсбенчъ, ибо столько стоить принятіе въ сію шем-

ницу. — Это не пенница, в спрогомъ смыслъ сего слова, по родъ республики, и споль спранной, что она заслуживаетъ подробнѣйшаго описанія. — Жителей въ Кингсбенчъ болѣе, нежели во многихъ Испанскихъ монастыряхъ; и самое мѣсто сіе не есть сборище всѣхъ пороковъ, какъ обыкновенныя пенницы. — Въ числѣннѣйшей части города огорожено стѣною значительное пространство, въ которомъ находящіяся многіе дома, каждый для жительства 20 и болѣе особъ, и нѣсколько улицъ. Нѣтъ недоспашка ни въ садахъ, ни въ кофейномъ домѣ, ни въ лавкахъ. Нигдѣ не видно рѣшешокъ, замковъ, шюремщиковъ, цѣней; ни большихъ собакъ, которыхъ Англійскіе шюремщики обыкновенно при себѣ имѣютъ. Только наружноспью Кингсбенчъ походитъ на пенницу: такъ напр. всякаго входящаго и выходящаго допрашивается спража, поспавленная при входѣ. Заключение, конхъ ремесло не много мѣсна шребуешь, могутъ заниматьсѣ онымъ въ своей комнашѣ, даже вывѣску имѣть. Они не только работають для богатѣйшихъ жителей Кингсбенча, но и для горожанъ, и всѣми силами спараютсѣ заработашъ сполько, сколько нужно для уплаты долговъ, за кошорые они содержатсѣя. Ремесленники таково рода обыкновенно

беруть къ себѣ жену и дѣшей, живутъ съ ними спокойно и прилежно работають, и случаетсѣя, что число свободныхъ людей превышаетъ заключенныхъ. — Всего шамъ 3000 жителей, между коими есть и шакія лица, кошорыя опасаются быть взятыми подъ спражу за долги; а пошому ищутъ себѣ убѣжища у заключенныхъ пріятелей своихъ. — Въ шакомъ случаѣ они не прежде оспавляютъ Кингсбенчъ, какъ по учиненной сдѣлкѣ съ заимодавцами своими. Въ этошъ пріютѣ и Полиція проникнуть не можешь; большая зала при входѣ есть предѣль ея дѣятельности. Однажды покусился переодѣтый полицейскій чиновникъ пройти шуда, чтобы взять подъ спражу молодую вдову, кошорую онъ никакъ не могъ заманить въ общую залу; но заключеннымъ показалсѣя онъ подозрительнымъ: они окружили его, спали допрашивать, онъ запираетсѣя, но найденное въ кармашъ его повелѣніе о задержаніи вдовы измѣняетъ ему. На колѣнахъ онъ долженъ былъ просить помилованія, кошорое ему и даровано, съ шѣмъ однако жъ, чтобы онъ съѣлъ означенное повелѣніе. Заключение, при всеобщихъ восклицаніяхъ, клали ему въ рощъ одинъ лоскушокъ пергамина за другимъ. Чашо находятъ въ Кингсбенчѣ людей изъ высшихъ со-

словій, которыхъ привели туда непредвиденныя обстоятельства, пошери, упрямые заимодавцы и перемѣна счастія. Они занимають великолѣпные покои, имѣють всѣ удобства; и такъ какъ всѣ заключенные въ Кингсбенчъ, имѣють право ходить шамъ, куда имъ угодно, шо они ищуть разсѣянія въ дружескихъ обществахъ и пиршествахъ, гдѣ царствуютъ непринужденность и веселіе.

Маршалъ въ Кингсбенчѣ заботится только о томъ, чтобы никто изъ заключенныхъ не скрылся; ибо каждый на ошвъщенности его. Кроме сего, онъ ничѣмъ не завѣдываетъ: полицейскій надзоръ есть дѣло самихъ заключенныхъ, коихъ почность по сему предмету превосходитъ върояшіе. Они избирають Предсѣдателя и нѣкоторое число Совѣтниковъ, которые, образуя родъ судилища, собираются разъ въ недѣлю, слушаютъ жалобы, разбирають споры и — назначаютъ виновныхъ. — Въ засѣданіяхъ сего судилища всѣкій заключенный имѣетъ доступъ и голосъ: умень ли онъ, или гаупъ, хорошо ли, худо ли онъ говоритъ — его выслушиваютъ шерпѣливо, пользуются его совѣтомъ или предложеніемъ. Приказанія Предсѣдателя и Совѣтниковъ его весьма строго выполняются.

Особенное вниманіе обращаешь сіе судилище на долги, сдѣланные заключенными въ Кингсбенчъ; заимодавецъ докладываетъ о своемъ дѣлѣ, а должника приводять силою къ Предсѣдателю, если не явился добровольно. Двѣнадцать присяжныхъ размашриваютъ и утверждаютъ обвиненіе, приказываютъ должнику расплашиться, назначая однако же срокъ, когда онъ того потребуешь. Если, по прошествіи назначеннаго времени, заимодавецъ еще не удовлетворень: шо продають домашнюю ушварь, плашье, постель должника, и вырученными деньгами уплачиваютъ долгъ. То же судилище производить слѣдствіе, въ случаѣ покражи или безпорядковъ и произноситъ приговоръ, съ наблюденіемъ строжайшей справедливости, на основаніи особаго Уложенія, составленнаго для Кингсбенча. Признанный виновнымъ подвергается слѣдующему наказанію: его водять по всѣмъ домамъ въ Кингсбенчѣ съ повѣшеною на груди дощечкою, на кошой означается преступленіе. Передъ нимъ идетъ крикунъ, возвѣщающій жителямъ, чтобы они остерегались сего чловѣка и взирали на него, какъ на преступника, лишь презрѣнія достойнаго. Всѣ избѣгаютъ его; говоритъ съ нимъ почитается за безчестіе. Заимодавцы, посадившіе должниковъ своихъ

въ пемницу, обязаны по закону, плашить каждому изъ нихъ по чешыре пенса въ день на содержаніе, если онъ находился подъ спражею 3 мѣсяца. Плашежь эшихъ денегъ производихся по субботамъ, и если ежендѣльная плаша — два шиллинга, чешыре пенса — въ 10 часовъ упра еще не внесена заимодавцемъ; шо оппускаюшь должника, въ присутствіи свидѣтелей, объявляя его свободнымъ. Заимодавцу шакже не позволено плашить эшихъ денегъ за мѣсяць впередъ. И шакъ, если унего нѣсколько шакихъ должниковъ, и если онъ позабудешъ за одного изъ нихъ заплашить 4 пенса, шо должникъ освобождается, а заимодавецъ долженъ снова подашъ челобитную. Должникамъ, сдѣланнымъ несостоятельными, по причинѣ неудачъ или несчастій, осшаешся еще надежда сдѣлаться свободными, посредшвомъ милосшиваго акта (the act of grace), который обнародуешся чрезъ каждыя семь лѣтъ, и который освобождаетъ шѣхъ, коихъ долгъ не превышаетъ 500 фуншовъ шперлинговъ. Имена лицъ, воспользовавшихся симъ актомъ, припечатываюшся въ Вѣдомостяхъ; но прежде обязаны они показашъ подъ присягою, что дѣйшвишельно не въ соспояніи удовлетворить заимодавцевъ своихъ. Англичане, не почишаюшіе безчестіемъ заключе-

ніа въ пемницѣ, презираюшь сей способъ освобожденія, и говорятъ: „онъ расплашился милосшивымъ актомъ,“ — что имѣешъ одинаковое значеніе съ Французскою поговоркою: „онъ былъ на галерахъ!“

Съ Нѣмецк. *Оттонъ Вертофъ.*

1 Окшября 1827.

## II.

### Б І О Г Р А Ф І Я (\*).

Николай Ѳеодоровичъ Грамматинъ.

Сего 1827 года, Января 17 числа, скончался въ Коспромѣ *Николай Ѳеодоровичъ Грамматинъ*, Надворный Совѣшникъ и Кавалеръ Св. Владимира 4 степенн, на 41 году ошъ рожденія; шѣло его предано земля Нерехонскаго уѣзда, въ сель Свѣшчевой горѣ, на сельскомъ кладбищѣ, подлѣ новой, камен-

(\*) Получено при письмѣ слѣдующаго содержанія: „Промыслу угодно было, поставишь меня преемникомъ служенія, копорымъ Н. Ѳ. Грамматинъ заключилъ гражданское свое поприще; и пошому Біографія покойнаго, копорую сообщилъ мнѣ почтенный брашь его А. Ѳ. Грамматинъ, для меня имѣешъ преимуще-



ной церкви у олтара, гдѣ многіе изъ предковъ его погребены.

Онъ былъ извѣстенъ на липературномъ поприщѣ, и пошому я долгомъ пославляю сообщити нѣкоторое свѣдѣніе о жизни, службѣ и прудахъ его. Николай Федоровичъ ро-

свенную дѣну; можешь быть и другіе, особенно любители Лишературы, пожелають ближе узнать почившаго ихъ соудника, и шѣмъ принести нѣкоторую дань его памяти; съ сею дѣлію покоривше прошу васъ, М. Г. помѣстити сію Биографію въ издаваемомъ вами Журналѣ. Я не имѣлъ права, что нибудь перемѣнишь въ оной; шакъ какъ она писана роднымъ брашомъ покойнаго, безъ сомнѣнія, вѣрнѣ всякаго другаго знавшимъ обстояельства его жизни; присоединю шолько въ крашкихъ словахъ то, что мнѣ извѣстно о Н. О., какъ преемнику его по службѣ. При богашыхъ свѣдѣніяхъ во всѣхъ отрасляхъ классическаго образованія, съ особенною чешію занимая мѣсто Директора Училищъ, Н. О. велъ жизнь просую и уединенную; свѣшкія общеспта, гдѣ съ разсыанностію нерѣдко являешся на сцену и шпеславіе. были чужды для него, и онъ былъ чуждъ ихъ. Имѣвши возможность и по званію своему, и по соспоянію, жить съ соблюденіемъ, шакъ называемыхъ, приличій, онъ скромно помѣщался въ бѣдныхъ комнашахъ Гимназическаго дома, кошорый въ его время находился въ совершенной вѣхосши; и здѣсь, сколько мнѣ извѣстно, Лишература была постояннымъ его занятіемъ. Вибліотека Коспромской Губернской Гимназіи обязана Н. О. собраніемъ всѣхъ

дился 13 Ноября, 1786 года; первое образованіе, хотя недоспашочное, получилъ онъ въ домѣ своихъ родителей; но и шогда уже видна была въ немъ особенная склонность къ наукамъ; книги въ дѣшпствѣ были его игрушками, и охоша къ чшенію въ послѣдствіи превратилась въ спрась. Въ началѣ 1802 года вспунилъ онъ въ Московскій Университетскій Пансіонъ; шамъ обучался: Закону Божію, Ариеметикѣ, Геометриі, Гражданской Архитекшурѣ, Физикѣ, Спашпикѣ, Исторіи, Географіи, Россійскому Практическому Законоискушву, Римскимъ Правамъ, Поэзиі, Краснорѣчію; языкамъ: Россійскому, Латинскому, Французскому, Нѣмецкому, Англійскому и Ишالیанскому; за особенное прилежаніе и успѣхи, на публичныхъ акшахъ въ шомъ Пансіонѣ полу-

почти лучшихъ произведеній его времени, особенно по части Словесности. Почтенный брашъ его А. О. желая, чтошбъ Гимназія и Училища сохранили навсегда воспоминаніе о бывшемъ ихъ начальникѣ. по кончинѣ его принесъ въ даръ онымъ нѣкоторыя его сочиненія и другія книги.

Имѣю честь и пр.

*Юрій Бартекевъ.*

Дирекш. Училищъ Коспромской Губерніи.  
Ноября 29. 1827.  
С. П. б.

чилъ въ награжденіе: въ первый годъ его образованія, книгу, во вторый серебряную медаль безъ имени, въ шредній серебряную же медаль съ именемъ, въ четвертый золотую съ именемъ; въ пятый Дипломъ на Кандидашское достоинство; (Смуденномъ онъ былъ произведенъ еще въ исходѣ 1803 года). Въ началѣ 1807 года, выбылъ изъ пансіона, оставивши памъ имя свое на доскѣ, написанное золотыми литерами (честь предоставляемая самымъ отличнымъ воспитанникамъ; или говори словами П. П. Свиньина: награжденіе самое лучшее того учебнаго заведенія, гдѣ со времени основанія онаго, изъ нѣсколькихъ тысячъ воспитанниковъ, не съ большимъ 30 тысячью именъ избрано). Лучшие переводы и стихотворенія, коими онъ занимался, будучи въ пансіонѣ, помѣщаемы были въ періодическихъ изданіяхъ онаго, подъ названіемъ: *Утренняя заря* и *Отдыхъ въ полѣзу*; нѣкоторыя стихи его были читаны на публичныхъ актахъ. —

По окончаніи ученія въ пансіонѣ, Н. Ѳ. уже, можно сказать, совершенно посвящилъ себя наукамъ; между прочимъ онъ занялся составленіемъ Англійско-Россійскаго словаря по Робинетову Французско-Англійскому Лексикону, котораго первая часть 1808 года и напечатана осьъ буквы А до І, посъ-

щаль приномъ Профессорскія лекціи въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ въ 1809 году, Апрѣля 21 и самъ читалъ въ первый разъ публичную лекцію: *О пользѣ и пріятности Словесныхъ Наукъ*, въ присутствіи отличнѣйшихъ Профессоровъ того времени; какъ по: Гг. Гейма, Прокоповича-Аншонскаго, Спрахова, Брянцова, Буле, Гаврилова и другихъ почтенныхъ слушателей; попомъ вскорѣ публично защищаль свое разсужденіе: *О древней Русской Словесности*, написанное имъ по назначенію опдѣленія Словесныхъ Наукъ для полученія степени Магистра, которое въ тоже время было напечатано; и того же 1809 года, Мая 17-го, произведенъ Магистромъ Словесныхъ Наукъ; симъ окончилось классическое его образованіе.

Послъ того Н. Ѳ. вступилъ на службу въ Экспедицію Государственныхъ доходовъ, съ переименованіемъ изъ Магистра въ Типулярные Совѣшники; но какъ служба сего рода ему не нравилась, то онъ по прошенію и уволенъ осьъ оной 1810 года Апрѣля 28; удалившись въ деревню, на свободѣ предался онъ любимому своему упражненію въ Словесности; нѣкоторыя его произведенія того времени, помѣщены въ періодическомъ изданіи А. Е. Измайлова и П. А. Никольскаго, *Цѣбтникъ*; (изъ сихъ произведеній особенное заслуживаетъ

вниманіе, по чистотѣ и легкости слога, переведенное съ Италіянскаго языка письмо Папы Ганганелли къ Аббашу Фергону). Вступившій тогда въ Министерство И. И. Дмитриевъ, какъ Лишператоръ и Поэтъ, любя и другихъ, которые посвящали себя занятіямъ сего рода, извлекъ Н. Θ. изъ сельскаго уединенія, предложивъ ему мѣсто въ Департаментѣ Министерства Юстиціи. (Н. Θ. будучи еще въ Пэнсіонѣ, своими способностями обратилъ на себя вниманіе Его В. П. И. И. Д.). Такимъ образомъ 1811 года, Февраля 1-го, Н. Θ. снова вступилъ на служебное поприще; здѣсь свободные часы оной службы проводилъ онъ съ Министромъ-поэтомъ, живя у него въ домѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала страсть его къ Словесности; тогда-то собралъ онъ разбросанныя свои стихотворенія прежняго времени, и издалъ въ свѣтъ подъ названіемъ: *Мои досуги*, посвятивъ оныя высокому своему Покровителю.

Въ томъ же 1811 году, Августа 13, за усердную службу произведенъ въ Коллежскіе Ассессоры; а 1812 года, Іюня 12, будучи по прошенію уволенъ изъ Департамента Министерства Юстиціи, Іюля 3 дня, того же года, опредѣленъ Директоромъ Училищъ Костромской Губерніи; въ семь званій за ревностное служеніе 1818 года, Февраля 16

пожалованъ въ Надворные Совѣтники; 1819 года, Февраля 22, получилъ орденъ Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира 4 степени, и того же года, Марта 17 по прошенію уволенъ оной должности Директора Училищъ съ причисленіемъ, по Высочайшему повелѣнію, Мая 7 дня къ Герольдіи, впродъ до опредѣленія. Въ продолженіе училищной службы Н. Θ. также не осваивалъ своихъ липературныхъ занятій. Сіе доказываютъ нѣкоторыя его стихотворенія, помѣщенные въ Журналахъ тѣхъ лѣтъ: *Вѣстникъ Европы* и *Сынъ Отечества*.

Находясь въ отставкѣ, до самой своей кончины жилъ онъ въ сельцѣ своемъ *Гуленевѣ*, въ совершенномъ уединеніи; книги были единственными его собесѣдниками; самое короткое время удѣлялъ онъ для свиданія съ родными и тѣснаго круга знакомыхъ; какъ бы предчувствуя скорую разлуку съ мирными своими занятіями, онъ жертвовалъ имъ каждою минутою, а въ послѣдній годъ жизни почти вовсе не выходилъ изъ своего уединенія. Въ 1823 году, издано имъ въ свѣтъ *Слово о полку Игоревѣ*, передоленное стихами древнѣйшаго размѣра, съ присовокупленіемъ другаго, буквальнаго предложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, также критическимъ разсужденіемъ.

емъ о немъ, и посвящено Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексеевнѣ. Императрица, удостоивъ оное Всемилостивѣйшаго принятія, пожаловала Переводчику бриліантовый перстень. Сія Историческая Поэма XIII вѣка, многими была перелагаема на нынѣшній языкъ съ древняго, вышедшаго изъ употребленія и во многихъ мѣстахъ не всякому удобопонятнаго; но переложеніе Н. Ѳ., смѣло можно сказать, есть лучшее какъ по близости къ подлиннику, такъ особенно по критическимъ примѣчаніямъ и поясненіямъ, кои показываютъ глубокія свѣдѣнія Переводчика въ Русскихъ древностяхъ. Въ одной книгѣ съ Словомъ о полку Игоревѣ издано древнее Чешское стихотвореніе *Судъ Любуши*, съ приложеніемъ оригинала, переведенное такимъ же древнимъ размѣромъ, бѣлыми стихами, съ буквальныхъ переводомъ на нынѣшній языкъ и примѣчаніями. Послѣ сего изданія Н. Ѳ. занялся собираніемъ всѣхъ прежнихъ своихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, продолжая и вновь писать; два тома, незадолго передъ кончиною его собранные и исправленные, заключающія въ рукописи, которую покойный, будучи опчаянно боленъ, завѣщалъ напечатать пользовавшему его Инспектору Коспромской Врачебной Упра-

вы П. Р. Д., оставивъ ему на сей предметъ достаточную сумму. Я исчислю здѣсь важнѣйшія изъ послѣднихъ литературныхъ его произведеній: *въ стихахъ*: Пѣснь воинству Александрову, или стихотворное описаніе войны 1812 года, Русскимъ древнимъ размѣромъ; *Поэмы изъ Оссіана*: Темога въ шести пѣсняхъ, Карлонъ, Кондашъ, Кюсона и Беррашонъ; *изъ Библии*: предложеніе нѣкоторыхъ Псалмовъ Давида, нѣкоторыхъ Пророчествъ Исаи и Іереміи, разныя стихотворенія, доселѣ еще ненапечатанныя; и народныя, можно сказать, прекрасныя пѣсни и проч.; *въ прозѣ*: о торговлѣ и мореплаваніи до открытія Новаго Свѣта; (первая книга Робертсоновой Американской Истории) переводъ съ подлинника; размышленіе объ Одѣ изъ Лебрюна; о Религіи и Философіи изъ Фререша; чего болѣе, добра или зла физическаго, изъ Беля и проч. Оставалось бы теперь присовокупить нѣкоторое сужденіе о произведеніяхъ пера его; но публика, не видя цѣлаго, не могла бы провѣрить сего сужденія самымъ предметомъ онаго. Впрочемъ, какъ образчикъ, который уже не войдетъ въ составъ сочиненій Н. Ѳ., неизлишнимъ почитаю помѣстить здѣсь посвященіе блаженной памяти Государю Императору Александру I, ко-

иное Авшоръ приготоуилъ еще при жизни  
Благословеннаго Монарха, желая повергнушь  
шруды свои къ стопамъ Его.

Монархъ!

Что вѣчною младосью  
Цвѣтущая, смѣлая  
Писала фаншазія,  
По свѣтлой поднебеси  
Порхая крылатая,  
Сбирая, какъ сошь пчела,  
Невинные вымыслы,  
Къ престолу священному  
Дерзая, Монархъ, принесть,  
Повергнушь къ стопамъ Твоимъ!  
Какъ жершву, возженую  
Душой непорочною  
Для Вышняго благосши;  
Прими приношеніе  
Души восхищенныя  
Твоимъ милосердіемъ,  
Когда ты Лютеціи,  
Преступной, шренещущей,  
Конца ожидающей,  
Спасеніе и жизнь изрекъ,  
Подобно Всевышнему,  
Который хаосъ дѣлилъ  
На сферы прекрасныя,  
И словомъ зидишельнымъ  
Громаду вселенныя  
Воззвалъ изъ небышя.  
О! образъ Божественный  
Небесныя благосши!

Монархъ! прими мой шрудъ  
Съ улыбкой небесною,  
Вдыхающей пѣсней духъ,  
Творящей пишами,  
Съ улыбкою, свойственною  
Царю лишь Великому,  
Который наполнилъ свѣтъ,  
Всю сферу подлунную  
Геройскихъ дѣлъ звуками,  
Который, при помощи  
Всезрящаго Промысла,  
Сразу кровожадное  
Вселенной чудовище.  
Подобною славою  
Сявшій, и варварамъ  
Ошмстившій за горькій плѣнь,  
За слезы всей Греціи,  
(Знашь было сужденно ей  
Лишь слезы горючія).  
Тебѣ соименный Царь  
Омира любилъ чашашъ,  
Ахиллу завидовалъ,  
Что сей былъ воспѣтъ пѣвцомъ,  
Безсмертнымъ, божественнымъ;  
Премудростью славная,  
Фелица Державная,  
Которыя памяшь намъ  
Пребудеши священною,  
И коей спезями Ты  
Поклялся намъ шествовашъ,  
Фелица досуга въ часъ  
И ошдыха сладкаго  
Ошь дѣлъ Государшвенныхъ.

Ошь бремени шяжкаго,  
 Пльнялася Державиннымъ,  
 Была его Музою.  
 Счастливей, безсмертнй Бардъ!  
 Ты ею вдыхаемъ былъ,  
 Ты гласу внималъ ея,  
 Улыбку шы зрълъ ея,  
 Такъ дивно ль, что пьсни Ты  
 Оставилъ безсмертныя,  
 Въ которыхъ Славяновъ родъ  
 И градъ преживешъ Пешровъ,  
 Какъ пережилъ Грецію  
 И пышный Минервинъ градъ  
 Царь пьсней Омиръ слъпный.  
 Но имя, Моцархъ, Твое  
 Гласъ развъ незвучный мой  
 Спасеть ошь забвеня;  
 И въ нашихъ онъ правнукахъ,  
 Какъ арфы звукъ сладостный,  
 Раздастся хвалою Твоею  
 Нельшивой и праведной.

Скажу нъсколько словъ о кончинъ Н. О.  
 Причиною преждевременной смерти его была  
 гемороиальная болъзнь, кохорою онъ давно  
 уже спрадалъ, подъ конецъ усилившаяся до  
 крайней степеня; а склонность его къ уеди-  
 неню, кохорую болъзнь усугубляла, въ по-  
 слднне годы жизни, можно сказать, превра-  
 щилася въ опшелъничество; наконецъ ему  
 наскучили люди, наскучила самая жизнь,  
 и мрачныя мысли всегда, какъ осеннне шу-

маны, разшилалась на чель его; эшотъ  
 оппечашокъ уныня и скорби виднъ въ по-  
 слдннихъ его сочиненяехъ, изъ коихъ для  
 примъра поимяную: *Преложене Псалмовъ  
 Давидовыхъ*; изляние гореспнаго сердца:  
*Боже, Боже мой воими, вскую оставилъ  
 ма еси*; молитва ницаго: *Господи услыши  
 молитву мою и вопль мой къ тебъ да  
 придетъ*; Плачь Геремія и другія подобныя.  
 Въ послднне его годы знакомые замъчали,  
 что онъ, какъ бы упомленнй здъшнею  
 жизнью, желалъ чего-шо не земнаго. И шакъ  
 вошь еще печальный опышь къ числу мно-  
 гихъ, подшверждающихъ шу истину, что  
 человекъ созданъ для обществя; что для не-  
 го и радости шогда шолько имъюшь цъну,  
 когда онъ не одинъ ими наслаждается, и горе  
 сиоснѣ, когда можешъ дълишь его по по-  
 ламъ; а одиночество ешь удълъ гроба! Поль-  
 зовавшись въ Коспромъ, и не видя себя об-  
 легченя, Н. О. не шалъ наконецъ принимашъ  
 лекаршвъ и на убъжденя докшоровъ, на со-  
 въшы друзей опивъчалъ: *оставте! я лучше  
 знаю; я уже не земной, а небесной*; и дъй-  
 ствительншо, онъ занялся единшвенно Хри-  
 стянскимъ приготошленемъ къ вьчностя;  
 сподобился всъхъ шипспвъ, кохорыми Свя-  
 шая Церковь напуштвуетъ чадъ своихъ  
 въ горнее отечество. Извъщенъ будучи объ

опасности его положенія, поспѣшила я къ нему изъ деревни, и къ несчастію, заспала только послѣдній день его жизни. Передъ вечеромъ онъ попросилъ меня, позвать Духовнаго Ошца, чшобъ въ роковую минушу разлученія съ жизнію, соединишься съ Искупителемъ чрезъ Свящѣйшее его шайнство; вскорѣ послѣ пріобщенія, шихо скончался на рукахъ моихъ. Родные и знакомые, почтили память его присуществіемъ своимъ при выносѣ и ошпываніи шѣла его, равно и Училиши здѣшной Гимназій, ошдали ему послѣдній долгъ, какъ преждебывшему ихъ начальнику.

---



---

### Ш.

## СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

### І.

А. М. Р — и у.

Въ общахъ сердца постоянный,  
Ты любишь дѣву, — счастливъ ты,  
Когда прочтешь ошвѣтъ желанный  
Во взорѣ юной красоты!....  
Она невинная, какъ радость  
Безпечныхъ юношескихъ дней,

Тебѣ вливаешь въ душу сладость  
Огнемъ лѣвишельныхъ очей!...  
Ты знаешь, юноша счастливый!  
Однѣ лишь радости любви —  
И дни весны швоей игрой  
Текушь, какъ свѣшлый струи!  
И я, мой другъ! когда-шо нѣжно  
Любилъ неопытной душой;  
Но былъ печалень жребій мой  
Въ порывахъ спрасши безнадежной!...  
Я тайной ласки не встрѣчалъ  
Въ очахъ красавицы безпечной  
И вмѣсто радости сердечной  
Одно волнение испыталъ!...  
Судьбой угрюмой недовольный,  
Забывъ шраданія мои,  
Я промѣнялъ на хмѣль зашпольный  
Похмѣлье сладкое любви!...  
Теперь покоенъ — не шоскую,  
Въ пирахъ гублю мою весну;  
Но иногда красу младую,  
Наполнивъ чашу круговую,  
Невольню сердцемъ вспомяну!...

*В. Астафьевъ.*

8 Февр. 1827.

---

## Н о ч ь.

( *Отрывокъ изъ Повѣсти: Изенанникъ.* )

Струится Донъ въ своихъ брегахъ ;  
 Зашихло бури волнованье ; —  
 И отражается въ волнахъ  
 Луны безцвѣтное мерцанье ;  
 Вдали за рощей въковой  
 Мелькаешъ быстрая зарница ;  
 Уже покоишься спаница  
 И лаешь песь шорожевой ;  
 Вотъ полночь... шишина глухая ;  
 Едва порхають вътерки...  
 На берегу полна шоски  
 Сидишь Казачка молодая.  
 Все спишь... Но сонъ ея очей  
 Ошажелѣвшихъ не смыкаешъ!...  
 Давно, давно во шмѣхъ ночей  
 Она грустишь, она въздыхаешъ!...  
 Ахъ! ни кому ея уста  
 Тоску души не довѣрили,  
 И увядаешъ отъ печали  
 Дѣвицы юной красота!...  
 Увы! какъ пляжко безъ признанья,  
 Печали въ сердцѣ подавишь —  
 И не имѣшь, кто бь могъ спраданаъ  
 Поняшь душой и раздѣлишь!...

„Лешить въ борьбѣ съ судьбою гнѣвной  
 Моя увялая весна!...  
 Ахъ! не для радости душевной,

Я для печали рождена!...  
 Увы! шоска лежишь глубоко  
 Въ душѣ младенческой моей!...  
 И на зарѣ прекрасныхъ дней,  
 Я увядаю одноко,  
 Какъ цвѣшь весенній средь полей!...  
 О, дайте мнѣ, еще мгновенье  
 Извѣдашь жизни наслажденье,  
 Узнать опраду бышя!...  
 И пусть возьмешъ меня могила ..  
 Мнѣ горько жить!...“ Такъ говорила  
 Рыдая дѣвица мол...

*В. Астафьевъ.*

1826.

*Москва.*

## IV.

 СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ  
 И ПОЛИТИКА.

## I.

## А Л Ж И Р Ъ.

( *Окончаніе.* )

Алжирское Государство раздѣляется на  
 при провинци, на западъ Оранъ, въ среди-  
 нѣ Тимшерія, на востокъ Константина.  
 Каждую изъ нихъ управляетъ Бей, называе-



мый Десть. Эти чиновники также самовластные въ своихъ провинціяхъ, какъ Государь ихъ во всемъ Королевствѣ. Имъ предписано собирать налоги, являясь каждыя три года въ мѣстопребываніе Правительсва, гдѣ они должны дѣлать значительные подарки всемъ знатнымъ чиновникамъ, если хотяшь сохранишь мѣста свои. „Я слышала ошь вѣрныхъ людей, говоришь нашъ авторъ, что эша повѣдка стоить Беямъ Оранскому и Константинскому не менѣе шрехъ сошь тысячъ долларовъ. Въ эшихъ случаяхъ они должны дѣлать всемъ чиновникамъ подарки, соотвѣтственные ихъ званію и важности. Не меньшая часть сихъ огромныхъ контрибуцій входитъ также въ Государственную казну.“ Это объясняетъ, ошь чего Бей принуждены шакъ грабить народъ, кошорымъ управляютъ; ошь эшого зависить продолжительность ихъ власти, и на эшомъ основываются правила сего Правительсва, начиная съ Дея и до самаго послѣдняго чиновника.

То, какимъ образомъ власть передается и продолжается въ Алжирѣ, представляетъ весьма замѣчательную особенность. По постоянному и рѣдко нарушаемому обыкновению, въ Дея выбираютъ важѣйшихъ чиновниковъ изъ иностранцевъ, записанныхъ

въ Янычары. Желаніе передать власть своимъ наследникамъ и возвысить свою фамилію, желаніе споль сильное во все вѣки и эпохи, и кошорое можно почитать соединеннымъ съ природою человека, для нихъ совершенно чуждо. Власть, коею пользовался отецъ, ни сколько не имѣетъ вліянія на судьбу дѣтей его. Милліонъ шуземныхъ жителей уже шрискла лѣшь спокойно покоряется нѣсколькимъ чужеземцамъ, Туркамъ или Ренегатамъ, обору Восточныхъ народовъ. Число сихъ иностранцевъ простирается нынѣ въ Алжирѣ до чешырехъ тысячъ человекъ.

„Правительсво содержитъ въ Константинополь и Смирив Агеншвы, кошорые набирають рекрутъ и нанимають корабли, на коихъ перевозять ихъ въ Алжиръ. По прибытіи своемъ, эти рекруты по праву спановятся солдатами и получаютъ названіе Янычаръ; имъ назначаютъ для жительства одну изъ казармъ гарнизона, къ кошорому они и принадлежатъ, какова бы ни была въ послѣдствіи судьба ихъ. Если они не получаютъ по какимъ нибудь счастливымъ обстоятельствомъ власти въ Правительствѣ, то споступаютъ по старшинству на самый большой Янычарскій окладъ, и наконецъ спановятся Членами Дивана и

получаютъ выгодную должность, какъ бы ни были они глупы.

Жалованье Янычаръ пошчасъ по прибишю ихъ съ Востока составляетъ не болѣе доллара въ мѣсяць, но оно увеличивается по мѣрѣ ихъ служенія и доходитъ до осьми долларовъ, что составляетъ высшій окладъ; однако же въ последнее время Деи еще увеличили оный, желая приобрести любовь Янычаръ. Корпусъ, такимъ образомъ составленный, всегда бываетъ орудіемъ переворотовъ. Сверхъ того получаютъ они по два фунта хлѣба на день. Холостные Янычары живутъ въ обширныхъ и покойныхъ казармахъ. Они обязаны одѣваться сами и Правительствомъ доставляется имъ за довольно умеренную цѣну оружіе и аммуницію. У всякаго Янычара, по крайней мѣрѣ пара пистолетовъ, сабля, кинжалъ и ружье, споль богачья, сколько по позволяешь его состояніе: въ эпомъ костюмъ онъ довольно похожъ на бубиваго холопа.“

Изъ сего класса выбираютъ Деевъ и всѣхъ главныхъ Государственныхъ чиновниковъ.

Осальная часть войска, состоящая изъ пуземцевъ и Турокъ, простирается до пятнадцати тысячъ, распределена по всему Государству и особенно занимается сбо-

ромъ палоговъ. Образование сего войска, совсемъ различное отъ образованія Янычаръ, весьма несовершенно. Морскія силы состоятъ изъ трехъ фрегатовъ, двухъ корветовъ, двухъ бриговъ, пяти гоулешовъ, одной полукры и одной шебеки; всего четырнадцати судовъ.

Г. Шалеръ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ, какъ примѣръ переменъ счастья, которыя по образу сего правленія происходятъ часто:

„Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ моемъ въ сію страну, явился ко мнѣ старый Турокъ, выдававшій себя за Райса или морскаго Капшана. Онъ говорилъ, что ѣздилъ съ Коммодоромъ Бренбриджемъ изъ Алжира въ Констаншинополь, и принадлежалъ къ Посольству, которое сей офицеръ отозвалъ въ столицу Ошшомакской Порты. Онъ показывалъ величайшую привязанность къ нашему соотечественнику, и я подумалъ было, что онъ пришелъ только за шѣмъ, чтобы узнать объ его здоровьи. Но уходя отъ меня, онъ сказалъ, что теперь очень несчастливъ, живетъ безъ должности и просилъ у меня займа доллара, который я сей часъ и далъ ему, говоря, что я всегда готовъ къ его услугамъ, какъ скоро онъ будетъ имѣть во мнѣ нужду. Я послѣ часо

вспрѣчалъ его у людей, у которыхъ бывалъ по должности, и онъ съ большимъ уваженіемъ иногда подходилъ ко мнѣ и подчивалъ меня шабакомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, его сдѣлали *кезанегіемъ* или первымъ Министромъ, мѣсто, которое приносило ему по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ долларовъ дохода. Ему теперь девяносто лѣтъ.

„Торговля Соединенныхъ Штатовъ, почти при самомъ своемъ рожденіи, много терпѣла уже отъ Алжирцевъ. Вѣрные правила своему бытъ въ непрерывной войнѣ со всеми Государствами, которыхъ не покупаютъ мира, пираты сіи объявили намъ войну потчасъ по признаніи Европейскими Державами нашей независимости. Въ Іюль 1785 года, корсары взяли и отвели въ Алжиръ два Американскія купеческія судна, одно подъ начальствомъ Капитана Стивенса, а другое Капитана О'Брина; офицеры и экипажъ, въ числѣ двадцати одного человѣка, были проданы, какъ невольники. Въ послѣдующія десяти лѣтъ, торговля наша не терпѣла болѣе отъ Алжирцевъ: они были тогда въ войнѣ съ Португальцами, коихъ корабли крейсировали въ Дарданеллахъ и не позволяли имъ выходить въ Атлантическій Океанъ. Тогда Правительство Соеди-

ненныхъ Штатовъ нѣсколько разъ спаралось освободить несчастныхъ нашихъ соотечественниковъ, но тщетно; потому что Алжирцы требовали за двадцать одного человѣка не менѣе 59,400 долларовъ. Пышались возобновить переговоры посредствомъ Общества, составившагося въ Парижѣ для выкупа невольниковъ. Это также не помогло, и восемь лѣтъ дѣло сіе оставалось неоконченнымъ.

„Въ 1793 году положеніе дѣлъ переменилось; перемиріе, заключенное между Португалією и Алжиромъ, дозволило корсарамъ выйти въ Атлантическое море, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они взяли одиннадцать Американскихъ кораблей со сша девятью человѣками офицеровъ и мажровъ, которыхъ отданы были въ рабство. Весь народъ оказывалъ живѣйшее участіе въ судьбѣ сихъ несчастныхъ, почему начали дѣятельно спарашься заключить съ Алжирцами миръ. Но обстоятельство не могли бытъ неблагопріятнѣе погоднаго. Прекращеніе войны съ Португалією, и миръ со многими другими Державами, заставляли корсаровъ пребывать въ бездѣйствіи. Братъ Шведскаго Консула въ Алжирѣ писалъ къ одному изъ нашихъ агентовъ, который спрашивалъ его по сему предмету, сдѣлаю-

щее: „Дей объявилъ мнѣ, что выгода его никакъ не позволишь ему принять вашихъ предложеній, если бы могли дать ему милліоны. Что же мнѣ дѣлать съ моими корсарамъ, если я буду въ мирѣ со всеми Государствами? Имъ нечего будешь брать, шакъ они возьмутъ мою голову; имъ надобно же чѣмъ нибудь жить, а дохода у нихъ мало.“ Однако же въ Сенябрь 1795 года заключили договоръ, кошорый по обстоятельству былъ необходимъ, но не менѣ того для насъ послыденъ. Соединенные Штаты обязались уплатить Регенству за миръ и за выкупъ плѣнныхъ семь сотъ тысячъ долларовъ, и ежегодно платить дань морскими и боевыми припасами, цѣною въ 70,000 долларовъ.

Трудности достать денегъ не позволила исполнить договоръ такъ скоро, какъ Дей ожидалъ. Онъ думалъ, что мы нарочно медлимъ, показывая чрезвычайное неперпвие и грозилъ снова начать войну. Въ этой крайности агенты наши принуждены были предложить ему, отъ имени Правительства, въ подарокъ фрегатъ, ежели онъ отсрочить уплату долга еще на три мѣсяца. Онъ на это согласился, и до истеченія срока деньги были привезены. Такимъ образомъ заключенъ былъ сей миръ, кошорый стоилъ

намъ всего слишкомъ милліонъ долларовъ, и на долгое время сдѣлалъ насъ данниками орды морскихъ разбойниковъ.

Миръ сей существовалъ до 1812 года. Въ это время Дей, по полиптикъ своей, нашелъ нужнымъ его нарушить и начать неприязненные дѣйствія, кошорыя, говоритъ Г. Шалеръ, навлекли на Алжиръ несчастія, какихъ онъ никогда не видывалъ, и конхъ послѣдствіемъ будешь истребленіе морскаго разбойничества.

Время, выбранное Деємъ для нарушенія мира, придавало этому поступку видъ давно обдуманнаго нападенія. Въ Юль 1812 году Американское судно *Алленджъ*, привезшее ежегодную дань, прибыло въ Алжиръ; его приняли съ изъявленіемъ большого удовольствія, и припасы начали уже выгружать, когда Дей вздумалъ осмотрѣть грузъ. Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не нашелъ того количества пороха и канашовъ, кошораго будшо бы пребывалъ, и чрезвычайно сердился, когда узналъ, что этошъ же корабль опвозилъ назначенныя въ Марокъ пушки, и выгрузилъ ихъ въ Гибралтаръ вмѣстѣ съ другими вещами, принадлежащими частнымъ людямъ. Онъ говорилъ, что это оскорбленіе его особъ.

„Посему оны приказала Консулу уплатить дань деньгами или выехать из Регенства къ 15 Юля со своимъ семействомъ и всеми Американцами, которые тогда тамъ находились, угрожая, въ случаѣ замедленія, опуданъ ихъ въ неволю и конфисковать судно. Напрасно Консулъ прошествовалъ проливъ сихъ несправедливыхъ поспушковъ, какъ того требовали честь и выгоды его ошечества; оны принужденъ былъ выехать въ назначенный день. Въ Сентябрѣ того же года, корсары взяли и опвели въ Алжиръ небольшой Американскій бригъ, на которомъ было экипажа только одиннадцать человекъ. Этошъ призъ, ничего незначашій для Регенства, былъ единственнѣмъ плодомъ войны, объявленной съ такимъ высокомеріемъ, и оны которой оно ожидало самыхъ блистательныхъ успѣховъ. Въ слѣдующемъ году Американское Правительство спаралось выкупить плѣнниковъ, но предложенія его были опвергнуты: Регенство объявило, что невольники нашей націи выше всякаго денежнаго выкупа.

„Въ продолженіе войны съ Англичанами, Конгрессъ не могъ обращать большаго вниманія на оскорбленія Алжирцевъ; но какъ скоро ратификація Генскаго договора возвращада намъ миръ, пошчасъ приняши бы-

ли самыя дѣйствительныя мѣры для начашія съ ними войны рѣшительной. Нельзя было согласиться платить еще долѣе дань поспыдную; въ Средиземное Море послали эскадру подъ начальствомъ Капитановъ Бенбриджа и Декатора, которые, вмѣстѣ съ Г. Шалеромъ, назначены были Коммисарами для заключенія новаго договора. Первое опдѣленіе сей эскадры, на которой находился и Г. Шалеръ, вышло изъ Нью-Йорка въ Маѣ 1815 года. Едва прибывъ въ Средиземное море, оно взяло фрегатъ и бригъ, чрезъ нѣсколько дней явилось предъ Алжиромъ, и оба Коммисара послали шуда условія, на которыхъ имъ дозволено было вступитъ въ переговоры. Корсары были тогда въ морѣ; видъ нашей эскадры и спрахъ, внушенный недавними нашими успѣхами, произвели такое впечатлѣніе, что условія приняши были безъ малѣйшаго затрудненія. Съ этого времени дань была уничтожена, и Американское Правительство находится теперь въ такомъ же отношеніи къ Регенству, какъ Государства самыя благопріятствуемыя. Фрегатъ и бригъ, которые прежде взяли, были возвращены Дею.

По заключеніи сего договора, Г. Шалеръ прѣехалъ въ Алжиръ въ качествѣ Американскаго Генеральнаго Консула; мѣсто,

которое занимает онъ и нынѣ. Вскорѣ послѣ того Дей, вѣроятно, по внушенію какой нибудь Европейской Державы, былъ, кажешся, расположенъ снова начать непріязненные дѣйствія; но благоразуміе Консула предупредило эпоху разрывъ, и миръ съ тѣхъ поръ никогда нарушаемъ не былъ. Между тѣмъ нынѣшняя полищика Европейскихъ Государствъ заставляешъ Американцевъ безпрестанно содержать въ Средиземномъ Морѣ эскадру, которая бы могла напоминать Алжирцамъ, что если они снова примушся за разбойничество, то будутъ примѣрнымъ образомъ наказаны.

Въ 1816 году Алжиръ былъ бомбардированъ соединенною Англо-Голландскою эскадрою подъ начальствомъ Лорда Экмута, и миръ заключенъ былъ на условіяхъ, назначенныхъ симъ Адмираломъ; одною изъ первыхъ кондицій было уничтоженіе навсегда рабства для всѣхъ Христіанскихъ народовъ. Каковы бы ни были послѣдствія сего договора, но по нынѣшнему состоянію просвѣщенія должно думать, что морское разбойничество долго не возобновится.

Третья глава сочиненія Г. Шалера посвящена топографіи Алжира, и почтительно и занимательною подробностей вполне соотвѣтствуетъ ожиданію, которое ещенѣ

спеціально должно возбуждать долговременное пребываніе Автора на мѣстѣ, и наблюдательный духъ, которымъ одаренъ онъ.

Алжиръ построень на склонѣ холма, который ось берега постепенно возвышаешся; дома его, выкрашенные однообразно бѣлою краскою, представляюшь въ морѣ видъ величественный и живописный. Городъ окруженъ высокою стѣною, улицы узки и дома съ шерассами по воспомочному обыкновенію. Порть шакъ хорошо укрѣпленъ, что неблагоприятно было бы атаковашъ его только съ моря, и онъ еще болѣе укрѣпленъ, со времени нападенія Лорда Экмута. Крѣпкая цитадель, называемая Казанбою, владычествуетъ надъ моремъ и башшарями.

Докторъ Шау полагаешъ народонаселеніе Алжира во сто тысячъ душъ; другіе Писатели говорятъ, что оно нѣсколько больше, но нашъ Авторъ утверждаетъ, что оно не превышаетъ пятидесяти тысячъ. Публичные зданія состоятъ изъ десяти мечетей, трехъ школъ, пяти мѣстъ для заключенія преступниковъ, осужденныхъ на галеры; казармъ, базаровъ и дворца, въ которомъ прежде жили Деи. Городомъ управляютъ не тѣ чиновники, которые составляютъ Правительство. Они всегда избира-

юща изъ шуземцевъ. Авторъ чрезвычайно хвалитъ это муниципальное управление. Эти похвалы, кажется, противорѣчатъ общепринятымъ идеямъ о ширанин Турокъ; но Г. Шалеръ тщательнѣе описываетъ сихъ послѣднихъ отъ Алжирцевъ собственно такъ называемыхъ, у которыхъ онъ нашелъ сколько же учивости, какъ умѣнья жить и челолюбколюбія. Онъ особенно хвалитъ ихъ вѣрошербимосшь: хотя они суевѣрны и весьма привязаны къ своему вѣрошповѣданію, но никогда не прищѣсняющъ людей другой религій.

Нѣкоторые особенныя обстоятельштва, вмѣстѣ съ образомъ правленія, производящъ безопасносшь собственности въ Алжирь.

„Непрерывное благоденствіе сей страны и брачныя связи между Турками и шуземцами, должны были имѣть послѣдствіемъ накопленіе огромныхъ богатствъ въ рукахъ нѣкоторыхъ семействъ. Такимъ образомъ власшь исключительно поручается Туркамъ, а богатства, ими накопляемыя, нечувствительнѣе переходящъ къ шуземцамъ, которые не могутъ достигать важныхъ должносшей, не подвержены вліянію политическихъ переворосовъ, и пошому наслаждающъ своею собственносшю сколько же спокойно, какъ жители всѣхъ другихъ Государствъ; по это-

му Алжирь, можешь быть, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ наличными деньгами. Недавно умерла вдова Ахмета Паши, и говоришь, что она оставила нѣсколько милліоновъ долларовъ наслѣдства. Наслѣдники Мустафы Паши владѣющъ въ городъ и въ окрестносняхъ имѣніями, которыхъ стоимъ болѣе полумилліона долларовъ. Оба сіи Дея были публично казнены.“

Изъ описанія тамошнихъ обычаевъ, мы приведемъ то, что говоришь Г. Шалеръ о бракахъ:

„Женщины высшихъ классовъ выходятъ рѣдко, или лучше сказать не выходятъ никогда. Хотя прелести ихъ сіяющъ только въ уединеніи, но жалобы мужей подающъ понятіе о ихъ склонносши къ роскоши и парядамъ, и заславляющъ думашъ, что онѣ тихими и непримѣтными средствами приготавлиющъ переворосъ, который долженъ возвращишь имъ всѣ права ихъ.“

„Не многіе Алжирцы пользуются закономъ, который дозволяетъ имъ имѣть по нѣскольку женъ; почти всѣ довольшвуются одною, но при шомъ держашъ нѣсколько черныхъ невольницъ, смотря по своему состоянію и богатшву. Условія брака въ Алжирь почти такія же, какъ и въ другихъ Мусульманскихъ земляхъ; но образъ правде-

нія и положеніе высшихъ классовъ народа улучшили состояніе женщинъ. Разумѣется, что богатая наследница, какихъ въ Алжирѣ много, не покорится безъ ограниченія приходямъ варвара, за котораго выходишь замужъ. Обыкновенно поспановляють условія, которыя дѣлають ее почти равною съ мужемъ, или по крайней мѣрѣ защищаютъ ее отъ супружескаго ширанства. Нужно ли присовокуплять, что прекрасный полъ имѣешь счастливый даръ нечувствительности увеличивать свои выгоды? Посему Мавришанскія дамы бываютъ болѣе невольницами обычая и приличій, нежели мужей своихъ.

Браки обыкновенно пригошавляются и заключаются мамерами будущихъ супруговъ, которыя въ Алжирѣ имѣють случай часшо видѣться между собою или дома, или въ публичныхъ баняхъ, которыя по полудни посвящены однімъ имъ. Въ высшихъ классахъ, свадьбу празднують одні женщины; родственницы и пріятельницы обонхъ семействъ собираются, нѣсколько дней сряду предаются веселоспямъ, и наконецъ выгоняють мужчинъ изъ дому, или заставляють ихъ спряшаться въ какой нибудь уголь, откуда они не могутъ ни показываться, ни видѣть веселящейся шолпы.

Мы говорили, что въ Алжирѣ есть школы. Это родъ Семинарій, назначенныхъ для обученія Имановъ въ мечетяхъ и Учительей, кошорые проповѣдують народу. Въ похвалу Алжирцевъ надобно прибавишь, что одна изъ сихъ школъ посвящена единственно кабиямъ, или жипелямъ внутреннихъ земель, кошорые сосшавляють здѣсь классъ земледѣльцевъ и слугъ. Впрочемъ, такъ какъ познаніе Корана сосшавляетъ въ Алжирѣ всю ученость, и шипографія вещь чрезвычайно рѣдкая вездѣ, гдѣ поклоняются Магомету; шо разумѣется, что успѣхи воспитанія не слишкомъ велики.

Есть, однако же, множесшво публичныхъ школъ, въ кошорыхъ дѣшея пани и шести лѣтъ и шарѣе учать читають и писають. Метода, неизмѣнно упошребляемая въ сей странѣ, заставляеть меня думать, что отъ нее происходитъ наше взаимное обученіе. У каждаго ребенка по доскѣ, на кошорой онъ пишеть мѣломъ. Одинъ изъ нихъ пишеть стихъ изъ Корана, а другіе его списывають и полкують другъ другу смыслъ шекста и образованіе литеръ. Пошомъ эти уроки повшоряють учителью, кошорый сидишь поджавъ ноги въ углу съ длинною палочкою въ рукахъ, для сохраненія порядка и подчиненности. Когда уче-



никъ хорошо уже умѣешь читать и пишешь Коранъ, профессоръ оканчиваешь курсъ, научая его молиться. Плаша за ученые въ этихъ мѣстахъ чрезвычайно умѣренна. Для двушекъ есть особые училища сего рода, содержимыя женщинами.“

Въ Алжирѣ живутъ около пяти тысячъ Жидовъ, кошорыхъ судьба совсѣмъ не завидна.

Въ отношеніи гражданскомъ, они управляются по своимъ собственнымъ законамъ, а начальствуешь надъ ними чиновникъ, избираемый изъ ихъ же народа Пашеею. Какъ подданнымъ Алжирскаго Правительсва, имъ дозволяется ѣздить куда хошашъ, жить, гдѣ угодно и заниматься всякими промыслами, непротивными закону. Они не могутъ быть обращены въ рабство, но плашашъ поголовную подать и двойную пошлину за привозимые изъ чужихъ краевъ товары. Большая часть золотыхъ дѣлъ мастеровъ, свѣ маклера, свѣ мѣнялы и рабочники, употребляемые на Монашномъ дворѣ, принадлежашъ къ сему классу народа.

Но они, какъ Жиды, не могутъ быть назначаемы въ публичныя должности, а свѣрхъ того подвержены множеству притѣсненій. Напримѣръ, имъ не позволено защищаться отъ нападеній и насилія Му-

сульманна; запрещено ѣздить верхомъ и носить всякаго рода оружіе, даже и простое. Плашье ихъ должно быть всегда черное или темное. Изъ городскихъ воротъ могутъ они выходить безъ особеннаго позволенія только по Средамъ и Субботамъ, а ежели надобно произвѣшь какую нибудь шрудную и насильственную работу, то для этого употребляютъ ихъ. Въ 1815 году саранча опустошила землю и повла расшенія; во все время, пока она лешла, многія сошни Жидовъ принуждены были день и ночь предохранять отъ нея сады Паши.

Нѣсколько разъ при возмущеніяхъ Янычаръ, Жидовъ безнаказанно грабили, и они непрерывно спрашашся возобновленія подобныхъ явленій. Все существованіе ихъ есть цѣль непрерывныхъ обидъ и униженій. Но они съ рѣдкимъ терпѣніемъ переношашъ жалкую свою участь. Привыкнувъ съ дѣтства къ повиновенію, они, подвергаясь оскорбленіямъ, не дозволяютъ себѣ ни малѣйшаго ропота. Они одни изъ жителей Алжира, ведя иностранную переписку, имѣють нѣкоторое понятіе о вѣншихъ происшествіяхъ; и не смотря на жалкое положеніе, подвергая опасности жизнь свою, которой Алжирцы совѣмъ не щадяшъ, вмѣшиваются во всякаго рода интриги. Начальникъ ихъ получаешь

и сохраняет свое мѣсто не иначе, какъ посредствомъ подарковъ и низкихъ просяковъ, и пользуется своею властію съ шираниствомъ, соотвѣтственнымъ тому, чего стоило ему пріобрѣтеніе оной. Во время благоденствія Регенштва, многіе Жидовскіе торговые дома скопили большія богатства; но ихъ каждый годъ болѣе и болѣе угнетаютъ, и пошому многіе закипочные купцы совершенно разорились; другіе нашли средства убѣжашъ въ чужіе края, а Арабы, которые чрезвычайно склонны къ торговлѣ, овладѣваютъ оною во вредъ Жидовъ. Посему судьба ихъ ежеминутно спановишся бѣдственнѣе и даже число ихъ каждый день уменьшается.“

Въ Алжирскомъ Государствѣ обитаютъ поколѣнія, которыя, во многихъ отношеніяхъ, существенно одни отъ другихъ различествуютъ. Значительная часть народонаселенія состоишъ изъ Мавровъ, племени смѣшаннаго, происшедшаго отъ Нумидянъ или Мавришанцевъ, отъ Арабовъ, Испанцевъ и Турокъ, которые одни за другими занимали эту землю. Не прудно впрочемъ замѣнишъ, что черпы ихъ, совсѣмъ неизмѣющія однообразія, сходствуютъ съ черпами сихъ разныхъ народовъ, смотря пошому, какъ прямо отъ нихъ человекъ происхо-

дитъ. Другія племена, живущія во внутреннихъ земляхъ, имѣютъ особенный очеркъ, который они сохранили до нашего времени: таковы Арабы Бедуины, Биспари, Мозаби и Кабили.

Бедуины народъ кочующій; они живутъ въ палаткахъ, пасутъ стада, повинаясь однимъ своимъ Шеихамъ, а если правитель волости нягоишъ ихъ своею властію, то они покидаютъ занимаемую ими землю и идушъ искашъ независимости въ Сахару (\*). Биспари, болѣе мирные, живутъ на предѣлахъ степи, признаютъ владычество Регенштва, и говорятъ испорченнымъ Арабскимъ языкомъ. Мозаби, занимающіе землю, лежащую далеко къ югу и въ границъ Алжирскихъ владѣній, не признаютъ владычества Регенштва, но ведутъ съ эной спраною обширную торговлю. Нѣсколько человекъ изъ сего поколѣнія поселились въ самомъ Королевствѣ и имѣютъ привилегію особеннаго шорга. Чиновникъ изъ ихъ народа служишъ имъ Консуломъ. Но самое примѣчательное изъ всѣхъ племенъ, живущихъ на сѣверъ Африки, есть безъ сомнѣнія Кабили или Берберы. Они не

(\*) Пространная степь, занимающая весьма значительную часть Африки.

зависяшъ отъ Алжирскаго Правительсва, живущъ въ горахъ и такъ многочисленны, что могли бы быть опасными для Регенства, если бы не раздѣлялись не множество мелкихъ поколѣній, которыя ведутъ между собою безпрерывную войну.

Кабили говоряшъ языкомъ, который не имѣетъ никакого соотношенія съ нарѣчьемъ другихъ племенъ, и кошорому, не безъ причины, приписываютъ весьма древнее происхожденіе. Его почитаютъ пожешвеннымъ съ языкомъ Туариновъ, кошорые живутъ во внутреннихъ частяхъ Ливіи. Ежели это, какъ должно думать, справедливо, то изъ сего должно было бы заключить, что Туарины и Кабили имѣютъ одно общее происхожденіе. Г. Шалеръ замѣчаетъ, что это нарѣчье не имѣетъ совершенно никакой аналогіи съ языками Пуническимъ и Арабскимъ, и заключаетъ изъ сего, что сіи жители говорили онымъ до прибытія эписхъ народовъ въ Африку, и что оно, слѣдственно, одно изъ древнѣйшихъ во всемъ мірѣ.

Разсмотрѣніе мѣстн. Г. Шалера о будущности сѣверной части Африки, завлекло бы насъ далѣе границъ, кошорыя мы себѣ предположили. Мы шакже не станемъ говорить о выгодахъ, кошорыя бы могли получить сіи страны, если бы ихъ заняли и на-

селила Великобританія. Несомнѣно то, что эпой несчастной землѣ прудно было бы понасть въ руки правителей неискунѣ и жаднѣ нынѣшнихъ.

Послѣдняя глава сего сочиненія, какъ мы уже сказали, извлечена изъ Дневника Консула Соединенныхъ Штатовъ въ Алжирѣ, и содержитъ въ себѣ весьма важныя докуменшы, касающіеся до политическыхъ сношеній Регенства въ послѣдніе годы.

— иѣ.

---

2.

Новѣйшее состояніе Южной Америки.

*Извлечено изъ иностраннаго Журнала 1826 года.*

Съ тѣхъ поръ, какъ прежнія Испанскія провинціи въ Южной Америкѣ: Мексика, Коломбія, ла Плаша и Гвашимала, первою морскою и шорговою Державою признаны независимыми Государствами, и съ того времени, когда онѣ вспунили съ Великобританіею и прежде еще съ Соединенными Штатами, такъ какъ и между собою, во взаимныя дружелюбныя и шорговныя сношенія; съ тѣхъ поръ политическое и мерканшильное сосшоаніе оныхъ спшановишся для Европы

съ каждымъ днемъ важнѣе. Южная Америка состоить нынѣ изъ 9 независимыхъ Государствъ: 1. Мексики, 2. Гванизималы, 3. Колумбн, 4. Перу, 5. Верхняго Перу, 6. Хили, 7. Ла-Платы, 8. Парагвая и 9. Бразилн, которыхъ нынѣшнее состояніе до 1827 года здѣсь сѣдлаешь.

Существующія пеперь еще Европейскія колоніи: Антиллы, Британская, Голландская и Французская Гвіана, находятся въ опаснѣйшемъ положеніи, ибо Негры убѣжавшіе изъ плантацій во внутренніе лѣса и горы, составили тамъ независимыя партіи (какъ-то особенно на Гаити) и нерѣдко бывають опасны своими нападеніями для сихъ колоній. — Жестокое сопротивленіе помѣщиковъ противъ всѣхъ мѣръ, предлагаемыхъ Англіею для законнаго улучшенія бѣдственнаго состоянія Негровъ-невольниковъ, показываетъ, сколь велика опасность, которую помѣщикъ предполагаетъ, ежели хотя немного освободяшь ихъ ошъ сего ига; ибо одно сіе можеть только предохраняшь и дѣйствительно предохраняешь сіи колоніи ошъ пожаровъ, разбоевъ и убійства. — Въ 1823 году происходили возмущенія на Гавань, Мартиникъ, Ямаикъ и въ Демерари (\*); —

(\*) Колонія въ Британской Гвіанѣ.

между ими болѣе другихъ были угрожаемы Испанскія Антиллы, и по сему Испанское Правительство, принявъ въ уваженіе сіе обстоятельство, отправило шуда въ 1825 году вспомогательное войско, а въ 1826 году, корпусъ въ 6000 ч. для защищенія Кубы, ибо въ Колумбн дѣлали пригосовленія для нападенія на Кубу. — Въ Британскихъ колоніяхъ ревностные Миссіонеры, какъ то, священникъ Смишъ въ Демерари, прошивъ воли возмутилъ Негровъ своими проповѣдями; ибо сіи думали, что господа ихъ прошивящія Парламентскимъ и Королевскимъ повелѣніямъ, въ которыхъ будшо бы объявляешя имъ свобода. — Смишша пригворили къ смертной казни, но ошъ умеръ въ шемиць. Король помиловалъ его. — Признаніе независимости Республики Гаитской, въ разсужденіи Французскаго участника на С. Доминго, последовавшее со спороны Франціи, въ силу Королевскаго повелѣнія ошъ 17 Апрѣля 1825 года, даровало вольнымъ Неграмъ и Мулатамъ всѣ права просвѣщеннаго народа. — При семъ Президентъ Бойе повелѣлъ выдлатишь 150,000,000 франковъ, занятыхъ имъ во Франціи, для удовлетворенія убнцковъ бывшихъ хозяевъ плантацій на С. Доминго, Торговыми и дипломатическими сношеніями располагають Генеральный Консуль

и Повѣренный въ дѣлахъ. Французскіе корабли, при приходѣ и отходѣ въ здѣшнихъ гаваняхъ, плащять половиною пошлину проплавивъ шой, какую должны плащить другіе народы.

1) *Мексика* съ 1824 года. Республика сія состоить нынѣ изъ 20 провинцій съ Меридою или Юкатаномъ (46,604 кв. м. безъ Indios barbaros, а съ ними 63,000 кв. м. съ 7,000,000 жителями). Къ союзу съ Мексикою присоединила и большая часть провинці Чіаны въ Іюль мѣсяцъ 1825 года. — Мексиканское союзное Государство, котораго Конгрессъ въ 1826 опять собирался, получилъ только по казни Ишурбида швердое внутреннее основаніе. — Законъ о конституціи былъ принятъ всеми Правителями провинцій 16 Декабря 1823 года, а съ 4 Октября 1824 года, получилъ законную силу. — Конгрессъ присягнулъ въ вѣрности Генералу Гваделупу Викторіа, и избралъ его Президентомъ Республики. 5 Октября, Исполнительный Совѣтъ отдалъ опчетъ народу въ своемъ управленіи, а 29 Октября 1824 года объявилъ Конгрессъ свое засѣданіе заключеннымъ, по совершенному и законному уничтоженію постыднаго шорга Неграми. — Съ того дня началось новое правленіе Республикою, сообразное съ новою Конституци-

ціею. — Независимость оной торжественно признана 1-го Января 1825 года Великобританіею, по случаю чего и открытыя торговля и дипломатическія сношенія между Англіею и Мексикою. — Португалія, Королевство Нидерландское, Швеція и Данія также признали Мексику. Даже Франція рѣшилась вступить въ торговля сношенія съ Мексикою. Въ Мексикѣ опредѣлены были важнѣйшіе торговые агенсы (\*). — И въ день Св. Карла, въ первый разъ развились Мексиканскій и Коломбійскій флаги въ гаваняхъ Франціи. Папа въ 1825 году, 25 Іюля, написалъ письмо, Главѣ правленія сего независимаго Государства, Президенту Викторіи, въ кошоромъ оны, какъ Глава Римской Церкви, дасть ему свое Апостольское благословеніе, и не вмѣшиваясь въ политическія дѣла, принялъ подъ свое покровительство одинъ только дѣла церковныя сего новаго союзаго Государства (\*\*). — Испанія одна

---

(\*) Чшо произведено и въ отношеніи къ Коломбійи.

(\*\*) Левъ XII написалъ прежде письмо (грамату) Мексиканскому народу, дабы возбудить его опять поддаться скипетру Фердинанда VIII, однако жъ шаковое дѣйствіе сдѣлало прошивное вліаніе на народъ; въ слѣдствіе чего Конгрессъ и объявилъ всенародно,

только прошивилась досель (Марша 1826 года) предсавленіямъ Англій (смотри Каннинговъ замѣчанія 25 Марша 1825 года) и совѣту Франціи, признавъ независимость Мексики безъ выгодныхъ для нея условій. — Съ того времени лишилась она и послѣднѣго пункта, котораго еще имѣла въ семь Государствъ — крѣпости Санъ-Жуанъ-де-Уллоа: храбрый Комендантъ оной Коппингеръ, родомъ Ирланецъ, по причинѣ недостатка во всемъ и безъ всякой помощи, со стороны Кубы, принужденъ былъ 18 Ноября 1825 года сдать ее на капитуляцію. — Гавань Вера-Круцъ сдѣлалась черезъ то свободною. — О новѣйшемъ состояніи Мексики извѣстно слѣдующее. Войско въ 1825 году простиралось до 62,000, изъ коего 22,000 считалось линійнаго а 40,000 провинціальной милиціи; содержаніе онаго стоило слишкомъ 16,000,000 піастровъ (\*). — Морская сила (29 кораблей) умножилась взятіемъ Испанскаго линійнаго корабля Азип и фрегата Констанца, и также прикупкою новыхъ Шведскихъ кораблей. — Національный долгъ про-

что Папа не имѣеть права вмѣшиваться въ гражданскія дѣла.

(\*) Піастръ равняется двумъ гульденамъ, а гульденъ (1827 года) рав. 2½ рублями.

спирался до 44.714,563; неутвержденный до 35,560,917; а недостатокъ доходовъ прошивъ расходовъ (дефицитъ) до 7,295,994 піастровъ. По новѣйшимъ отчетахъ Коммисіи Финансовъ, возвысились доходы до 12,377,371 піастровъ, а расходы уменьшились до 10,292,637. Мексика платитъ Англій 6,400,000 фуншовъ стерлинговъ (\*): — Если существующъ недостатокъ по каждое отдѣльное Государство платитъ соразмѣрно, для уравненія оной. — Общій доходъ съ горнаго промысла, который до революціи состоялъ изъ 12,000,000 долларовъ (\*\*) серебра и 1,000,000 долларовъ золота, въ 1822 году уменьшился въ цѣнѣ до 5,543,284 долларовъ. — Для споспѣшествованія сухопутной торговли, между Мексикою и Соединенными Штатами учреждены издвигеніемъ обоихъ Правительствъ повсюду большія дороги. —

2) *Гватимала* избрала также Съверо-Американскій Союзъ образцемъ для своего управленія. — Союзное сіе Государство заключаетъ въ себя со включеніемъ въкопировыхъ округовъ Чіаны 6 большихъ провин-

(\*) Фунтъ стерлинговъ равенъ 10 гульденамъ или 25 рублямъ асс.

(\*\*) Долларъ равенъ піастру.

цій, изъ коихъ каждая отдѣльно управляет- ся; оны сушь: Гватимала, Никарагуа, Коста- рика, Гондурасъ, С. Салвадоръ и Квесаалте- налго. — 5-го Марша 1825 года откры- тый Конгрессъ Союза, (состоящій изъ Сена- та съ 12 членами и предсавительной Камеры изъ 42 членовъ), имѣеть законо- дательную власть, а Президентъ, (Don Manuel José de Arce) избираемый на три го- да, заключаетъ въ своей особъ исполнитель- ную власть. — Онъ избираетъ себѣ прехъ Министровъ и сверхъ того имѣеть при се- бѣ одного народомъ избираемаго, управляю- щаго Совѣтника. — Католическая вѣра есть господствующая. — У Капешоновъ (\*) ошнышы въ преимуществва и права. — До- ходы просшираюшя не свыше 3,500,000 гульденовъ, но не смотря на то, Гватимала сдѣлала въ Англии ссуду на 1,428,571 фун- товъ стерлинговъ. По бюджету просшира- лись расходы за 1825 годъ до 879,568 піа- стровъ. — Постояннаго войска съ земскою милиціею считаешя только 15,000. По Ко- лоніальному закону, Января 1824 года, по- лучають иноспранные поселенцы по просъ-

(\*) Капешоны, въ Испаніи родившіеся бѣлые, имѣ- ли исключительный доступъ ко всѣмъ важнѣйшимъ чиномъ и должностямъ.

бъ полное право гражданства. — Всякому дается 1000 кв. рушень (\*) земли, и на 20 лѣтъ освобождается ошь всякихъ податей и налоговъ. — Невольникъ, по вступленіи на землю Республики, дѣлается свободнымъ. — По новѣйшимъ извѣстіямъ, разведеніе ко- шенили (прежде только въ Мексиканской провинціи Оаксакъ находившейся) здѣсь чрез- вычайное. — Индига (какъ извѣстно, въ Гва- тималѣ лучшаго на Земномъ шарѣ) получено въ одной провинціи С. Салвадоръ на 4,000,000 гульденовъ. Изъ золотыхъ рудниковъ полу- чено 1000 марокъ (\*\*\*) золота. — Правитель- ство совѣтуешя нынѣ съ Англичанами и Съверо-Американцами о прорышніи канала черезъ озеро Никарагуа, для соединенія Ат- лантическаго Океана съ Тихимъ Моремъ. — Исполниское намѣреніе! —

3.) *Коломбія*. — Утвержденіе сего неза- висимаго Государства, кошорато Правленіе (по Уставу ошь 30 Августа 1821) какъ извѣ- стно, есть центральное, а не федеративное, не было пошрясено ни войною въ Перу, съ великимъ напряженіемъ производимою, ни прехлѣвшимъ ошсушшвіемъ Президентша (въ

(\*) Рушень рав. 12 фушамъ.

(\*\*) Маркъ рав. 68 червонцамъ.

1825 году, въ прешій разъ прошивъ воли своей, единогласно избраннаго) Либершато-ра Боливара. — Вице-Президентъ Саншандеръ опшправлялъ его должность. 5-го Апрелья открылъ Коломбійскій Конгрессъ вторичное свое засѣданіе. — Онъ повелѣлъ сдѣлать новый наборъ войска, дабы съ бѣльшимъ напряженіемъ можно было вести войну прошивъ Испаніи, и объявилъ, что беретъ Москитосъ (\*) естъ составная часть Республики. — 20-го Октябрю 1824 года, заключенъ былъ Конгрессомъ, съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки, дружелюбный навигаціонный и торговый трактатъ, на взаимномъ равенствѣ основанный, которымъ вмѣстѣ утверждена и свобода мореплаванія. — По закону отъ 25 Юня 1824 года, Република раздѣлена на 12 департаментовъ, заключающихъ 37 провинцій и 230 каупоновъ. — Интендантовъ департаментовъ и Губернаторовъ провинцій избираетъ и назначаетъ Президентъ. Засѣданіе Правительсва, такъ какъ и собраніе Конгресса, бываетъ въ Боготѣ, доколѣ для сей цѣли не выспрошнся городъ (\*\*), (который будеть

(\*) Къ югу отъ города Трухилло: здѣсь Англичанамъ позволено рубить красильныя деревья.

(\*\*) Начало оному уже положено.

называвшся Боливаръ); впрочемъ въ 1826 году засѣданіе Правительсва было въ Окаль. — Послѣду Папа, по пребыванію Испаніи, въ 1823 году не принялъ въ Римѣ Коломбійскаго Посланника, и позволилъ ему только въ Чивишъ-Веккии (\*) имѣть съ нимъ свиданіе; но посему Република въ 1824 году и объявила Папу лишеннымъ высшей власти и обнародовала шерпимость всѣхъ вѣроисповѣданій. — Инквизицію также уничтожили, и судебная власть Епископовъ ограничивается теперь одними только духовными дѣлами. — Въ отвѣтъ на Папскую грамоту, Правительсво обнародовало ко вѣмъ Интендантамъ циркуляръ, въ которомъ объявлено было, что Члены Коломбійскаго Духовенства, поступающіе по сей Папской грамотѣ, будуть преданы суду и строго наказаны. — Въ Январѣ 1826 года собирался снова опять Конгрессъ. — По согласію Великобританіи, находится въ Лондонѣ Коломбійскій Посланникъ М. У. Гуршадо и въ Боготѣ Бришанскій С. Алекс. Кокборнъ. — Первымъ

(\*) Уже въ Февраль 1826 года позволилъ Папа сему Коломбійскому Агенпу Г. Текадо, имѣть у него аудіенцію въ Римѣ.



заключенъ въ 1825 году 18 Апрѣля, торговый практашъ между Колумбією и Великобританією, по кошорому Колумбійскій Конгрессъ, подь смершною казнію, запрешилъ торговлю Неграми. — Въ сіе же время, 2 Февраля 1825, послѣдовало изъ Боготы отъ Президента Боливара объявленіе ко всеъмъ Американскимъ Государствамъ и къ Бразиліи, чшобы въ концъ сего года 1826, собрашья на общій Конгрессъ въ Панамъ, на кошоромъ Республики, въ войнѣ съ Испанією находящіяся, хошлы ушвердиль постоянный охраняющій союзъ прошивъ Испаніи, и ушановиль общее морское и торговое право, основанное на общемъ навигаціонномъ и торговомъ практашѣ, по правиламъ народнаго права. Доходы Колумби просириались въ 1824 году, до 10,611,000, а расходы Государственныя до 11,430,872 гульденовъ. — Колумбія плашиль ежегодно Англійи 405,000 фуншовъ шерлинговъ проценшовъ съ заняшой ею суммы 6,750,000 ф. шерл. Постояннаго войска считаешся до 35,154. Милиціи до 60,000. — Морская сила состояла въ 1825 году изъ 22 военныхъ кораблей, (изъ одного линійнаго корабля, въ Швеціи купленнаго, 2 кораблей 64 пушечныхъ, 3 фрегатовъ и 16 малыхъ кораблей) и 60 пушечныхъ бошовъ. Все впро-

чемъ основываешся еще на будущемъ; — но положеніе Государства при двухъ моряхъ съ превосходными гаванями и великими ушьями рѣкъ, поддерживаешъ шакъ счастливо единство и силу центральнаго правленія, что Колумбія вскорѣ содѣлаешся шакою же могущественною сухоушною, какъ и морскою Державою. Уже ея корсары спановяшся спрашными для Испанскихъ береговъ. Повсюду проводяшся большія дороги для спосішшествованія хлѣбопашеству и рудоконству. Англійско-Колумбійское Общество для хлѣбопашества и другихъ общенезныхъ предприняшій, подь предѣшательствомъ Г. Гуртадо и Члена Парламентскаго Сирьджемса Меккиншоша, привлекаешъ большое число переселенцевъ въ сію прекрасную и плодоносную спрану. Съ 1825 года, Англичане болѣе другихъ здѣсь уважаемы. Они недавно дѣлали опышы, вычерпашъ шакъ называемое золотое озеро Гуанавиша, въ 4 миляхъ къ сѣверу отъ Боготы, въ кошорое Индѣйцы (\*) при вторженіи Испанцевъ, бросали все свое золото и драгоцѣкныя кам-

---

(\*) Собственныя природныя Американцы, несправедливо шакъ называемые.

ни; однако жъ предпріятіе ихъ не было увѣнчано успѣхомъ.

4) Перу съ 1823 года. Съ того времени, какъ Генералъ Санъ-Маршинъ изъ шумнаго свѣта сего удалился въ мирную Мендозу, вступивъ въ званіе частнаго человека, Перуанское правленіе было въ волненіи. Независимые удерживали за собою Лиму и берегъ; а Испанскій Вице-Король Лазерна защищалъ Верхній Перу и Куско, помощію Генераловъ Валдеза, Каншерака и Оланешы. Судьба Перу зависѣла отъ политическаго характера сихъ четьрехъ мужей: согласно между собою, могли бы они удержашъ Перу за Испанію, и посему Исторія должна обратитъ на нихъ свое вниманіе. Лазерна, Валдезь и Каншеракъ съ примѣрною храбростію ошличались въ войнѣ Испаніи за независимость и свободу, но по возвращеніи Короля, всѣ шрое были подозрѣваемы въ вольнодумствѣ; а посему рѣшились въ 1816 году, для избѣжанія большихъ гоненій, удалиться въ Америку. Лазерна находился при осадѣ Сарагосской, подъ начальствомъ Палафокса, Подполковникомъ Артиллеріи, и долгое время былъ въ плѣну во Франціи, гдѣ онъ усовершенствовалъ свое образованіе и перемѣнился въ мысляхъ. Онъ добровольно предложилъ свои

услуги Генералу Абизбадь въ Американской экспедиціи, и къ удивленію всѣхъ, въ короткое время сдѣланъ былъ полнымъ Генераломъ. Будучи Вице-Королемъ, имѣлъ онъ лучшую волю и неусыпную дѣятельность, но показывалъ нерѣшимельность и часто даже боязливость, что самое причиняло большой вредъ Испанскимъ дѣламъ. Валдезь и послѣ него Каншеракъ имъ совершенно управляли. Но что Лазерна былъ храбрый, неуспрашимый и справедливый воинъ, сего никто оспоривать не можетъ. Каншеракъ былъ бѣдный дворянинъ, изъ города Бордо, и съ малолѣтства находился въ Испанской службѣ. Его дарованія, глубокія познанія и предпріимчивый духъ были весьма уважаемы, но его честолюбія и непримиримости всѣ спрашилися. Валдезь, ученикъ Балластера, блисталъ своимъ умомъ, мужествомъ и дѣятельностію, но, при многихъ превосходныхъ качествахъ, былъ обладаемъ честолюбіемъ и спрастію къ золоту. Оланеза, Бискайскій дворянинъ, уже младенцемъ находился въ Америкѣ, въ Тупизъ, гдѣ занимался рудокопствомъ и долгое время щещенно стремился къ славѣ и золоту. Онъ объявлялъ себя прошивъ Индепенденцовъ, за Испанію, чтобы сдѣлать что нибудь необыкновенное. Хотя онъ безпрестанно былъ разбиваемъ и

побѣждаемъ, но не смонря на то, Мадридской Дворъ пожаловалъ его Полковникомъ, вскорѣ послѣ сего и полнымъ Генераломъ. Онъ командовалъ однимъ авангардомъ Перуанско-Испанскаго корпуса, и въ 1824 году одержалъ блистательную побѣду надъ Генераломъ Санша-Крузъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ собиралъ онъ и несмѣшныя богатства. Конституціонный образъ правленія, введенный Испанією во всѣ колоніи, послужилъ ему только предлогомъ освободиться отъ Вице-Короля Лазерны, отъ Каншерака и Валдеза, и назваться себя истиннымъ защитникомъ Испаніи—распря, подававшая великій успѣхъ дѣламъ Юго-Американскихъ Республикъ. Принужденный на капитуляцію Лазерною, убѣжалъ онъ въ Верхній Перу, собралъ новыя шайки и ими рѣшился воевать противъ Испанскихъ Генераловъ, и, что примѣчательно, все еще во имя Фердинанда VII и даже тогда, когда Лазерна уже возстановилъ опять неограниченную власть Короля! Боливаръ извлекъ изъ сего великую пользу. Наконецъ, когда дѣла Испаніи въ Южной Америкѣ были имъ совершенно испорчены, пуля поразила его въ послѣдней сѣчь за независимость и свободу съ Королевскою парнією, подъ знаменами Колумбійскаго Генерала Сукре.

Сія послѣдняя брань за независимость и свободу Перу, угрожавшая даже политическому бытію Колумбіи и Буэнос-Айреса, отличалася многими ошдѣльными происшествіями, о которыхъ необходимо должно здѣсь упомянуть. Генералы Каншеракъ и Валдезъ совершенно разбили Инсургентовъ, подъ предводительствомъ Алворадо, 19 Января 1823 года, въ странѣ близъ Аррики, а 21 Января близъ Мокуэгка. По извѣстію о семъ пораженіи въ Лимѣ, бывший Министръ Полиціи Д.-Хосе-де-ла-Рива-Агверо овладѣлъ Президентскимъ мѣстомъ Исподлинельной власти. Онъ вскорѣ увидѣлъ себя въ необходимости просить вспоможенія у Республики Колумбійской, которая и отправила Генерала Сукре съ 3000 корпусомъ тогда, когда уже Королевское войско въ 7000 ч. отправлялось противъ Лимы. По сему Рива-Агверо повелѣлъ Генералу Санша-Крузу отправиться водою въ Арквино, дабы дѣйствовалъ въ штыль Королевско-Испанской арміи, и перевелъ собраніе Конгреса 18 Юля изъ Лимы въ Каллао. Но когда Генераль Каншеракъ занялъ Лиму, тогда Перуанскій Конгресъ, противъ воли Президента, отправился въ Трухильо и рѣшилъ, что для спасенія Республики надобно предоставитъ Генералу

Сукре родъ Дикшатуры. Но Президентъ Рива-Агверо сопрошвивался исполнять таковой декрешъ, и посему 23 Юля Конгрешъ лишилъ его Президентскаго мѣста и осудилъ на изгнаніе. Коломбійскій Генераль, отклоняясь отъ шаковой власти, рѣшился на попытку возстановить согласіе между враждовавшими парціями, и угрожалъ ославить Перу, если откроется междоусобная война, ибо часть Перуанскаго войска находилась на сторонѣ Президента, который не только не повиновался сему декрешу, но и разрушилъ Конгрешъ и изъ младшихъ его чиновъ, составилъ Сенатъ изъ 12 членовъ, объявивъ себя главою онаго. Въмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ отъ схватить Министровъ и нѣкошорыхъ Депутатовъ, и заключить въ шемницу. — Прочіе возвратились въ Каллао, гдѣ они себя объявили неограниченнымъ Конгрешомъ, и Маркиза Торремагле (D. José Bernardo Tagle) провозгласилъ Президентомъ Республики.

Въ сіе время Генераль Каншеракъ принужденъ былъ оставить Лиму 16 Юля, будучи угрожаемъ съ обоихъ своихъ фланговъ Генералами Санша-Крузъ и Сукре. Конгрешъ возвратился опять туда 6 Августа, между тѣмъ, какъ Рива-Агверо продолжалъ въ Трухильо высшую власть приводить въ

дѣйствіе. Генераль Сукре двинулся противъ Куско, а Санша-Крузъ разбилъ 25 Августа при Тамбульо Генерала Оланешу, въ Верхнемъ Перу, между тѣмъ, какъ Боливаръ самъ, 1-го Сентября, съ 3000 свѣжаго войска вступилъ въ Каллао. — Лима встрѣтила Боливара, какъ Государя. — Конгрешъ вручилъ ему власть попушить гражданскую вражду съ Рива-Агверою, при чемъ Боливаръ написалъ слѣдующее примѣчательное письмо къ Экспрезиденту: „Болапарше въ Европѣ, Ипурбиде въ Америкѣ, всякой въ своей сферѣ, принадлежащъ къ необыкновеннѣйшимъ явленіямъ новой Исторіи; но не смотря на то, не избѣгли паденія — слѣдствіе коварной политики, которою они осквернили храмъ Законовъ и свящность правъ общества. — Вы, Милосливый Государь, ко всему шому присовокупили еще гнуснѣйшую несправедливосшь противъ лица Министровъ. Невозможно, чтобы вы могли остаться равнодушнымъ при всеобщемъ негодованіи, возбужденномъ вашимъ насиліемъ въ Трухильо — это чернѣйшее пятно, на Юго-Американской революціи, и оскорбленіе всемъ классамъ правдолюбивыхъ гражданъ.“ — Съ симъ вмѣстѣ предложилъ отъ ему свое примиреніе на благопріятнѣйшихъ условіяхъ, однако жъ безъ права вступить опять въ прежнее дощо-

днсиво. — Послѣку Рива-Агверо далъ уклонительный отвѣтъ, по Конгрессъ и вручилъ Боливару, въ Октябрь 1823 года, высшую военную власть и неограниченное право пенсись о потребностяхъ войска и Государства, — оны наименовалъ его Генераль-Капитаномъ, защитникомъ Республики и Главнымъ Директоромъ войны, съ шилдомъ Libertator. — Сие чрезмѣрное опалчиче возбудило чешолобиче ишкошорыхъ Перуанскихъ офицеровъ, и Рива-Агверо приобрѣлъ многихъ на свою сторону; шакже приглашалъ оны къ себѣ изъ Мендозы Генерала Санъ-Маршина, чшобы съ нимъ раздѣлшшь верховную власть; по сей, подобно Боливару, ошвергнулъ его предложеніе. — Вскоръ послѣ сего, прешерпѣлъ Санша-Крузъ ишкошолько поражений ошъ Валдеза и Оланешы при Десагадеро, особенно 13 и 15 Сеншября, ибо оны слшшкомъ далеко проникъ въ шылъ Лазерны, и слшшкомъ раздѣлшшь свое войско; пршхомъ многіе и лучшче офицеры его измѣнили ему, и оны едва толькоч спашся съ небольшимъ ошрядомъ коншцы. — Теперъ Боливаръ соединилъ свое войско, къ коему присоединилсъ въ Октябрь еще 1800 ч. Хиліошовъ при Арикъ и между Лимою и Пискою, и ошправилсъ съ Коломбійскимъ войскомъ въ Трухилью, гдѣ Рива-Агве-

ро, разбишый Боливаромъ и всѣми ошпаленный, ошдался 25 Ноября на волю побѣдштеля. Боливаръ ошправилъ его въ Гваквилъ на зашоченіе. — Въ продолженіе сего времени, начершалъ Перуанскій Конгрессъ въ Лимѣ 20 Ноября, сходный съ Сьверо-Американскимъ и съ Коломбійскимъ, образъ правленія, кошорый однако жѣ не имѣлъ еще законнаго дѣйствія, доколъ продолжалася Дикшатура Боливара. — Въ продолженіе ишкошолькихъ мѣсяцевъ ничего рѣшштельнаго не предпринимали, ибо Либершаторъ съ 10—12,000 войскомъ, принужденъ былъ защищашъ спрану (ошъ 4 до 300 м. пр.), коей жштели ошспунили ошъ Коломбійцевъ. — Лазерна, напрошшвъ шого, имѣлъ въ Верхнемъ Перу болѣе 20,000 войска, и пршхомъ все Перуанцовъ; но и оны не могъ предпршншшь ничего важнаго пршшвъ Лимы, ибо Генераль Оланеша, по извѣшю о вторженіи Французскаго войска въ Испанію пршшвъ Кадикса, гордася побѣдою своею надъ Инсургеншми при Орурь, объявилъ себя главою Абсолушшшовъ, и явился пршшшникомъ Лазерны. — Лазерна въ 1821 году свержнулъ Вице-Короля Пешуелу, кошораго другъ былъ Оланеша, и провозгласилъ въ Перу Коншшшуцію Кормессовъ; съ шѣхъ норъ Оланеша былъ непршмиримымъ врагомъ

Лазерны. Сверхъ шого останавливали продолженіе войны въ 1824 году, договоры Боливара съ Вице-Королемъ, по которымъ независимость Перу должна бысть признана; шакъ какъ и намѣреніе нѣкоторыхъ Роялистскихъ Генераловъ удержашъ ненарушимо Конституціонное правленіе въ Перу. — Накопещь Испанско-Перуанская армія совершенно раздѣлилась. Съверное войско, подъ предводительствомъ Каншерака, отправилось прошивъ Лимы; южное, подъ начальствомъ Валдеза, заняло провинцію Арекивиу, а Бригадиръ Д. Антонио Пепро Оланеша Потозу. — Боливаръ же ожидалъ въ Лимѣ подкрѣпленія изъ Колумби, ибо одна партія и самый Президентъ Торрешагле скрышно ему прошиводѣйствовали; вдругъ, 5-го Февраля 1824 года, гарнизонъ Калаоскій, подъ предлогомъ невыдачи жалованья, взбунтовался и 9-го подъ предводительствомъ Полковника Д. Касо-Ирухо, шамъ водрузили Испанское знамя и Испанскимъ кораблямъ, запершымъ въ гавани, открыли оную. Въ сей опасности, Конгрессъ, 10 Февраля передалъ неограниченную Диктатуру Боливару, а Маркизь Торрешагле пересшаль бышь Президентомъ. — Конгрессъ закрыль свое засѣданіе, и 27 Февраля Боливаръ оставиль Лиму, которую Каншеракъ

29 опять заняль. — Торрешагле перешель къ Королевскому знамени и содѣлался Вице-Губернаторомъ. Въ сіе же время, 21 Февраля, Оланеша, во имя самодержавнаго Короля Фердинанда VII, объявилъ себя публично прошивъ Лазерны, Валдеза и Каншерака; напалъ на Генерала Ласъ-Гераса, Губернатора Потозскаго, и силою овладѣль его мѣстомъ. — Съ своей стороны и Лазерна въ Куско и Марша, уничтожилъ Конституціонную систему, получивъ извѣстіе о сдачѣ города Кадикса, сложилъ съ себя, въ свѣдѣніе Королевскаго декреша изъ Пуерто-Санто-Марці, должность Вице-Короля, потому что она ему дана во время Правленія Коршесовъ, и провозгласиль Каншерака, какъ старшаго Генерала, Главнокомандующимъ Королевскаго войска. — Друзья и приверженцы его согласились на сіе, — непріятели же его шмъ болѣе ободрились. Прежде сего еще, 9 Марша, Валдезь опчасши возстановиль согласіе съ Оланешою, которому Лазерна позволиль ему бышь главнымъ Начальникомъ въ провинціяхъ Харкасъ и Потози. — Но честолюбивый Оланеша 20 Іюня снова объявилъ себя прошивникомъ Лазерны и его сообщниковъ, которыхъ называлъ онъ преступниками прошивъ Бога и Короля. — Ощъ сего, произошла между роялистами междоусобная война,

въ кошорой Оланеша нѣсколько разъ былъ разбиваемъ, но не покорился. — Такимъ образомъ Оланеша оказалъ дѣламъ Боливара величайшія услуги, не находясь никогда, какъ думали въ Европѣ, съ нимъ въ шайной связи. Между шѣмъ возвратился Боливаръ въ Трухильо, гдѣ онъ провозгласилъ Д.-Хозе-Санхесъ-Каррiona Миниспромъ, и опять возснанивилъ войско; пѣхоту ошдалъ подъ начальство Генералу Сукре; конницу Генералу Никохсъ, а Генерала Санша-Круза сдѣлалъ Начальникомъ своего Генеральнаго Шшаба. Послѣ сего завлекъ онъ искусшвенными маршами Генерала Каншерака въ равнину Юинь, гдѣ 6 Августа совершенно опразилъ нападеніе главной Испанской конницы. Пошомъ принудилъ онъ непріятеля 26 Августа ошавишь Лиму; но Генераль Родиль бросился въ крѣпость Каллао. Послѣ многихъ маршей и небольшихъ ошибокъ удалось наконецъ Генералу Каншераку соединишь сѣ приближавшимся Валдезомъ близъ Лимакуске, въ 25 миляхъ ошь Куско. Сіе вдругъ дало другое направленіе войнѣ. Лазерна (между шѣмъ, какъ Боливаръ въ Лимѣ изъ Панамы собиралъ новыя подкрѣпленія) съ 12 000 войскомъ напалъ на Инсургентшовъ 3 Декабря близъ Матары, а Сукре съ пошереею ошспушилъ въ выгодѣйшее положеніе близъ

Гвамангвиллы или Аякухо, гдѣ онъ съ войскомъ своимъ, просширавшимся не болѣе, какъ до 5700 ч. ожидалъ непріятеля, кошорый 9 Декабря съ 9310 ч. и напалъ на Коломбійско-Перуанское войско. Сіе сраженіе при Аякухо (3 Декабря 1824) рѣшило судьбу Южной Америки. Коломбійцы, предводилельспвуемые Генералами Сукре, 24 льшимъ Генераломъ Кордобоею и Генераломъ Лароею, одержали блисшательную побѣду. Вице-Король Лазерна и Валдезь оба были ранены и взяты въ плѣнь, 6 Испанскихъ Генераловъ и 2600 в. были ранены и убиты, и Каншеракъ еще на бранномъ полѣ подписалъ капитуляцію, по кошорой онъ съ ошпанкомъ войска слагаетъ оружіе и сдаетъ весь Перу до самаго Десагвадеро (слѣд. и Каллао) Республиканцамъ. Побѣдители лишились одного Генерала, 8 офицеровъ и 300 солдатъ. Впрочемъ Родиль сопрошвился въ Каллао, и защищалъ сію крѣпость и гавань еще въ началѣ 1826 года. Лазерна, Валдезь и Каншеракъ ошправились на корабль въ Испанію. По повелѣнію Боливара, сооруженъ на полѣ сраженія, въ воспоминаніе сего незабвеннаго, всею Южной Америкою празднуемаго дня битвы при Аякухо — Юго-Американской Сарашогъ — монументъ

съ именами корпусовъ въ ней сражавшихся, и съ бюспомъ Генерала Антонио Сукре. Оланета собралъ ошашки Королевскаго войска, около 7000 ч., и защищался еще нѣсколько времени въ Верхнемъ Перу близъ Понози и Оуру; но въ 1825 году былъ совершенно побѣжденъ Генераломъ Сукре, и Верхній Перу сдѣлался черезъ то независимымъ. Конгрессъ Перуанскій собрался 10 Февраля 1825 года. Боливаръ сложилъ съ себя диктатуру и великодушно отказался отъ всѣхъ подарковъ, поднесенныхъ ему Конгрессомъ; однако жъ, по представленіямъ Конгресса, что Правленіе еще не утверждено, принялъ онъ на себя диктатуру 12 Февраля еще на одинъ годъ; впрочемъ верховную власть раздѣлялъ онъ вмѣстѣ съ управляющимъ Совѣтомъ, подъ предѣлательствомъ Генерала Сукре. Въ случаѣ войны, грозившей возгорѣться между Бразилією и Ла-Платою, поставилъ онъ въ Верхнемъ Перу на границахъ обоихъ Государствъ, охранительное войско подъ начальствомъ Генерала Сукре. Какъ скоро Кадлао, котораго гавань заперта Перуанскими и Хиліотскими военными кораблями, подъ предводительствомъ Адмирала Гвиза (Guise) будетъ взята, и правленіе Перу, собравшимся 10 Февр. Конгрессомъ будетъ преобразовано, тогда Боливаръ возвратится опять въ Ко-

ломбію. Его постоянный соупникъ есть его Генераль-Адьютантъ, сынъ Сиръ Роберта Вильсона. Въ память Боливару, Конгрессъ велѣлъ выдать медаль, и конная его статуя будетъ воздвигнута въ главномъ городѣ. Внутреннее состояніе Перуанской Республики мало по малу преобразовывается. Въ Англіи сдѣлана она заемъ въ 1,816,000 фуншовъ стерлинговъ. Перу для новыхъ Американскихъ Государствъ есть сердце политическаго шѣла; сямъ объясняются тѣ напряженія и усилія, которыя Колумбія, Буэнос-Айресъ и Хили употребляли для свободы и независимости Перу, какъ на сухомъ пуши, такъ и на морѣ. Золота, по извѣстію Гумбольдта, въ началѣ 19 столѣтія получалось тамъ ежегодно 3,400 марокъ, а серебра 611,000.

5) *Верхній Перу* (Peru alta), нынѣ *Боливія*. Послѣ опустошенія Оланетою, возстановленное Колумбійскимъ Генераломъ Сукре независимое Государство (15—22° южной широты) во внутренней Америкѣ, при восточномъ склоненіи Андскаго хребта. Съ сѣвера и запада окружено Нижнимъ Перу, съ востока Бразилією и на югъ Ла-Платою. Диктаторъ Боливаръ предоставлялъ сямъ провинціямъ на произволь, приставъ къ Ла-Платѣ, или составивъ



особенное независимое Государство. Онъ избрали последнее, и 6 Августа 1825 года объявили себя независимыми. 11 Августа, приняло новое независимое Государство название Боливии и главный городъ наименовали Сукре, въ честь побѣдителя при Аякучо. Оно заключается въ себя провинціи Ла-Пацъ, Кохакамбу, Санта-Крузъ, Потози и Харкасъ, съ главнымъ городомъ Потози, нынѣ Сукре (мѣсто правленія съ 30,000 ж.). Верхній Перу находится въ соединеніи съ Нижнимъ Перу посредствомъ рѣкъ Бени, впадающей въ Мараньонъ (Амазонскую рѣку), Пилкомаю и Вермехо въ Ла-Плачу, и черезъ Десагвадеро, впадающей въ озеро Титикака. — Пространство сего Государства составляетъ оны 10 до 12,000 кв. м.

6) *Хили*. Безпрестанные внутренне раздоры и возмущенія препятствуютъ сей Республикѣ въ политическихъ ея успѣхахъ. Триумвиратъ Пуерредона, С. Мартина, и Огиггинса, утвердилъ за симъ послѣднимъ, мѣсто главнаго Правителя Республики. Въ 1822 году возсталъ противъ него новое возмущеніе. Обвиняли Огиггинса и его Министровъ въ томъ, что они всѣ власти въ Государствѣ присвоили себѣ, замедляющъ собраніе Конгреса, поддерживающъ интересъ торговли на счетъ земледѣ-

лія, возвышающъ прямыя подати, уменьшающъ пошлины и наконецъ слабый, но добродушный Огиггинсъ, принужденъ былъ жителями и присущенными мѣстами главнаго города Санъ-Яго 28 Января 1823, сложить съ себя свое достоинство, и вручить верховное управленіе временной Юстиці, состоящей изъ трехъ Государственныхъ правителей. Онъ возвратился въ Вальпараисо, гдѣ онъ домогался опять овладѣть верховною властію, но Генераль Фрейеръ, бывший начальникъ прошивной парціи, 28 Января, повелѣлъ его схватить. Генераль Фрейеръ отправился съ своими войсками 22 Февраля въ Санъ-Яго, и созвалъ избирательное собраніе для избранія депутатовъ Конгреса, который въ 1823 году въ Августѣ мѣсяцъ, собрался и провозгласилъ Генерала Фрейера верховнымъ Правителемъ. Фрейеръ потчасъ отправилъ отрядъ Хиліосовъ на помощь Перуанцамъ и съ Республикою Колумбійскою заключилъ 21 Октябрю 1823 года, союзный трактатъ. Отправленная противъ Испанскаго острова Хилео, экспедиція не была увѣчана успѣхомъ: Испанскій Генераль Гванипанцала принудилъ Хиліоское войско, въ Апрель 1824 года, по великой потерѣ, състѣ на свои корабли и возвратился. Бо-

ливарь жаловался на то, что ему не дали знать о севе въ Перу. — Вскорѣ внутренніе раздоры сколько причинили непріятностей Генералу Фрейеру, что онъ объявилъ Сенату, что оставяешь должность Верховнаго Директора, и принимаешь на себя только начальство надъ войскомъ. Однако жь Сенатъ не принялъ его предложенія, и вызвался переменить несовершенныя статьи Конституціи; но Министры наши всю Конституцію несовершенною. Поелку Сенатъ не могъ ошвѣчать на сеичего рѣшительнаго, по одна часть народа избрала временнаго Губернатора, Фуеншаквиллу, который немедленно созвалъ народное собраніе. Оно объявило, 19 Іюля 1824 года, Генерала Фрейера снова Директоромъ Республики и опредѣлило уничтожить Конституцію 1823 года, также и Сенатъ. Пошомъ учреждена Коммисія для поправленія и дополненія Конституціи 1818 года. — Генералъ Фрейеръ, какъ сильный и некорысполубивый мужъ, всеми уважаемый, пользовался между шѣмъ своею неограниченною властью, не смотря на всѣ безпорядки и возмущенія, кои онъ неоднократно (въ послѣдній разъ въ 1825 году, въ Октябрѣ, въ Санъ-Яго и Валпарайсо) счастливо

во умѣлъ ушущипь; преимущественно дѣйствовало Духовенство, управляемое Папскимъ Викаріемъ Жуаномъ Мушци, въ разрушеніяхъ республиканскихъ учреждений, такъ, что Правленія Соединенныхъ Штатовъ и Великобританніи жаловались на духогоненія Духовныхъ. Принявъ въ уваженіе сіи обстоятельства, Правленіе Хилійское въ разсужденіи Духовенства установило слѣдующія постановленія: собщенность Церкви послушила въ пользу казны; Духовенство за то получаетъ опредѣленное жалованье; монахамъ позволено оставитъ свои монастыри, и покуда не сыщутъ себѣ духовнаго мѣста, получаютъ она денежное вспоможеніе; ни въ какой части Республики, не должно быть болѣе одного монастыря ордена. Папскій Викарій (нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, изъ Буэносъ-Айреса высланный) изгнанъ изъ Республики. Въ 1824 году, 29 Октября, землетрясеніе опустошило часть сей земли, и также городъ Конлопо совершенно разрушенъ. Финансы Республики въ весьма худомъ состояніи; въ Англій заняла она 1,000,000 ф. ст. съ кошой суммой платитъ 60,000 процентовъ. Войска счисляется 8,400, милиціи 28,000. Морская сила состоитъ изъ 2 большихъ кораблей и 22 малыхъ. Въ концѣ 1825 года

предпринята прошивъ острова Хилое новая экспедиція, кошорой успѣхъ еще неизвѣстенъ. — Между жителями Хили отличаются особенно Индѣйцы; они находятся, за исключеніемъ нѣкоторыхъ горныхъ поколѣній, на такой высокой степени образованія, что скоро займутъ свое мѣсто между Государственными гражданами; даже Негры - невольники (40,000), гораздо образованнѣе невольниковъ Бразиліи; съ ними поступаютъ гораздо лучше прежняго, и они служатъ въ войскѣ. По извѣстію Гумбольда, добывается ежегодно золота 22,212 марокъ, и серебра 29,700 марокъ, цѣною на 2,600,000 піаспровъ. — Впрочемъ горный промыселъ въ новѣйшія времена пришелъ въ упадокъ, и почти весь находится въ рукахъ Британскихъ купцовъ.

( *Продолженіе впереди.* )

### 3.

Путешествіе и пребываніе въ Греціи Джемса Эмерсона въ 1825 году.

( *Окончаніе.* )

По прибытіи нашемъ въ Наполи ди Романию, мы не мало были обрадованы извѣстіемъ, что въ семь городъ находится нѣсколько превосходныхъ гостиницъ; не смотря на то, къ величайшему удивленію на-

шему, мы были введены въ комнату, въ кошорой кромѣ чепырехъ спяшь ничего не было: не нашедъ въ ней ни постели, ни сполоа, ни стула, мы должны были довольствоваться пѣмъ, что привезли съ собою. Въ то время не было другихъ Филадельфовъ въ Навплии, кромѣ двухъ Испаліанскихъ Графовъ Порро и Санша-Роза; первый намѣренъ былъ остановиться въ городѣ, въ качествѣ Члена Совѣща; другой хотѣлъ отправиться въ лагерь: вошъ единственный способъ, коимъ иностранецъ въ нынѣшнее время можеть сделаться полезнымъ, если онъ съ помощію богатства и дарованій не можеть овладѣть кормиломъ Государственныхъ дѣлъ; въ такомъ мужѣ напомнимъ величайшая нужда (\*). Всякъ же, кто въ качествѣ проспаго солдата вступитъ въ ряды необразованныхъ войскъ, (кошорыя привыкли повиноваться однимъ своимъ Полководцамъ), можеть принести только пользу личною службою, въ чемъ онъ также долженъ уступить первенство тамошнимъ уроженцамъ, кошорые легче могутъ сносить недосыпанки и опасности, сопряженныя съ междоусобною войною. Все его старанія способствовать успѣхамъ правленія, были бы приняты съ

(\*) Нынѣ сей мужъ найденъ. *Изд.*

неудовольствіемъ и оспалился бы щещными, а онъ самъ подвергся бы всѣмъ малодушнымъ кознямъ своихъ со товарищей. Всеобщее безпокойство въ нынѣшнемъ крипическомъ положеніи, служило естественнымъ препятствіемъ для усилій тѣхъ, которые имѣють цѣлю облагородить образъ мыслей и правленія въ Греціи, и сколь это предпріятіе само по себѣ ни важно, однако же оно на время должно быть отложено, пока не утвердится колеблющееся бытіе ея. Теперь же оказавъ существенную услугу Грекамъ можешь только поощрять, кно богачествомъ своимъ въ сословіи купишь привязанность войска, умѣешь начальствовать онымъ, соединяешь враждующія партіи, и званіемъ, характеромъ и вліяніемъ своимъ приобращаешь содѣйствіе Правительства. Кно не соединяешь въ себѣ всѣхъ сихъ качествъ, поощривъ обманешся въ предположеніяхъ своихъ на счетъ пребыванія въ Греціи, и безъ нужды подвергнешся опасностямъ.

Однажды, при выходѣ изъ Паламидскихъ воротъ, представилось взору моему зрѣлище, котораго я никакъ не ожидалъ въ землѣ Христіанской. Я увидѣлъ мертвые трупы двухъ Арабовъ, которые гнили во снѣгахъ отъ обитавшей части города, ибо предрасудки не позволяютъ Грекамъ бро-

сить горсть земли на шѣла невѣрныхъ враговъ.

Я посѣпилъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ намѣреніи вручить ему письма, и уже въ 12 часовъ нашелъ его за обѣденнымъ столомъ. Я долженъ былъ ждать въ другой комнатѣ, пока онъ опобѣдаешь; множеству дорогихъ кушаньевъ, которыя носили шуда и сюда, подали мнѣ хорошее понятіе о вкусѣ сего Министра. Однако же я долго дождался; меня ввели въ другую комнату, великолѣпно убранную шелковыми подушками и драгоцѣнными коврами, куда пошчасъ пришелъ и хозяинъ дома; онъ сѣлъ на софу по - Турецки; намъ подали кофе и мы занялись нашими дѣлами. Нѣга и сластолюбіе выражались на лицѣ его, а взглядъ его показывалъ большую недовѣрчивость. Весьма жаль, что общоуправленіе принуждають Грецію въвѣрять важнѣйшія Государственныя должности такимъ людямъ.

Между тѣмъ пришло извѣстіе изъ Наварина, что непріятель 28 Марша сдѣлалъ на городъ нападеніе, которое было отражено усилиями Карачассо и Иванно, младшаго сына Пешро-Бейя. Однако же первый едва спасень былъ изъ рукъ окружившихъ его непріятелей, а послѣдній получилъ рану, которая, бывъ дурно лечена, сдѣлалась для не-

го смертельною; въ то же время уведомлялъ Гура, что онъ имѣетъ надежду схватить Одиссея, совершенно оставленнаго своими войсками. то Апрель, въ день Пасхи, Навилія облеклась въ новую блистательную одежду. Сей важнѣйшій въ Греческой Церкви праздникъ, торжествующъ здѣсь съ величайшими знаками радости. Поеліку симъ днемъ оканчивается постъ, по наканунѣ было заколото множество овецъ и козь, и изъ всѣхъ домовъ несся запахъ жаркаго и пирожнаго. Всѣ жилили одны были въ праздничныя платья, и встрѣчаясь съ знакомыми, привѣтствовали другъ друга поцѣлуями, повторяя слова: Христось воскресе!

Со всѣхъ баштарей палили изъ пушекъ, и грому ихъ непрерывно отвѣчали ружейными и пистолетными выстрѣлами. Въ такихъ случаяхъ Греки обыкновенно спрѣлаюшь пулями, и сіе легко можеть имѣть несчастныя слѣдствія. Одинъ человекъ былъ застрѣленъ въ окнѣ своего дома, другой шажело раненъ. Вечеромъ была большая церемонія на площади, гдѣ собрались и всѣ Члены Правленія, ослушавъ обѣдню въ церкви св. Георгія. Законодательная Палаша, какъ многочисленнѣйшая, построилась въ ряды, между нѣмъ, какъ Члены Исполнительной Палашы, проходя мимо оной, рас-

почали поцѣлуи, которые большею частію, были принужденные, по причинѣ царствующей между паршіями ненависти.

Спуская нѣсколько времени послѣ того, прибылъ изъ Миссолонги курьеръ съ довольно маловажнымъ извѣстіемъ. Макриновскіе проходы, чрезъ которые, какъ предполагали, Румели-Валиси проникнешъ въ Западную Грецію, были ввѣрены защитѣ храбрѣйшихъ Генераловъ Ношо-Бойцари, Кароассури и Золиги; но ни одинъ изъ сихъ постовъ не былъ защищенъ, какъ слѣдуетъ; непріятель всею силою своею ворвался въ Западную Грецію; вся страна къ сѣверу ошъ Ахелоя была открыта его опустошеніямъ. Жители многихъ деревень искали убѣжища въ Кадамось, гдѣ Англійскій Резидентъ человеколюбиво принялъ ихъ; а Сенатъ Западной Греции старался занять прочіе многочисленныя пунни, дабы какъ возможно долѣе воспрепятствовать непріятелю, приблизившись къ Миссолонги.

На второй день Пасхи, въ прелестнѣйшую погоду, представилось на полѣ, лежащемъ къ востоку ошъ города, живое, прилипное и торжественное зрѣлище. Здѣсь сидѣли на правѣ женщины въ убранствѣ и внимали звукамъ гитаръ и флейшъ; шамъ

всадники показывали искусство свое на красивых Арабских конях; хоры музыкантовъ вездѣ были окружены танцующими, между шъмъ, какъ идеально одѣшныя и увѣчанныя цвѣтами дѣши прыгали и играли около веселыхъ родителей своихъ. При видѣ сего всеобщаго удовольствія, кто бы могъ подумать, что спрана сія изнемогаетъ подъ бременемъ войны, или, что въ семействахъ, насъ окружавшихъ, едва ли было одно, которое не оплакивало бы потери любимаго брата или родственника. Впрочемъ хорошо и то, что люди могутъ иногда предаваться забвенію своихъ несчастій.

Политическія происшествія, о коихъ извѣщаемо было въ печеніе нѣсколькихъ недѣль послѣ того, были незначительны. Президентъ и Князь Маврокордашо прибыли въ Наваринскій лагерь, и заняли позицію вблизи онаго. Войска въ распоряженіи Правительства считалось до 25,000 человекъ, однако же сего числа никогда точно опредѣлить нельзя; пошому что многіе воины уходятъ на родину повидаться съ своими семействами, и возвращающся, какъ и когда имъ заблагоразсудится; также нельзя полагаться и на слова Капипановъ, которые не стыдящся въ дописаніяхъ своихъ преувеличивать число находящихся у нихъ солдатъ, чтобы

получать болѣе раціоновъ и жалованья. Греческій флотъ раздѣлялся въ то время на двѣ эскадры. Первая состояла изъ Ипсаріонскихъ и нѣсколькихъ Идріонскихъ кораблей, всего изъ 22 военныхъ судовъ и 8 брандеровъ, и крейсировала около мелкихъ оспрововъ и Мишилены для наблюденія за Турецкимъ флотомъ, споявшимъ близъ Галлиполи и ожидавшимъ прибытія Капудана-Паши. Другая состояла изъ 26 большихъ кораблей и 6 брандеровъ подъ начальствомъ Міаули, и развѣзжала у мыса Матапана и оспрова Церигго, наблюдая за движеніями Египетской эскадры, коюрой ожидали со вспомогательнымъ войскомъ. Ежедневно приводили въ Навплийскую гавань Австрійскіе, Іонійскіе, даже Англійскіе корабли, нагруженные Турецкимъ хлѣбомъ и запасами, въ видѣ призовъ. По бумагамъ ихъ, подписаннымъ Консулами, они всѣ назначены были на Іонійскіе оспрова; однако же или признаніе Капипановъ, или иное обстоятельство всегда измѣняло имъ. Нѣкоторые изъ нихъ были потребованы назадъ, и не смотря на то, что на нихъ безъ сомнѣнія была Турецкая собственность, они были возвращены пошому, что ихъ бумаги найдены въ порядкѣ. Когда распространились слухи, что Наваринъ взятъ, Триполица въ рукахъ Египтянъ, а Навплия осаждаещ-

ся съ земли и съ моря, 3 Австрійскіе корабли, нагруженные припасами для непріятелей, вошли 13 Апрѣля въ Наваринскую гавань; чшобы обмануть ихъ, Комендантъ приказалъ поднять красный флагъ, и попомъ объявилъ ихъ призами и велѣлъ выгрузить въ пользу гарнизона.

21 Апрѣля прибылъ въ Навилію корабль изъ Лондона съ 20,000 ф. ст. въ число первого и 40,000 ф. ст. въ счетъ второго займа, въ сопровожденіи Графовъ Прикіо и Гамбы, агентовъ Г. Риккарда. Такія посылки распространяють всегда живѣйшую радость между Греками, которые не имѣють яснаго понятія о томъ, чшо есть заемъ и полагають, чшо это только Европейскій образъ дѣлать подарки. Немедленно по прибытіи сего корабля, началась обыкновенная стрельба изъ пушелоновъ; на слѣдующій вечеръ перенесли деньги въ городъ, причемъ на площади играла полковая музыка и народъ восклицалъ: Благослови Господи Англійскаго Короля! Да здравствуетъ Король Георгій!

Вскорѣ по прибытіи Графа Гамбы, посылить его старый Румелионъ, Капнишанъ Дмитрій, принадлежавшій къ числу приверженцевъ Лорда Бейрона. Онъ ижно обнялъ Гамбу и прослезился, когда упомянулъ о Бей-

ронъ, увѣряя, чшо въ немъ онъ потерялъ отца, а Греки лучшаго друга. Онъ рассказывалъ о немъ съ чувствомъ и языкомъ поэзіи. Говоря о надеждахъ, пробужденныхъ въ сердцахъ Грековъ славою Бейрона, онъ сказалъ: когда мы услышали, чшо великій Англійскій вельможа прибылъ къ намъ на помощь, то ожидали его, какъ юныя ласночки ждуть матери. Онъ явился, далъ намъ совѣты и жизнию, и когда онъ скончался, то мы какъ бы внезапно ослѣпли, и одно только чшо можеть сравниться съ нашею горестію о его потерѣ, есть забота о будущей судьбѣ нашей. Вошь, какъ Греки обыкновенно выражаються о Бейронѣ; это служить доказательствомъ, чшо они признательны къ своему благодѣтелю, хотя враги ихъ и утверждаютъ, чшо они оплакивають его болѣе съ печали, чшо ихъ надежды не сбылись, чѣмъ изъ благодарности къ усопшему.

Подъ конецъ Апрѣля и въ началѣ Мая ежедневно приходили важныя извѣстія съ той и съ другой стороны. Гура уведомилъ Правительство, чшо Одиссей сдался и какъ пѣльникъ опшеденъ въ Аѣнскую крѣпость. Впрочемъ я не думаю, чшо бы сей несчастный Капнишанъ имѣлъ намѣреніе перейти на сторону Турокъ, ибо въ шакомъ случаѣ онъ

вступилъ бы въ переговоры съ лицами важнѣе Паши Негропонскаго; я полагаю, что онъ хотѣлъ распространить власть свою, и сдѣлаться независимымъ отъ Греческаго Правительства; пошому что онъ съ Пашею договаривался только, о сдачѣ ему ошрова Негропонна. Изъ Миссолонги пришло извѣстiе, что Генералъ Спурнари принялъ главное начальство, и сдѣлалъ распоряженiя для защиты крѣпости, а изъ Наварина, что 19-го числа происходило весьма важное дѣло. Египтяне расположились лагеремъ съ восточной стороны города и къ югу отъ укрѣпленiй построили башшарю; съ кошорой производили непрерывный огонь 18 числа вечеромъ узнали въ крѣпости, что Египтяне готовящiя къ приступу, и пошому приготовились къ оборонѣ; однако же Спурдза замедлилъ построить необходимые шанцы и линiи, за коими Греки могли бы держаться; и пошому, хотя Констаншинъ Боццари, братель Марка, и послѣдилъ къ нему на помощь, но линiя, за кошорой онъ командовалъ, была разбиша ошрядомъ Мамелюковъ, при чемъ Греки лишились 200 человекъ и 6 Капшановъ, изъ коихъ 2 взяты были въ плѣнъ. На другой день счастье было Грекамъ благосклоннѣе: Турки приступили къ спѣнамъ, но гарнизонъ, съ по-

мощiю ошряда Аркадiйцевъ, напавшихъ на нихъ съ тылу, опсразили ихъ съ пошерю 100 убишыхъ и 20 плѣнныхъ, овладѣвъ построенною вновь башшарюю и заколошши находившiяся на оной пушки. Осада продолжалась обыкновеннымъ порядкомъ; непритель поставилъ новыя пушки на башшарюю и производилъ безпреспанную пальбу по городу, однако же это ни къ чему не послужило. Къ несчастию несогласiе все еще царшвовало въ Греческихъ войскахъ, и Румелионы, проходя чрезъ Морею, поступали весьма насильшвенно съ крещьянами; со времени ихъ прибышiя въ лагерь не произведено было ни одного дѣйшвиа совокупными силами, а разбише ошряда Боццари, 19 числа, кошорое приписывали нераднiю и шрусости Морейцевъ, еще усилило междоусобную вражду. Влiянiе самого Президентша не могло укрощить оной, и когда Морейцы узнали о прибышiи Турокъ къ Миссолонги, шо они удалились для защиты собешвенной родины и предоставили защиту Наварина гарнизону и войскамъ полуострова. Между шьмъ Морейцы съ жаромъ спѣшили къ оружию и оба мятежника Займи и Лондо, кошорыхъ Англiйскiй Резидентъ изгналъ изъ убѣжища ихъ Каламоса, возвратились въ Морею, покорились Правительшву и наби-



рали войска въ Калавритскомъ округъ своемъ для вспоможенія отечеству.

23 Апрѣля, Турки перешли чрезъ Ахелой и спали лагеремъ предъ Миссолонги; оны двухъ переметчиковъ, Греки узнали что войско ихъ состоятъ изъ 25,000 человекъ, однако же нуждается въ жизненныхъ припасахъ и имѣетъ при себѣ только двѣ маленькія пушки, прочую же артиллерию ожидаютъ изъ Патраса.

На Идрѣ также слышали между 28 и 29 Апрѣля непрерывную пальбу, происходившую къ югу оны Мореи и наконецъ узнали, что между эскадрою Миаули, состоявшею изъ 22 кораблей, и Египетскимъ флотомъ завязалось сраженіе. Перепалка была весьма сильна, но безъ успѣха; потому что Греки, по недоспашку въпра, не могли пустить своихъ брандеровъ, и не смотря на всѣ ихъ старанія, Египтяне успѣли пристать къ Морейскому берегу.

8 Мая, я отплылъ къ острову Идрѣ. Хотя сей островъ съ Навплиею находится въ важныхъ торговыхъ сношеніяхъ, однако же нѣтъ между ими никакого порядочнаго сообщенія, и единственное средство къ переправѣ состоятъ въ открытыхъ лодкахъ, изъ коихъ оны 40 до 50 находятся въ ходу. Сія лодки обыкновенно содержатъ оны 15

до 20 шопновъ, имѣющихъ одинъ большой и одинъ передній парусъ, управляюся 2 или 3 взрослыми людьми и однимъ мальчикомъ, и безъ большаго неудобства могутъ помѣстить въ себѣ оны 20 до 30 пассажировъ. Оны болѣею частію отъѣзжаютъ вечеромъ изъ Навплии, чтобы воспользоваться вѣтромъ, который всегда по ночамъ дуетъ изъ Аргосскаго залива, и обыкновенно достигаютъ Идры только на слѣдующее утро, хотя разстояніе между сими двумя мѣстами не превышаетъ 36 Англійскихъ миль. Прямо предъ нами лежалъ маленькій островъ Спеція, мимо котораго мы проѣхали около полудня. Оны состоятъ изъ скалы, покрытой шонкою пластинкою земли, на коей изрѣдка растетъ масляная фишашка и емиамъ. Городъ, лежащій на восточномъ берегу, содержащій въ себѣ около 700 домовъ на покашосии горы, которые, будучи весьма численны и выбѣлены, съ многочисленными мельницами, представляющъ весьма пріятный видъ.

На морѣ былъ совершенный штиль. Медленно плывя мимо Урзирискаго мыса, защищаемаго баштарекою, мы ясно увидѣли городъ Идру, который, какъ будто былыми крылами объемлетъ бесплодную груду скалъ, на коихъ построены. Однако же мы не

могли прямо къ нему подъѣхать, но должны были поворошить къ сѣверу и объѣхать островъ *Токо*, который лежитъ между *Идрю* и открытымъ моремъ. Къ 6 часамъ мы пристали къ острову *Токо*, чтобы дать отдохнуть мапросамъ и наслаждались прелестными видами. По всему вѣроятно мы находились на томъ мѣстѣ, гдѣ *Бейронъ* написалъ несравненное вступленіе ко второй пѣсни своего *Корсара*. Прямо предъ нами лежали *Арголидскія* горы, вправо шемѣлся *Колонскій* мысъ и виднѣсь былъ заливъ *Эгипскій*. Къ 9 часамъ, проѣхавъ около двухъ миль вдоль берега, мы опять вошли въ небольшую бухту, въ которой мапросы хохотали переночевать, и вышли на берегъ, чтобы достать молока и хлѣба. Сей островокъ, почти на 6 *Англійскихъ* миль отдаленный отъ *Идры* и совершенно отъ нея зависящій, имѣетъ нѣсколько пасбищъ для овецъ, и производитъ нѣкоторыя огородные овощи. Вся удобная къ воздѣлыванію земля принадлежитъ *Идріотамъ*; и потому природные жители сего острова находятся въ крайней бѣдности. Въ 10 часовъ ушра мы спали на якорь въ *Идрійской* бухтѣ. Городъ съ морской стороны представляеть восхишительное зрѣлище, большіе бѣлые дома внезапно подни-

маются изъ моря и составляютъ какъ бы продолженіе крупныхъ отвѣсисныхъ скалъ, образующихъ гавань. Почти на каждой изъ нихъ бѣлелись крылья безчисленнаго множества вѣтряныхъ мельницъ, на каждой выдавшейся вершинѣ спояла грозная башшарей. Вдали видны были бесплодные и пустыя скалы, на которыхъ однако же построено множество монастырей. Внизу острова построена спража, для извѣщенія о приближеніи кораблей; а такъ, какъ съ сего мѣста видно на весьма далекое пространство, то *Идріоты* обыкновенно первые получаютъ извѣстія о каждомъ значительномъ морскомъ движеніи. Улицы здѣсь крупны и неровны, однако же чистотою своею представляють пріятное зрѣлище для путешественника, ѣдущаго изъ *Пелопонеса*. Набережная около гавани усыяна таможенными спроеніями и лавками, которые составляютъ какъ бы продолженіе нынѣ существующей гавани, и множествомъ своимъ ясно показываютъ, сколь она въ свое время была значительна.

Всѣ дома построены весьма прочно, и (если исключимъ плоскія кровли) на образецъ *Европейскій*; комнаты обширны, залы просторны, и потому воздухъ въ нихъ всегда чистъ, полы же всѣ выложены мраморомъ. Слѣны такъ похлесты, что рѣшеш-

ки, вставленные въ оконныя углубленія, почти нимаго не нужны. Всего удивительнѣе чрезвычайная опрятность, служащая къ чести Идріошкы, которая въпрочемъ, по восточному обыкновенію, въ домашнемъ быту весьма застѣнчивы. Хотя полу-Турецкая и полу-Европейская домашняя ушварь соединяетъ въ себѣ роскошь съ удобствомъ, однако же грубая прочность оной доказываетъ, что она болѣе сдѣлана для удобства, чѣмъ для великолѣпія.

Наружность жителей весьма привлекательна. Женщины по большей части прелестны; однако же всеобщее обыкновеніе носить около шеи кусокъ матеріи, который онѣ подвизываютъ подъ самымъ подбородкомъ, вредитъ нижнему очерку лица ихъ, такъ, что все онѣ кажутся круглолицыми. Короткая шелковая вышитая пльогръйка и широкое, обыкновенно зеленого цвѣта съ пестрою обшивкою, платье составляютъ ихъ одежду. Идріошки носятъ красивыя туфли, употребляемыя въ сѣверной Италіи. Черные волосы, пламенные глаза, пріятное лице и прекраснѣйшія руки, суть отличительныя ихъ прелести, увеличиваемыя еще опрятною Европейскихъ нравовъ; сіе даетъ имъ право сѣсть на ряду, если не первыхъ красавицъ, то по крайней мѣрѣ

пріятнѣйшихъ женщинъ, которыхъ мнѣ случилось видѣть на Воспохъ.

Мужчины все безъ исключенія сильнаго сложенія и стройны. Платье ихъ соединяетъ въ себѣ легкость восточной и красочу Европейской одежды. Короткія куртки ихъ покрыты шитьемъ. Вся роскошь одѣянія ихъ состоитъ въ рукавкѣ кинжала ихъ, единственнаго оружія, которое Идріошны носятъ на острову своемъ. Волосы, свисыя въ длинныя племешки, увеличиваютъ красочу лица ихъ.

Хотя гавань всегда наполнена кораблями, однако они находятся лишь только для починки, исключая двухъ или трехъ маленькихъ Іонійскихъ или Малійскихъ судовъ, которыя ведутъ незначительный торгъ хлѣбомъ. Достохвальное участіе, которое сей небольшой островъ принялъ въ возстановленіи независимости Греціи, обратило на оный всеобщее вниманіе. Въ древнія времена нѣсколько рыбаковъ и другихъ Грековъ, изгнанныхъ съ твердой земли шягосиньямъ игомъ Турецкаго владычества, положили основаніе сему городу, въ которомъ въ послѣдствіи наши убжище многіе подобно имъ гонимые жители Албаніи и Ашпикки. Помощки ихъ и бѣглецы, спасшися на сей островъ досѣ войны семи-

десятихъ годовъ въ Морѣ, составляютъ нынѣшнее народонаселеніе онаго. До Французской революціи торговля ихъ была весьма незначительна и ограничивалась только берегами соседнихъ острововъ. Но когда Балійское море было закрыто для Французовъ, тогда Идріоты начали снабжать ихъ хлѣбомъ изъ Архипелага и снади строили большіе корабли, на которыхъ нѣсколько позже они вели даже торговлю съ Англіею и Америкою. Въ 1816 году, по словамъ Пукевилля, они имѣли 120 судовъ, между коими было до 40, о 400 — 600 тоннахъ; нынѣ число сіе значительно умножилось, и всѣ они занимающа освободженіемъ своего отечества. Услуги, оказываемыя ими въ сей борьбѣ, нѣмъ похвалить, что онѣ происходятъ единственно отъ любви къ отечеству, и не суть сладкіе преперивныхъ ими приношеній. Уже за нѣсколько лѣтъ они купили у Порты свою свободу; ни одинъ Турокъ не жилъ на острову, и не дерзалъ переступать черезъ набережную и входилъ въ городъ. Денежная подашь ихъ составляла бездѣлицу, единственная тягость, ихъ обременявшая состояла, въ обязанности спавить ежегодно 150 машросовъ во флотъ Опшоманскій, къ чему многіе добровольно посвящали себя; нѣкоторые изъ нихъ до-

служивались до званія Капуданъ-Паши (?). Нынѣ торговля на Идрѣ совершенно прекратилась и ввроятно никогда болѣе не возстановится, но крайней мѣрѣ на семь островъ; ибо если бы Идріотамъ и посчастливилось возвратишь себя свою свободу, то конечно они опынущъ весьма удобнѣе для торговли, чѣмъ то, кошорое они избрали изъ нужды.

Мы посѣщали здѣсь Г. Гикю Гиури, одного изъ младшихъ Идрійскихъ Примасовъ. Домъ его весьма просиоренъ и можешь послужить образцомъ опришности и хорошаго вкуса. Частное сообщеніе съ Европейцами придало его обращенію нѣкоторую ушонченность, а хорошее воспитаніе, вмѣстѣ съ природными дарованіями и швердыми правами, ошличаетъ его отъ многихъ его соотечественниковъ. Впрочемъ я назвалъ его не только пошому, что онъ шого зашлуживаетъ, но болѣе по шому, что большая часть сыновей Идрійскихъ Примасовъ, подобно ему, ошличаются познаніями и сильно чувствующюю необходимость сминъ пошрамленіе съ Греческаго имени. Словесность конечно не сдѣлала еще большихъ успѣховъ на Идрѣ; однако же познанія мало по малу начинающъ оживашъ. Здѣсь много училищъ для шшихъ званій, и въ шомъ числѣ одио

подъ вѣдѣніемъ воспитанника Хіосской школы, въ конхъ дѣши зажиточныхъ островичанъ обучающаго древнему и новому Греческому языку. Многіе изъ сихъ Примасовъ, имѣющъ драгоцѣнныя книги; онѣ, какъ горящъ, собраны для основанія публичной бібліотеки, по предложенію Г. Эдуарда Масона, любезнаго Шотландца, кошорый учрежденіемъ школъ и подобныхъ шому заведеній старается облагородить нравы Грековъ. На семь островъ издается дважды въ недѣлю, подъ надзоромъ Г. Кіанцы, въ числѣ 500 экземпляровъ газета подъ названіемъ: *Другъ Законовъ*. Типографія и стансы, кошорыми однако могутъ только бытъ оппечашываемы книги въ малый листъ, подарены Французскимъ Комитетомъ Филеллиновъ.

Нигдѣ не замѣчалъ я никакой охоты учиться, какъ между юношами сего острова; и хотя торговый горизонтъ Идры покрытъ шуманомъ, но, судя по ихъ стремленію къ образованію себя, нельзя сомнѣваться, что они всегда сохраняющъ въ рукахъ своихъ управленіе общественныхъ дѣлъ своего оппечества; и вѣроятно, что сіе *пятнишко* на картахъ Греціи, бывшее некогда мѣстопробываніемъ нѣсколькихъ бѣдныхъ рыбаковъ, будетъ просвѣщеннѣйшею, образо-

ваннѣйшею и знаменитѣйшею частію освобожденной Элады.

Прибытіе двухъ кораблей изъ Наварина съ печальнымъ извѣстіемъ о взятіи острова Сфактеріи, кошорый командуешъ гаванью сего города и занятъ былъ 6 Мая Египтянами, распроспранило уныніе по всему острову; шѣлъ больше, что сіи корабли съ трудомъ могли спастися и знали только то, что на томъ острову находилось множество Идришовъ, кошорые, защищаясь, не могли избѣгнушь смерти, что всѣхъ заставило опасаться объ участи своихъ друзей и родственниковъ. Пошери сего острова должна была имѣть несчастныя послѣдствія, ибо влады онымъ, Египтяне могутъ осадить Наваринскій гарнизонъ съ моря и съ суши. Это легко можно было предвидѣть; пошому что, если бы самыя укрѣпленія и трудно было взять приступомъ, то голодъ принудилъ бы наконецъ сихъ защитниковъ сдатьсь. Въ числѣ павшихъ на островѣ Сфактеріи находился и Графъ Сянша-Роза, изгнанный изъ своего оппечества; прибывъ въ Грецію, онъ былъ принужденъ кознями членовъ Законодательнаго Сословія оппказаться онъ всѣхъ предѣвшихъ намѣреній и надеждъ своихъ, и сташъ на ряду съ прочими Греческими воинами. Вскорѣ пошомъ

пришло сюда извѣстіе и о взятіи Наварина. Гарнизонъ, состоявшій изъ 1070 человекъ, сдался на капитуляцію. Однако же горестъ, въ кошую всѣ были повергнушы сею потерею, вскорѣ превратилась въ радость, когда узнали о морской побѣдѣ, одержанной Греческимъ флотомъ подъ начальствомъ Миаули. Вся Египетская эскадра, состоявшая вмѣстѣ съ нѣсколькими Австрійскими и другими судами изъ 25 кораблей, сдѣлалась добычею пламени.

20 Мая я переправился на маденькій островъ Спеціо: это Идра въ уменьшенномъ видѣ. Городъ лежитъ на восточномъ берегу и имѣетъ около 3000 жителей. Сей островъ спавишь 16 кораблей и два брандера къ Греческому флоту. Мапросы столь же искусны и опытны, какъ и Идрійскіе; одни брандеры ихъ еще не имѣли случая опланичься. Въ Спеціи я былъ у знаменитой Бобелины, которая весьма радушно и ласково приняла насъ. Она довольно родна и чертами лица слишкомъ сближена съ мужескимъ поломъ. Дочь ея въ замужествѣ за сыномъ Колокопрони; она обнаруживала сильную радость при мысли о возможности его скорого освобожденія, и увѣряла, что если онъ опять будетъ начальствовать войскомъ, она присоединится къ нему съ

пятерыми браньями своими. — Вскорѣ потомъ она была заспрылена во время мятежа. Одинъ изъ ея браньевъ обезчестилъ двушку на семь островъ; ея родственники окружили домъ Бобелины, пребыл, чтобы онъ на ней женился. Бобелина съ горячностью говорила съ ними изъ окна; вдругъ внезапный выстрѣлъ изъ ружья брата обиженной дѣвицы, прервалъ шокъ красноречія вмѣстѣ съ жизнью ея. Убийца не былъ потребованъ къ суду, и жители принудили брата Бобелины на другой день женишься на жерствѣ своего легкомыслія. — Передъ отъѣздомъ моимъ, получилъ я отъ Правительсва въ Идрѣ позволеніе увидѣть пѣльныхъ мятежныхъ полководцевъ. Наружность большей части изъ нихъ не имѣла въ себѣ ничего примѣчательнаго. Одинъ Колокопрони легко могъ быть опланиченъ отъ другихъ по нѣкоторому выраженію необыкновенной дикости. Онъ не великъ ростомъ, но сильнаго сложенія; голова его, возвышающаяся надъ весьма короткою шею, весьма велика. Сверхъ того, густыя брови, темная, космачая борода и черные какъ смоль волосы, низпадающіе въ длинныхъ кудряхъ, дѣлающіе его достойнымъ вниманія живописца.

Гибельная ревность оспановила успѣхи флота, сверхъ того зависъ и нешолобіе

производящъ такія же вражды, какъ и на сушь, между Капитанами каждаго ошрова въ особенноти. Обыкновеннѣйшая причина несогласій есть щеславіе. Никогда не встрѣчалъ я людей, которые бы были столь славолубивы, какъ Идріоны: надежда бытъ воспѣтыми въ Одѣ или Элегіи, получить похвалу въ Идрійской или бытъ упомянутыми въ какой нибудь Англійской газетѣ, можешь одушевить ихъ къ дерзновеннѣйшимъ предпріятіямъ. Слѣдовательно счастье или повышение одного изъ нихъ, въ шаккой же степенн возбуждаетъ въ товарищахъ его духъ распри и неудовольствія, въ какой доблести его заимѣвающъ славу ихъ.

Чишатели, слышавъ объ удивительныхъ подвигахъ и о заслуженной славѣ Элинской флотилліи, можешь бытъ, не повѣряя мнѣ, что все сіи подвиги совершены одними только брандерами съ помощію 12 или 14 кораблей, и что остальные 45 или 50 судовъ не оказали досель ошечеству своему другой услуги, кромѣ того, что множествомъ своимъ придавали большую значительность своему флоту и шѣмъ распространяли болѣе ужаса между непріятельскими кораблями; но это было въ самомъ дѣлѣ, и слабое Правительство досель не могло поправить сихъ недоспашковъ. Сіе

происходишь ошъ того, что все кораблн соспавляющъ собшвенность частныхъ лицъ, и что только весьма немного между ими такихъ храбрыхъ людей, кошорымъ ничего не кажешя шруднымъ, если они видящъ возможность къ доспженію своей цѣли и смѣло прошивуборствующъ значительнѣйшей силѣ непріятельской; другіе напрошивъ того, будучи гораздо честолубивѣе и ошпороживѣе первыхъ, довольствуются нѣсколькими залпами изъ пушекъ, утверждая, что безразсудно было бы вдаваться въ большую опасность, нежели сколько пошребно для защиты брандеровъ или, если усильно шребующъ дѣятельнѣйшей съ ихъ стороны помощи, не стыдѣлся говорить, что они не могушъ подвергать маленькія суда свои сильному огню Турецкихъ фрегатозъ; поэтому что, какъ собшвенныя средства, такъ и маловажная помощь, получаемая ими со стороны Правительствва, не позволяющъ имъ исправлять могущаго случиться поврежденія. Такъ-шо Міаули, кошорый ошъ щеславія и корыстолубія другихъ лишился большей части своего флота, съ дюжиною вѣрныхъ и послушныхъ приверженцевъ подкрѣплялъ благородныхъ мужей, управленихъ брандерами, кошорые никогда не ошступали ошъ своихъ обязанностей и пред-

принимали все, что могло послужить къ освобожденію Греціи и къ рѣшительному окончанію войны.

Сей дух распри и несогласія оказывашь бѣдственное вліяніе свое не на однихъ Капшановъ, но и на мажросовъ, копорые, подражая начальникамъ, и будучи увѣрены, что слабое Правительствво не въ силахъ наказывашь непослушанія, постоянно оплечающія буйствомъ и непокорностію. Гордясь новообрѣщенной своею свободою, они не хотѣшъ и слышашъ о дисциплинѣ и о повиновеніи начальству, сверхъ того большая частьъ экипажа состояшъ изъ родствениковъ и попомковъ одного семейства, и ими командуетъ Капшанъ, копорый по браку или по рожденію находится въ родствѣ почти съ каждымъ мажросомъ на корабль своемъ; и потому неохотно рѣшающа уопребишъ сирогія мѣры, копорыя могутъ возбудишъ противъ него недоброжелательствво цѣлаго семейства, шьмъ болѣе, что безцальное Правительствво не представляешъ ему надежной опоры. Весьма естественна, что для введенія въ дѣйство какого-либо, нѣскольکو важнаго намѣренія, пошребна не воля Адмирала и не желаніе Капшановъ, но согласіе мажросовъ. Если предпріяшѣ сіе совмѣст-

но съ ихъ выгодами, то оно безъ шрудя можешъ бышъ исполнено; однако же ничшо не въ силахъ ихъ къ шому принудишъ. Такъ какъ всѣ парши знающъ, какъ далеко опспираеша ихъ могущество, то и никогда не слышно явнаго спора. Если приказанія Адмирала пріяшны Капшану и получашъ одобреніе мажросовъ, то нѣшъ сомнѣнія въ успѣхѣ; въ противномъ же случаѣ шребованія его опровергающа и оспашающа безъ дѣйствія.

Изъ сего слѣдуетъ, что во внупренности корабля всегда царешвуетъ безпорядокъ и сумашоха; никому не назначено постоянной должности. Когда Капшанъ даешъ повелѣніе, то всѣ повшоряющъ оно съ одного конца корабля до другаго, и всѣ бросающа наперерывъ для выполненія самой незначущей бездѣлицы. Это подаешъ поводъ къ шуму и замѣшательству, копорые преимущественно иноземцу кажутъ весьма шпранными. Сидя въ каютѣ, часто находился я въ немаломъ безпокойствѣ, думая, что крикъ и попомъ надъ моею головою, служашъ вѣрнымъ знакомъ какой-либо опасности, копорой подверглось наше судно. Когда же я выходилъ на палубу, то всегда удосовѣрялся, что весь сей шумъ и споръ шричиненъ былъ какою-нибудь бездѣлицею.



Единственное, порядочное и постоянное учреждение на кораблях есть *объда* экипажа. Пища матросовъ не самая лучшая и большею частію состоитъ изъ соленой и сушеной рыбы, какъ то: сарделей и шпрески; однако же за то у нихъ превосходные сухари и лучшее Греческое вино. Въ 12 часовъ они *объдають*, при захожденіи солнца ужинають; для каждаго ошдвѣнія, состоящаго изъ шести человекъ, накрывается особый столъ между двумя пушками. По данному знаку, эконокъ снабжаетъ каждый данному столу, эконокъ снабжаетъ каждый столу надлежащимъ количествомъ рыбы, хлѣба, масла, вина и уксусу, послѣ чего, старшій у стола раздаетъ кушанье, а младшій вино. Такимъ образомъ эконокъ ошдвѣняетъ одного стола переходить къ другому, и въ продолженіе всей трапезы царствуетъ глупѣйшая тишина и благоприспособность. Капитанскіе столы, а особливо Адмиральской гавани, въ контору они завѣщаютъ, одинъ предъ другимъ стараются отличить себя доставленіемъ флоту пріятныхъ даровъ: свѣжихъ припасовъ, зелени, плодовъ, вина, сыру и пирожного, сверхъ того, они имѣютъ Европейскіе припасы и Французскія вина; и такъ не мудрено, что они могутъ жить въ довольствіи.

Между морскими Капитанами отличался еще недавно Анастасій Танкадо, коего мужество и духъ неустрашимости прославлены во многихъ Идрійскихъ пѣсняхъ; онъ палъ въ битвѣ, какъ герой. Изъ живущихъ еще понынѣ Капитановъ славнѣе всѣхъ Георгій Сокинц, коего имя извѣстно всѣмъ Европейскимъ кораблямъ, расположеннымъ на водахъ Архипелага; пошому что онъ ежегодно избиралъ его Агеншомъ своимъ, для переговоровъ съ Греческимъ флотомъ. Изъ сочинена плавания сигнальная книга, употребляемая Идріотами и Ипсаріотами. Его корабль опрянише и порядочнѣе всѣхъ прочихъ, и онъ оказалъ величайшую храбрость при Специ, Мисиденѣ и близъ береговъ Занна. За нимъ сѣдуешь Антоній Креизи, одинъ изъ благоразумнѣйшихъ и способнѣйшихъ Капитановъ Греческаго флота; его непоколебимое мужество съначала войны въ каждомъ сраженіи оказывало важныя услуги сподвижникамъ. Капитанъ Панаюши также почитается большимъ смѣлчачкомъ, по необузданной дерзости, съ конорою онъ вдается въ опасности. Въ реконсцировкѣ ли или въ сраженіи, онъ всегда первый; и если Миаули замыслишь совершить какое-нибудь предпріятіе, не обращая вниманіе на сопряженную съ онымъ опасность,

по можно быть увѣреннымъ, что онъ къ тому избереши Капитана Панаіони. Адмиральскій корабль есть построенный на Идрѣ бригъ въ 300 тоновъ. Онъ вооруженъ 14 двѣнадцати-фунсовыми и 4 длинными осмнадцати-фунсовыми пушками. Экипажъ проспираешся до 90 человекъ, которые всѣ почти въ отдаленномъ родствѣ съ семействомъ Міаули. Сынъ его Антоній молодой человекъ пріятнаго обращенія и отличнаго мужества, впрочемъ по немъ въ началствѣ. Секретарь его Лашри, воспитанникъ Хіосской Гимназіи, происходить изъ весьма почтеннаго Смирискаго дома. Каюта весьма хорошо меблирована, украшена картинами, изображающими достопамятнѣйшія сраженія Грековъ, и вокругъ стѣнъ обведена диваномъ для большаго удобства Капитановъ, собирающихся къ нему во множествѣ на совѣщаніе. За нею наодится небольшая часовня, въ которой висятъ нѣсколько образовъ Божіей Матери и Св. Николая Чудотворца, предъ коими безпрестанно шеплятся блестящая лампада. Впрочемъ Аресь (такъ называется корабль Міаули) симъ не отличается отъ другихъ Греческихъ кораблей: каждое судно имѣетъ свои образа и лампы, предъ коими Капитанъ и офицеры молятся ушромъ и вечеромъ.

По опраженіи Египетской эскадры при Модонѣ, Греческій флотъ долженъ былъ войти въ Колокинскій заливъ для починки кораблей, и снабженія ихъ свѣжею водою и съеспными припасами. Исполнивъ сіе, Греки замыслили пошчасъ выйти въ море съ новыми брандерами, которыхъ ожидали съ оспрова Идры, и попытаться заечь остальные Египетскіе корабли, которые лежали на якорѣ при Модонѣ.

Въ самомъ дѣлѣ Греческій флотъ 25 Мая на разсвѣтѣ снялся съ якоря. Міаули занялъ обыкновенное свое мѣсто возлѣ руля; здѣсь онъ находился почти безпрерывно, сидя въ каюшкѣ, построенной надъ рулемъ, а днемъ сидя на оной наблюдаетъ за всеми движеніями флота. Невозможно оказывать большей и неусыпной бдительности, особливо, если принять въ разсужденіе безпрестанныя препяшствія, которыя возникають для него изъ междоусобныхъ раздоровъ, и кои гораздо мучительнѣе, чѣмъ непріятельскіе маневры.

Къ вечеру, когда флотъ находился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мыса Машапана, шкуна, высланная для крейсировки изъ Спеціи, прибыла въ Модонъ съ печальнымъ извѣстіемъ о взятіи новой Наваринской крѣпости. Со времени паденія старой крѣ-

пости, соединенныя силы Египтянъ обратились на новую, и между шѣмъ, какъ флотъ въ гавани ожидалъ прибытія подкрѣпленій войскомъ и припасами, сухопутное войско заняло всѣ проходы; шакъ, что гарнизонъ, незачасшійся довольнымъ количествомъ воды и съѣстныхъ припасовъ, ушомленный непрерывною бомбардировкою, причинившею въ спѣхъ проломъ, и опрѣзанный ошъ своихъ, какъ съ моря, шакъ и съ сухаго пути, принужденъ былъ принять предложенную капитуляцію, шѣмъ болѣе, что за исполненіе оной поручилися два прибывшіе къ тому времени Европейскіе корабли. Такимъ образомъ гарнизонъ сдался 23 Мая, и былъ переведенъ въ Каламату, за исключеніемъ Яшрако и Петро-Бел, оставшихся въ пѣну, и молодаго Англійскаго врача, который не могъ прошивоспастъ искушенію, и поступилъ въ службу подъ знамена Паши для того, чшобы у Египтянъ получать по 50 піаспировъ въ мѣсяць болѣе, чѣмъ у Грековъ. Сіе событіе конечно должно было уничтожить всю надежду на сей походъ; оно не только весьма ослабило мужество Морейцевъ, но и опдало въ руки враговъ ключъ ко всему западному берегу Мореи, гдѣ не было болѣе ни одной крѣпости, которая бы омгда остановить его спремленіе, и гдѣ

пространная равнина облегчала всѣ движенія конницы. Самымъ же дурнымъ слѣдствіемъ онаго была потеря гавани, которая и посреди зимы давала непріятелямъ ихъ вѣрное убѣжище.

Невзирая на то, Міаули рѣшился продолжать свое плаваніе къ Наварину, гдѣ онъ надѣялся еще застать Египетскіе корабли; но онъ уже встрѣшилъ ихъ на пути въ Кандію, гдѣ они вѣроятно хотѣли запаситься свѣжими войсками, и принужденъ былъ слѣдовать за ними, изыскивая случай привести въ дѣйство свое намѣреніе. Въ то же время Міаули получилъ изъ Миссолонги извѣстіе съ просьбою о посылкѣ въ Лепантскій заливъ нѣсколькихъ кораблей, частію для сохраненія сообщенія, частію же для воспрепятствованія движеніямъ Турецкихъ мелкихъ, торговыхъ судовъ, крейсировавшихъ около Миссолонги и Папраса. Въ семь извѣстій сообщались ему слѣдующія происшествія. Греческій ошрядъ въ 200 человекъ атаковалъ 6 Мая укрѣпленную позицію, защищаемую 2000 Турокъ, занялъ оную и обратилъ въ бѣгство непріятеля съ потерей 60 человекъ убитыми и множества пѣвыми. При Анаполикѣ таковой же успѣхъ увѣнчала оружіе Грековъ. Приступъ къ Миссолонги начался уже 10 числа, однако же еще

дневно являясь Греческіе перемешчки изъ Турецкаго снапа, подшверждавшіе слухи о недоспашкѣ въ съѣстныхъ припасахъ; они рассказывали, что Турки, обращенные въ бѣгство и преслѣдуемые при Калакадіи, наконецъ принуждены были пишаться мясомъ лошадей своихъ, пока по усиленнымъ просьбамъ не получили подкрвленія и съѣстныхъ припасовъ изъ лагеря. Впрочемъ Миссолонги, не смотря на бомбардировку, находился еще въ лучшемъ состояніи. Міаули не могъ шотчасъ исполнить пребываній гарнизона, однако же обвщала послать суда нѣсколько кораблей, по прибытіи шѣхъ, кошорыхъ ежедневно ожидали изъ Идры. Между шѣмъ непріяшельскіе флоты шакъ одинъ къ другому приблизилсь, что послѣдовала безпрерывная пальба, кошорая однако же не споила Грекамъ ни одного человѣка; Турки же находилсь въ большей боязни. При захожденіи солнца обв эскадры находилсь въ разстояніи 4 миль одна отъ другой. Турки вышинулись въ одну линію, и по настуившему безвѣтрію, безпрестанною пальбою старались удержашь непріяшеля въ нѣкошоромъ отъ себя отдаленіи; Греки же съ своей стороны пребывали въ совершенномъ спокойствіи и не обввщали ни однимъ выстрѣломъ. Захожденіе солнца и слѣдующая

ночь представляли глазамъ моимъ восхищительнѣйшую каршину, кошорую мнѣ когда либо случалось видѣшь; небесная лазурь являла сильную противоположность съ безпокойнымъ движеніемъ вокругъ насъ. Не было ни одной шучи, кромѣ густаго облака дыму, кошорый почти неподвижно держался надъ моремъ, и коего края позлацаемы были послѣдними лучами вечерней зари. Чѣмъ болѣе ночь приближалась, шѣмъ живѣе спановилось сіе зрѣлище; мракъ ночи освѣщаемъ былъ молнією, сверкавшюю изъ пушекъ, и величественная пишина моря прерываема была громомъ вдоль Турецкой линіи.

На слѣдующій день оба флота находились почти въ шакомъ же положеніи. Турки обнаруживали шакую же шрусоешь при малѣйшей перемѣнѣ вѣтра, и шо же невѣжештво въ упошребленіи пушекъ. Ни одно ядро не попадало въ Греческое судно, сколько ни постоянно продолжалась пальба. Если бы споль часто предпринимаемое намѣреніе Грековъ, снарядить нѣсколько фрегашовъ, могло когда нибудь бышь исполнено, и если бы на корабляхъ было болѣе дисциплины, шо никакой Турецкой флотъ не могъ бы имъ воспрощивинься; доказательствомъ сему служить шо, что 34 небольшихъ бриговъ, изъ коихъ самыя большіе были шолько о 24 пуш-

кахъ, при столь слабомъ вѣтрѣ могли такъ сильно устрашить непріятельскій флотъ, въ кошоромъ находились 11 фрегатомъ, множество корветъ и большихъ хорошо снаряженныхъ бриговъ, всего болѣе 50 кораблей. Еще должно желать, чтобы Греческій флотъ пополненъ былъ нѣсколькими пароходами; если бы въ теченіе сихъ дней, когда оба флота плыли одинъ подлѣ другаго, и когда частые штили оспанавливали ихъ въ разстояніи другъ отъ друга на выстрѣль, у Грековъ былъ только одинъ пароходъ для того, чтобы буксировать брандеръ къ Турецкимъ фрегатамъ, сіи тяжелыя суда, которыми Турки отнюдь не умѣють управлять, неминуемо сдѣлались бы жертвою пламени. Въ вечеру 30 Мая подулъ благопріятный вѣтеръ, и Міаули рѣшился сдѣлать опытъ брандерами. Они были посланы впередъ, а пошчасъ за ними бриги для снятія съ первыхъ находящихся на нихъ экипажей. Уже они достигли непріятельской линіи; внезапно брандеры обратились назадъ, не сдѣлавши малѣйшаго опыта, и оставили флотъ на жертву сильнѣйшаго огня, открышаго съ непріятельскихъ кораблей. Въ послѣдствіи они извинялись тѣмъ, что они непредвидѣли вѣрныхъ выгодъ, если бы въ то время сдѣлали нападеніе, и что для того они хо-

тели сберечь брандеры на удобнѣйшее время. Недоспатоку въ сѣвѣсныхъ припасахъ принудилъ Міаули возвратиться въ одну изъ Морейскихъ гаваней и лишилъ его возможности воспрепятствовать плаванію непріятельскаго флота, который 1 Іюля пустился въ дальнѣйшій путь по направленію къ Кандіи.

## V.

## СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ.

### Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

44. *Сѣверные Цвѣты на 1828 годѣ.* С.п.б. въ типогр. Департам. Народн. Просв. 1827. въ 16 д. л. Въ отдѣленіи прозы 314, въ отдѣленіи Поэзіи 107 стр. съ заглавною виньеткою и портретомъ А. С. Пушкина.

(Сѣверные Цвѣты издаются уже четвертый годъ. Содержаніе нынѣшней книжки есть слѣдующее: *Проза.* 1) Обзоръ Россійской Словесности за 1827 годъ, *О. М. Сомова* — 2) Паденіе Вены, Историческая

повѣсть, *Θ. В. Булгарина* — Двѣ сестры или кошорой опдѣать преимущество? (аллегорія) *Θ. Н. Глинки* — 4) Бедуника, восшочная повѣсть, перев. съ Арабскаго, *О. И. Сенковскаго* — 5) О жизни и сочиненіяхъ Карамзина, *Н. И. Греча* — 6) Восхожденіе соінца въ бурное осеннее утро, *Θ. Н. Глинки* — 7) Ошривки изъ писемъ, мысли и замѣчанія (извлечено изъ неизданныхъ записокъ) — 8) Гайдамакъ, ошривокъ изъ Мало-россійской повѣсти, *П. Б. Байскаго* — 9) О сочиненіяхъ Барашынскаго, *П. А. Плетнева*. Поэзія: 1) Графъ Нулинь, соч. *А. С. Пушкина* — 2) Море, *Кн. П. А. Вяземскаго* — 3) Элегія, *К. Н. Батюшкова* — 4) На смерть В...ва, *Барона А. А. Дельвига* — 5) Ошривокъ изъ Бориса Годунова, *А. С. Пушкина* — 6) Безвѣстность, *П. А. Плетнева* — 7) Вечерній звонъ, *П. И. Козлова* — 8) Фирдоуси, *А. И. Подолинскаго* — 9) Учачъ-Су, *Е. П. Зайцевскаго* — 10) Три Сонета (изъ Мицкевича), *А. Д. Илличевскаго* — 11) Пчела и мошылекъ, *М.* — 12) Къ поршрешу Ломоносова, *А. Д. Илличевскаго* — 13) Къ часамъ, при ошсылкѣ ихъ сесшрѣ, *его же* — 14) Къ няиѣ, *Н. М. Языкова* — 15) Характеристика, \*\* — 16) Псаломъ LXII, *Θ. Н. Глинки* — 17) Къ П. А. П — ву, ошвѣиъ на его посланіе, *Н. И.*

*Гибдича* — 18) Элегія, *А. С. Пушкина* — 19) Двѣ Оды изъ Горація, *В. Е. Вердеревскаго* — 20) Паршизаны (островокъ) — 21) Съшованіе (Израильская пѣснь), *В. Н. Григорьева* — 22) Опроверженная пословица, *А. Д. Илличевскаго* — 23) Соловей, *П. А. Плетнева* — 24) Ангель, *А. С. Пушкина* 25) Кончина благошворителя, *П. Г. Ободовскаго* — 26) Пророчество о Мессіи, *его же* — 27) Конь и жеребенокъ, басня (изъ Флоріана), *В. В. Измайлова* — 28) Жалоба на счастье, *А. Д. Илличевскаго* — 29) На смерть собачки Аники, *Б. А. А. Дельвига* — 30) Сила надежды, *А. Д. Илличевскаго* — 31) Посланіе къ Н. Ф—ву, *В. Н. Григорьева* — 32) Стансы, *А. И. Подолинскаго* — 33) Надписи къ изображеніямъ нькошорыхъ Ишальянскихъ Поэшовъ, \*\* — 34) Сочинишело посланій, *А. Д. Илличевскаго* — 35) Прекраснымъ глазамъ, *В. И. Туманскаго* — 36) Алексью Николаевичу Оленину, при дошпавленіи посавдн्याго изданія басень, *И. А. Крылова* — 37) Засношьяная пѣсня, *Б. А. А. Дельвига* — 38) Цѣвшокъ и шерновникъ, басня, *М. Суханова* — 39) Русской Романшикъ Русскому Классику — 40) Переговори въ Бѣлой Церкви (черпа изъ жизни Богдана Хмельницкаго), *Θ. Н. Глинки* — 41) Ошривокъ изъ Поэмы: Бальный вечеръ, *Е. А.*

*Баратынскаго — 42) Отвѣтъ, Б. А. А. Дельвига — 43) Надежды, \* \* — 44) Последняя смерть, Е. А. Баратынскаго — 45) Ущипленіе, Б. А. А. Дельвига — 46) Идиллія, его же — 47) Эпиграмма, его же — 48) Смерть, его же — 49) Падающія звѣзды (подражаніе Беранжеру) — 50) Черепъ (посланіе къ Д.), Я. — Приложеный къ сей книжкѣ *портретъ А. С. Пушкина*, ослѣдственно выгравированъ *Н. И. Уткинымъ* съ превосходнаго портрета, писаннаго *О. А. Кипренскимъ*. Заглавная виньетка, прекрасная по изобрѣшенію и рисунку, нарисована *В. П. Лангеромъ* и весьма хорошо выгравирована *И. В. Ческимъ*.*

---

## С М Ъ С Ъ

## О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Издаваемые нами Журналы будутъ продолжаться и въ наступающемъ 1828 году, на нынѣшнемъ основаніи, по прежнему плану, а именно:

**I. СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА**, Журналъ Литературы, Политики и Современной Исторіи, будетъ заключать въ себя слѣдующія статьи :

1) *Русская Словесность*. Краснорѣчіе духовное и свѣтское. Разсужденія о Русскомъ языкѣ и Русской Литературѣ.

2) *Иностранная Словесность*. Извѣстія объ успѣхахъ Словесности въ чужихъ краяхъ и новыхъ книгахъ. Переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній.

3) *Изыщная Словесность*. Повѣсти, Сказки, Разговоры, остривки изъ лучшихъ новыхъ Романовъ и ш. ц.; легкія живописныя Путешествія.

4) *Критика*. Разборъ новыхъ, достойныхъ вниманія произведеній Русской и иностранной Словесности.

5) *Поэзія*. Стихотворенія опдѣльные, и отрывки изъ большихъ Поэмъ, Трагедій, Комедій и пр.

6) *Науки и Изящныя Искусства*. Подробныя свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ Наукъ и Изящныхъ Искусствъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Спашьи, относящіяся къ теоріи Наукъ и Художествъ.

7) *Современная Исторія и Политика Европы*. Разсужденія и повѣствованія о новѣйшихъ и прежнихъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ; выписки изъ иностранныхъ историческихъ и политическихъ Журналовъ; важнѣйшіе Государственныя акты, рѣчи, договоры и пр. отрывки изъ записокъ знаменитыхъ мужей, характеры современниковъ; новѣйшіе историческіе анекдоты.

Сей Журналъ будешь выходить по два раза въ мѣсяць, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

**II. СВѢРНЫЙ АРХИВЪ**, Журналъ Древнейшей и Новостей, по части Исторіи, Статистики, Путешествій и правовъ, будешь состоять изъ слѣдующихъ опдѣленій:

1) *Всеобщая Исторія*. Переводы изъ древнихъ и новыхъ классическихъ Писателей. Біографіи сихъ Писателей. Разсужденія о предметахъ Всеобщей Исторіи; изысканія и ш. п.

2) *Россійская Исторія*. Достопамятности древней, средней и новой Исторіи Россіянъ и прочихъ Славянскихъ народовъ; важнѣйшіе историческіе акты; кришческія изысканія; разборъ важнѣйшихъ историческихъ сочиненій. Древности; монеты.

3) *Статистика и Политическая Экономія*. Свѣдѣнія статистическія о Россіи и смежныхъ съ нею Государствахъ. Теоретическія изысканія и описанія практическихъ способствъ, клонящихся къ усовершенію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, торговли, домоводства и пр.

4) *Путешествія*. Путешествія Россіянъ по чужимъ краямъ, еще ненапечатанныя; Россіянъ и иностранцевъ по Россіи; важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ Свѣта. Извѣстія объ экспедиціяхъ полярныхъ.

5) *Правовѣдѣніе*. Теорія Судопроизводства. Юридическія изслѣдованія. Знаменитые процессы.

6) *Нравы*. Спашьи о нравахъ и обычаяхъ, въ родѣ Аддисонова Зрителя, Джонсонова Побродяги, Пущыинника Жуи и ш. п.

7) *Перечень новыхъ извѣстій и открытій*, по части Исторіи, Статистики и Географіи.

8) *Слѣсь*. Кришческое разсмотрѣніе



историческихъ, статистическихъ и географическихъ сочиненій, картъ, плановъ и пр. Извѣстія о новыхъ книгахъ, картахъ, планахъ и пр. Къ сему Журналу прилагаемы будутъ карты, виды и планы, также поручены Россійскихъ Писателей, преимущественно современныхъ.

Сей Журналъ будетъ выходить дважды въ мѣсяць, книжками въ шесть и болѣе печатныхъ листовъ.

**III. СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА,** Журналъ новостей по части Исторіи, Полиптики, Литературы и нравовъ, или новая полиптическая и литературная Газета, въ коей помѣщаются будутъ всея крапки и легкія статьи, по вышесчисленнымъ предметамъ, получающія цѣну свою оцѣн скорого и незамедлительнаго выхода ихъ въ свѣтъ. Въ сей Газетѣ будутъ содержаться:

- 1) *Новости политическія заграничныя,* полученныя съ послѣднею почтою.
- 2) *Новости внутреннія.* О необыкновенныхъ случаяхъ и явленія въ природѣ и обществѣ; о благошворительныхъ подвигахъ; о новыхъ общепользныхъ заведеніяхъ, и ш. д.
- 3) *Новости не политическія.* О новыхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ; о произведеніяхъ Наукъ, Художествъ и ремеселъ.
- 4) Извѣстія обо всѣхъ выходящихъ въ

свѣтъ *Русскихъ книгъ,* съ крапками о содержаніи и достоинствѣ ихъ замѣчаніями.

5) *Нравы.* Небольшія статьи о нравахъ, крипическихкія и нравоучительныя замѣчанія.

6) *Словесность.* Легкія стихотворенія и разныя статьи въ прозѣ. Переписка. Пешбургскія записки.

7) *Слѣсь.* Небольшія статьи, неподходящія подъ вышесчисленные разряды. Выписки изъ иностранныхъ Журналовъ и пр.

8) Извѣстія о новѣйшихъ *модахъ.*

Сія Газета будетъ выходить листами, трижды въ недѣлю, по Вторникамъ, Четверткамъ и Субботамъ.

**IV. ДѢТСКІЙ СОБЕСѢДНИКЪ,** будетъ состоять изъ чешырехъ частей въ годъ, и раздаваться *безденежно* особамъ, подписавшимся на три помянутыя Журнала. Въ составъ онаго входятъ:

- 1) *Отечественная Исторія,* въ видѣ уроковъ или въ особенномъ повѣствованіи о важныхъ происшествіяхъ и подвигахъ, достойныхъ удивленія и подражанія.
- 2) *Отечественная Географія,* также въ видѣ уроковъ или рассказовъ о малоизвѣстныхъ странахъ обширной Россіи.
- 3) *Русскій языкъ.* Грамматическіе уроки. Примѣры чистоты и правильности языка, которымъ должно подражать, и не

правильностей, копья должно избѣгать; трудности грамматическія и ш. п., изложенныя легкимъ и удобопонятнымъ для дѣшей образомъ.

4) *Науки*. Уроки Физики, Химіи, Естественной Исторіи, Технологіи, въ видѣ писемъ, бесѣдъ и проч., вообще изложенныя легко и понятно.

5) *Словесность*: нравоучительныя Повѣсти и любопытныя анекдоты. Спихопроверженія, приуроченныя къ пониманію дѣшей.

Въ сихъ изданіяхъ принимаютъ постоянное участіе многіе извѣстные Лишерадоры и Ученые. Сверхъ того приглашаемъ всѣхъ любителей Наукъ и Словесности доставлять въ наши Журналы свои произведенія, но обязуемся печатать только то, что сообразно съ цѣлю изданія, что содержаніемъ и слогомъ достойно вниманія просвѣщенной публики. Въ семъ случаѣ принимаемъ на себя обязанность оппечатывать на свой счетъ до двухъ сотъ экземпляровъ, доставленной намъ статьи особо, въ пользу Автора; но въ случаѣ невозможности помѣстивши какую-либо статью, отказываемся отъ всякой по сему предмету переписки, и отъ обязанности доставлять руко-

пись обращно. Изъ сего исключаются историческія акты и ш. п., кои, по снятіи съ нихъ копій, возвращаются доставившимъ съ благодарностію.

Цѣна сихъ Журналовъ есть слѣдующая:

Съ пересылкою и съ доставленіемъ въ Санкт-Петербургъ. на домъ.

- |  |       |       |
|--|-------|-------|
| 1. За годовое изданіе или 24 книжки <i>Сына Отечества</i> . . . . .    | 40 р. | 45 р. |
| 2. За годовое изданіе или 24 книжки <i>Сверскаго Архива</i> . . . . .  | 40 р. | 45 р. |
| 3. За годовое изданіе или 156 листовъ <i>Сверскаго Пчелы</i> . . . . . | 40 р. | 50 р. |

За всѣ при изданія вмѣстѣ здѣсь въ С. Петербургѣ 120 р., съ доставленіемъ на домъ 130 р., съ пересылкою въ другіе города 140 р. Подписавшіеся на всѣ при изданія получаютъ безденежно въ годъ четыре части *Дѣтскаго Собесѣдника*, на который особо подписки не принимается.

Подписываться можно, въ С. Петербургѣ: въ типографіи Коллежскаго Совѣтника Греча, на Исакіевской площади, въ домѣ Бремера, подъ No 180; у Издателя, Ю.

В. Булгарина, въ большой Офицерской улицѣ, въ домъ Спруговщикова, подъ Но 156; въ книжныхъ лавкахъ Гг. Смирдина, Сленина, Глазунова, Свѣщникова и Заикина; въ Москвѣ: у Гг. Ширяева и Свѣщникова. Иногородные благоволяшь адресоваться прямо въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

*Н. Гречъ. О. Булгаринъ.*

Санктпетербургъ.

21 Декабря 1827.

Конецъ сто шестнадцатой части.

## О Г Л А В Л Е Н И Е

СТО ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Сираи.

### I. Изящная Словесность.

1. Посыпшители Висбаденскихъ пенальцъ (Оконч) . . . . . 3
2. Степени возраста женщины . . . . . 36  
(Оконч.) . . . . . 81
3. Импровизаторы . . . . . 163
4. Стакляница, Ирландское преданіе . . . . . 186
5. Волшебный гвоздь, Восточная Повесть . . . . . 202
6. Моцаршово письмо . . . . . 215
7. Книгсбечъ въ Лондонѣ . . . . . 217

### II. Военное Искусство.

О состояніи Французской артиллеріи . . . . . 55

### III. Некрологія.

1. Андрей Михайловичъ Теряевъ . . . . . 131
2. Николай Федоровичъ Граммашинъ . . . . . 223

### IV. Стихотворенія.

1. Ошрывки изъ Повѣсти: Изгнанникъ . . . . . 76
2. Война въ Персіи, 1827 года . . . . . 139
3. Семикъ, или Марьяна роца . . . . . 142
4. А. М. Р—ну . . . . . 236

|   |     |
|---|-----|
| V. КРИТИКА.   |     |
| Разсмотрѣніе сщашь Исторія Артиллеріи                           | 122 |
| VI. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.                             |     |
| 1. Лондонъ . . . . .  | 70  |
| 2. Алжиръ . . . . .   | 146 |
| (Оконч.)  | 239 |
| 3. Новѣйшее сословіе Южной Америки                              | 261 |
| 4. Путешествіе по Греціи Джемса Эмер-<br>сона (Общч.) . . . . . | 292 |
| VII. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ                           | 78  |
|   | 159 |
|   | 329 |